

ПИОНЕР 3

1981

ВПЕРЕДИ — МНОГО РАБОТЫ

Э. ГИЛИНСКАЯ,

кандидат экономических наук, заведующая сектором Центрального научно-исследовательского экономического института Госплана РСФСР

Дорогие ребята! Вы знаете, конечно, что к XXVI съезду КПСС наша страна, весь советский народ пришли с большими успехами. Закончилась десятая пятилетка, многое сделано на полях и стройках, немало одержано побед.

Давайте сейчас еще раз вспомним о них:

1 триллион киловатт-часов. Столько электроэнергии ежегодно вырабатывается сейчас в стране — больше, чем в любую другую пятилетку.

1 миллион 800 тысяч тракторов. На поля страны пришло почти в двадцать раз больше могучих машин, чем мечтал когда-то Владимир Ильич Ленин.

1 200 заводов, фабрик, рудников. Столько крупных предприятий вступило в строй за пять лет. Среди них — крупнейшая в Европе домна на Череповецком металлургическом заводе и Ленинградская атомная электростанция.

31 миллиону человек была повышена заработная плата в десятой пятилетке.

50 миллионов человек (каждый пятый советский гражданин) справили новоселье за последние пять лет.

11 миллиардов рублей израсходовано на охрану окружающей среды, сбережение чистой воды, воздуха, лесов.

Да, много сделано за эти годы, есть чем гордиться, что навсегда останется в истории нашей Родины. Но сегодня главная наша забота о завтрашнем дне — о том, сколько работы впереди, как много еще надо сделать для лучшей жизни советских людей. Мы расскажем тебе сегодня, как пойдет эта работа в одиннадцатой пятилетке.

С каждым годом все больше новых домов в наших городах и поселках, все больше машин и мотоциклов на улицах, больше одежды, обуви, книг, радиоприемников в магазинах. Меняется жизнь вокруг нас, но меняемся и мы сами. Растут наши запросы, многие хотят купить цветной телевизор вместо обычного, новый магнитофон или фотоаппарат...

Чтобы все эти мечты осуществились, наша промышленность должна лучше работать, не отставать от времени, выпускать продукцию отличного качества.

Как этого добиться?

Есть два пути. Можно строить новые заводы и фабрики, прокладывать железные дороги, возводить ГЭС, закладывать шахты, рудники, карьеры.

Такой путь называется экстенсивным. Именно так, за счет нового строительства развиваются многие отрасли народного хозяйства на необъятных просторах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана.

Но большие стройки требуют много времени и средств, притока рабочих. А представьте себе места, где нет уже свободной территории и все рабочие и служащие уже заняты на ранее построенных предприятиях. Именно так сложилось в центральных районах страны, на Урале, в Поволжье. Выход здесь — в интенсивном пути развития.

Что это значит? Если взглянуть на любую работу по-хозяйски, то всегда можно найти, как ее улучшить или сделать быстрее. На любом заводе, в том числе и давно построенном, можно отыскать пути, чтобы выпускать больше продукции, повышать качество, но делать это без больших новых затрат. Вот пример такого настоящего хозяйского отношения к своему заводу, к общему делу.

Есть в Свердловской области Первоуральский Новотрубный завод. Только сверх плана в десятой пятилетке завод выпустил двадцать тысяч километров труб! Это целая магистраль от Москвы до Владивостока и обратно! И заметьте — выпущена сверх плана. А в начале пятилетки о другом думали на заводе — как бы только справиться с планом. Где же секрет успеха? В реконструкции.

Вот что сделали на этом заводе.

Новыми, более мощными заменили старые станки. Нагревательные печи переделали так, чтобы получать больше металлических заготовок для труб. А сами заготовки быстрее пустили по конвейеру. В результате в каждую смену стали давать больше труб. Ввели дистанционное управление, и там, где раньше нужны были три человека, справляется теперь один. Все это сделали, не останавливая производство! И самое главное, затрат на реконструкцию потребовалось меньше, чем если бы пришлось строить новый корпус или цех. Это и значит интенсивно развивать производство.

Другими словами, беречь каждую копейку и в то же время двигаться вперед, не отставать от времени. Многое здесь зависит и от каждого из нас, от нашей работы, отношения к делу, дисциплины. «Как мы живем сегодня и будем жить завтра,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— это зависит от нас самих, от наших трудовых успехов».

Каждая пятилетка имеет свое лицо. В годы одиннадцатой вся наша экономика станет осваивать интенсивный путь развития. Наряду с другими это важный вопрос XXVI съезда КПСС.

Особенно многого мы ждем от тех отраслей, которые производят продукты питания. Ведь еще не во всех городах и промышленных центрах эти товары всегда есть в достатке. Вот почему важнейшей частью одиннадцатой пятилетки станет продовольственная программа. В чем ее особенность?

В том, чтобы все, от кого зависит наше питание, делали свою работу еще ответственнее, заинтересованнее.

Ты можешь сказать: а разве раньше эти отрасли не выполняли свою работу? Выполняли, и очень неплохо. Но каждый отвечал за свой участок, не всегда заботясь о конечном результате. Ведь как бывало? Железнодорожники следили за доставкой грузов. А сколько простоят составы на путях и не испортятся ли за это время продукты — их интересовало меньше. Это была забота другой отрасли. Вот почему по пути к элеваторам и овощехранилищам, кондитерским фабрикам и магазинам теряли много зерна, овощей, фруктов.

Продовольственная программа объединит всех участников в единый комплекс. Каждая отрасль будет теперь заинтересована в главном — чтобы продукты питания были высокого качества, чтобы они это качество не теряли и быстро доставлялись к нашему столу.

Продовольственная программа касается всех советских людей — каждого из нас. И это тоже один из важных вопросов XXVI съезда КПСС. Ведь и в одиннадцатой пятилетке главной целью нашего развития по-прежнему останется улучшение жизни всех советских людей, создание условий для развития каждого человека.

О каждом из нас — старом и молодом, о столичном жителе и о том, кто живет в далеком таежном селе, о школьниках и о ветеранах Великой Отечественной войны, обо всех заботятся наше государство, Коммунистическая партия.

У рабочих и служащих вырастет за эти годы заработная плата, у студентов и учащихся ПТУ — стипендия, для пенсионеров и ветеранов Великой Отечественной войны запланированы новые льготы.

Больше можно будет приобрести необходимого для семьи, больше потратить на отдых, театр, на экскурсии и спорт. Тем более, что пансионатов, санаториев и турбаз тоже будет больше.

Заботу Родины почувствуете и вы, ребята.

Для вас — тысячи новых школ со светлыми классами, современными кабинетами, спортивными залами. Для вас — новые учебники. В новой пятилетке все они будут выдаваться бесплатно. Для вас — новые книги, стадионы, детские театры.

Вам расти и учиться в годы одиннадцатой пятилетки. Набирайтесь сил, здоровья, трудовых навыков. Растите настоящими гражданами своей Родины, ее будущими хозяевами. На заботу Родины готовьтесь ответить честным трудом.

Вам продолжать эстафету наших пятилеток!

Выходит с 15 марта 1924 г.

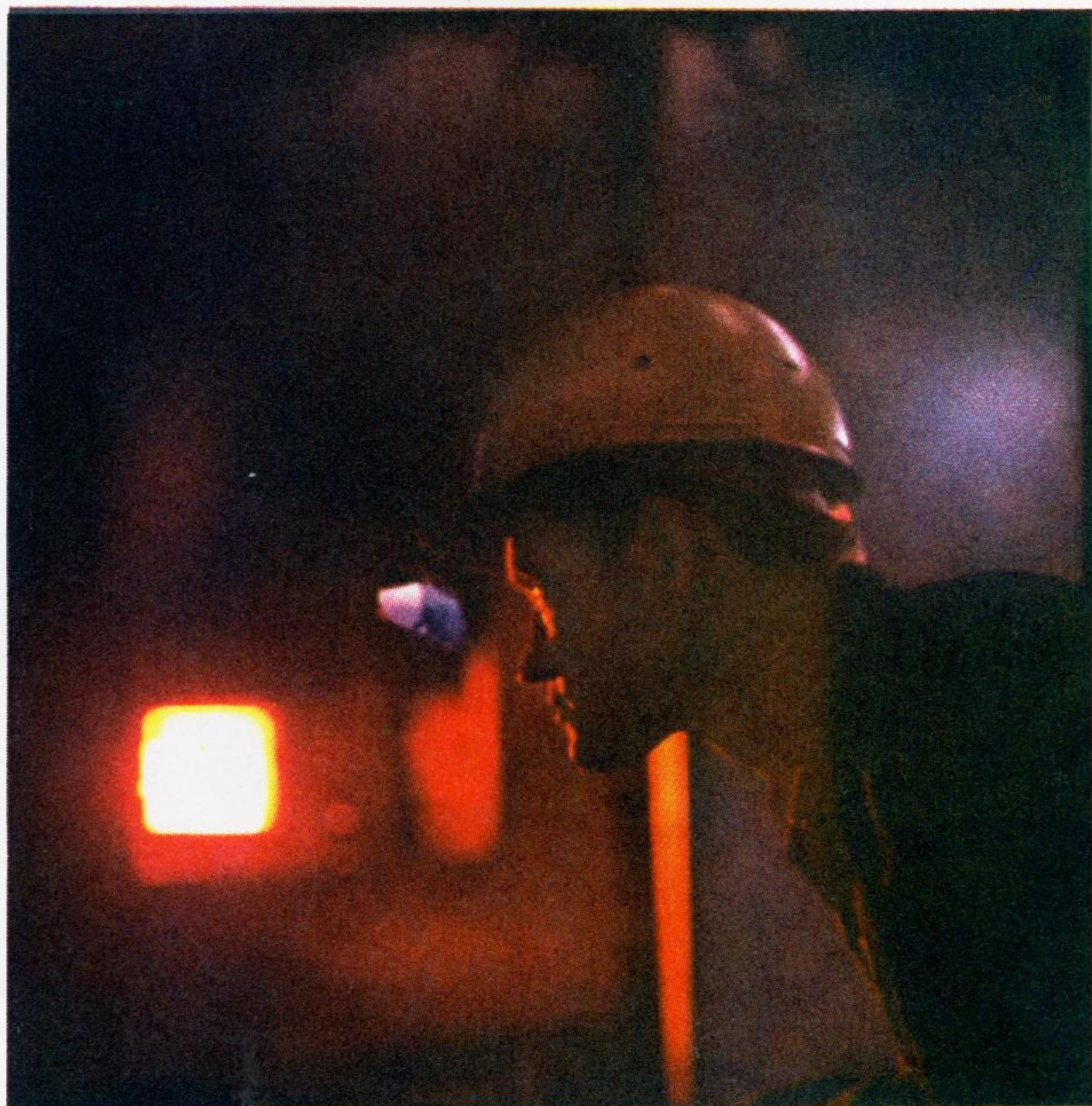
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1981 г.
Издательство «Правда»

«Расскажите, пожалуйста, о профессии металлурга». Эту просьбу ребят, которая так часто повторяется в письмах, мы передали писателю Анатолию БАЮКАНСКОМУ. О своем родном предприятии, Новолипецком ордена Ленина металлургическом заводе, он написал много очерков, статей и книг.

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Город в городе

Что такое наш Новолипецкий? Рабочих больше ста тысяч! Шестьдесят цехов. Все оснащены автоматикой, телемеханикой, вычислительной техникой. Двенадцать железнодорожных станций. Одних только поваров, официантов и продавцов в заводском комбинате питания — тысяча человек!

У нашего завода есть несколько учебных цехов, профтехучилища, металлургический техникум, политехнический институт. Хочешь на металлурга учиться? Пожалуйста. Хочешь отдыхать? При заводе более тридцати домов отдыха, морской клуб, в его распоряжении — суда олимпийского класса, дворцы спорта, ледовая арена, где тренируются зимой и летом фигуристы и хоккеисты.

Город в городе, да и только. А какие удивительные встречи в этом городе происходят!

Огневица

Пускали на заводе новый цех. Все очень волновались. Главный конструктор, инженеры-пусконаладчики, приехавшие со всех заводов страны, нервничали: как пройдут первая плавка и разливка металла? Еще бы, впервые в мировой практике: цех с непрерывной разливкой стали!

— Всем приготовиться к плавке! — прозвучала команда.— Отойти от печей, возможны выбросы металла.

И вдруг из толпы корреспондентов вышла старушка, держа в руках веник, шагнула к печи.

— Вы куда? — кинулись к ней инженеры.

— К печке. Веник вот у меня, не простой, трехпучковый.

Инженеры за головы схватились:

— Какой веник? Тут сплошная электроника, телемеханика.

— Отнесите, сынки, на огонь. По традиции,— убеждала старушка,— этот пучок для крепости, этот — для вязкости, этот — чтобы металл на разрыв не шел. И плавка благо пройдет.

Старушкин веник отнесли к печи, бросили в огонь.

Плавка прошла успешно. Строители и металлурги кричали «ура», бросали вверх каски, фуфайки, а старушка стояла в стороне и тайком смахивала слезы. Казалось ли ей, что ее волшебный веник помог людям? Или была она счастлива, видя, что «огненное дело» в новых, молодых и надежных руках?

Я спросил: «Кто это?»

Отвечают: «Огневица».

Потом я долго разговаривал с Пелагеей Алексеевной Меньшиковой. Оказалось, что она всю жизнь проработала на заводе — для женщины неслыханная редкость! — за это и прозвали ее Огневицей. Муж ее, Малюта Меньшиков, известным мастером был. В парке ограда резная из его металла отлита. Часы на башне — стрелки и цифры — его работы. В музее царские врата — его рук дело.

Знакомьтесь: конверторный!

Сказать честно, в конверторном цехе устали от гостей. Но эту группу приметили все. В конверторном появились ребята — десятиклассники.

Поднялись гости на переходной мостик и замолчали: внизу разбегались во все стороны необозримые проспекты, заставленные машинами, озаряемые багровыми вспышками. Постояли ребята, потом осторожно приоткрыли одну из тяжелых дверей.

Пульт управления плавкой. Машинист, умело орудуя кнопками и рычажками, дирижирует «оркестром» ковшей, кранов.

— Смотрите, сейчас начнется плавка! — кивнул он в сторону окна.

К одной из трех конверторных печей кран поднес лоток с металлическим ломом. «Груша» наклонилась, обнажив раскаленную горловину. Лоток с ломом тоже наклонился, и в конвертор посыпался железный лом. В это время к огнедышащему жерлу второй кран уже нес ковш с жидким чугуном. Ударила нестерпимо яркая струя...

— Я домой хочу, на свежий воздух! — не то в шутку, не то всерьез пропищал кто-то из девчонок.

— Что вы,— удивились сталевары,— самое интересное пропустите, продувку. В конвертор через отверстие подадут кислород — надо выжечь из металла вредные примеси...

Неожиданно цех наполнился страшным ревом, показалось: застонал воздух. Высоко под крышу взвились снопы искр, клубы багрового дыма. Из-под колпака конвертора начали выплескиваться прямо на землю огненные «блины».

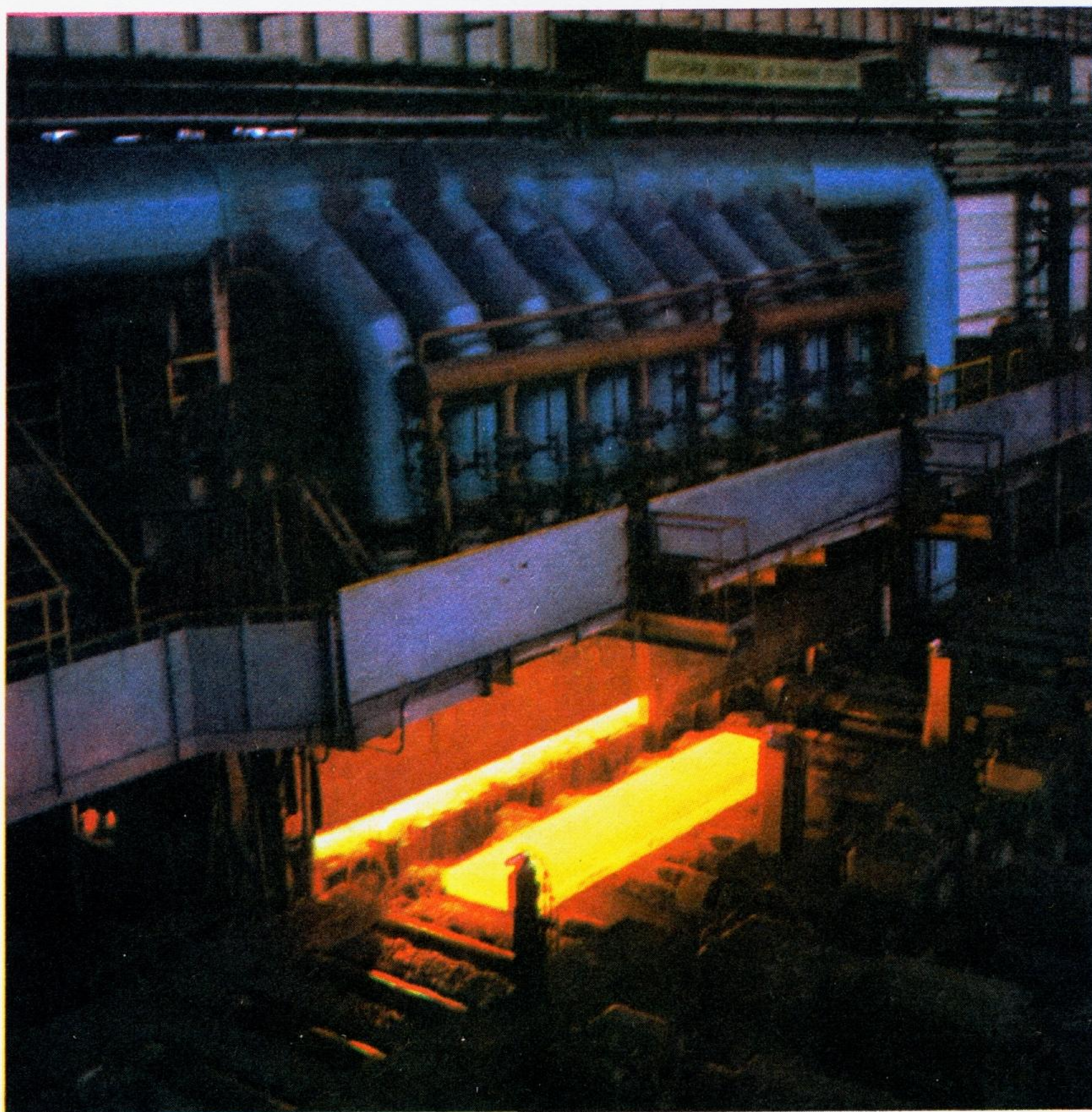
Возле печи столпились сталевары. В касках, темных очках, они цепляли длинной металлической ложкой пробу стали, ловко подваривали стенки конвертора огнеупорной глиной, кидали алюминиевые чушки...

Рев стих так же неожиданно, как и начался. Снова наклонился конвертор, ударила струя только что сваренного металла.

— Вот это да! — сказали мальчишки.

— Мы — такие! — улыбнулись сталевары.— Мартеновская печь варит плавку четыре часа, а наши «груши» — двадцать пять минут...

Казалось, огненным сполохам, реву и грохоту конца не будет. На одном конверторе заканчивалась плавка, на втором начиналась. По воздуху неслышно плавали краны с ковшами, вверх-вниз. Точь-в-точь, как на вертикальном колесе в городском парке. Порожние ковши вниз, с метал-

Долго не забудут ребята это удивительное зрелище.

лом — вверх: к установкам непрерывной разливки стали.

Похожа установка на крепостную башню. Внутри тяжелые стальные струи устремляются сквозь раскаленный шлак, по кристаллизаторам уходят вниз. Стекая, сталь покрывается тонкой коркой, застывает (снаружи кристаллизаторы охлаждаются водой!) и, наконец, принимает форму прямоугольного слитка.

Ребята спустились этажом ниже: за стеклянной стеной безостановочно бежал вниз стальной сляб — прямоугольный слиток — шершавый и серый, как слоновая кожа.

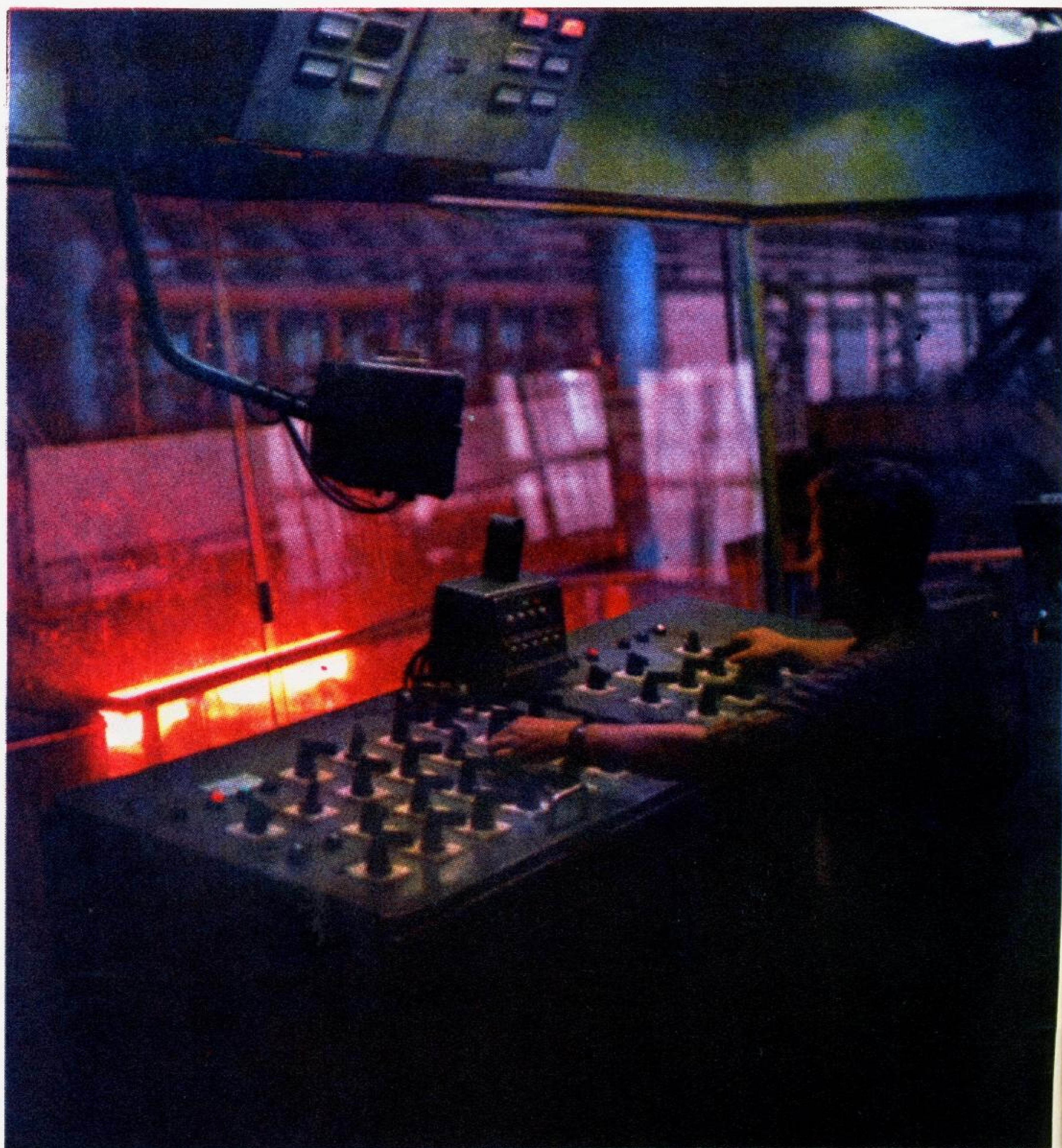
Звучит команда — и с боков на металл наезжают автогенные резаки. Одновременно сближаясь, безжалостно рассекают стальное тело тысячеградусным пламенем.

Кррррррак! — обрывается перемычка, и двенадцатиметровая плита, увлекаемая валками, исчезает из виду, проваливается в колодец.

Только на улице, увидя знакомый автобус, притихшие ребята опять оживились. Начали шумно прощаться.

— Приезжайте второй раз, — пожимая руки, сказали металлурги, — мы вам покажем рентгеновские установки, свой телецентр, электронно-вычислительную машину... Согласны?

— Согласны!

Машинист, сидя за пультом управления плавкой, умело орудует кнопками и рычажками — дирижирует «оркестром» ковшей и кранов.

В далекую Японию

Такие люди, как Огневица, прекрасное прошлое нашего завода. Десятиклассники, которые приходят в гости, — его будущее. А человек, о котором я хочу рассказать, — его настоящее, без которого будущее немыслимо.

Когда-то он пришел на завод совсем молодым, незаметным пареньком, а теперь... Как много может рассказать иногда обыкновенная анкета.

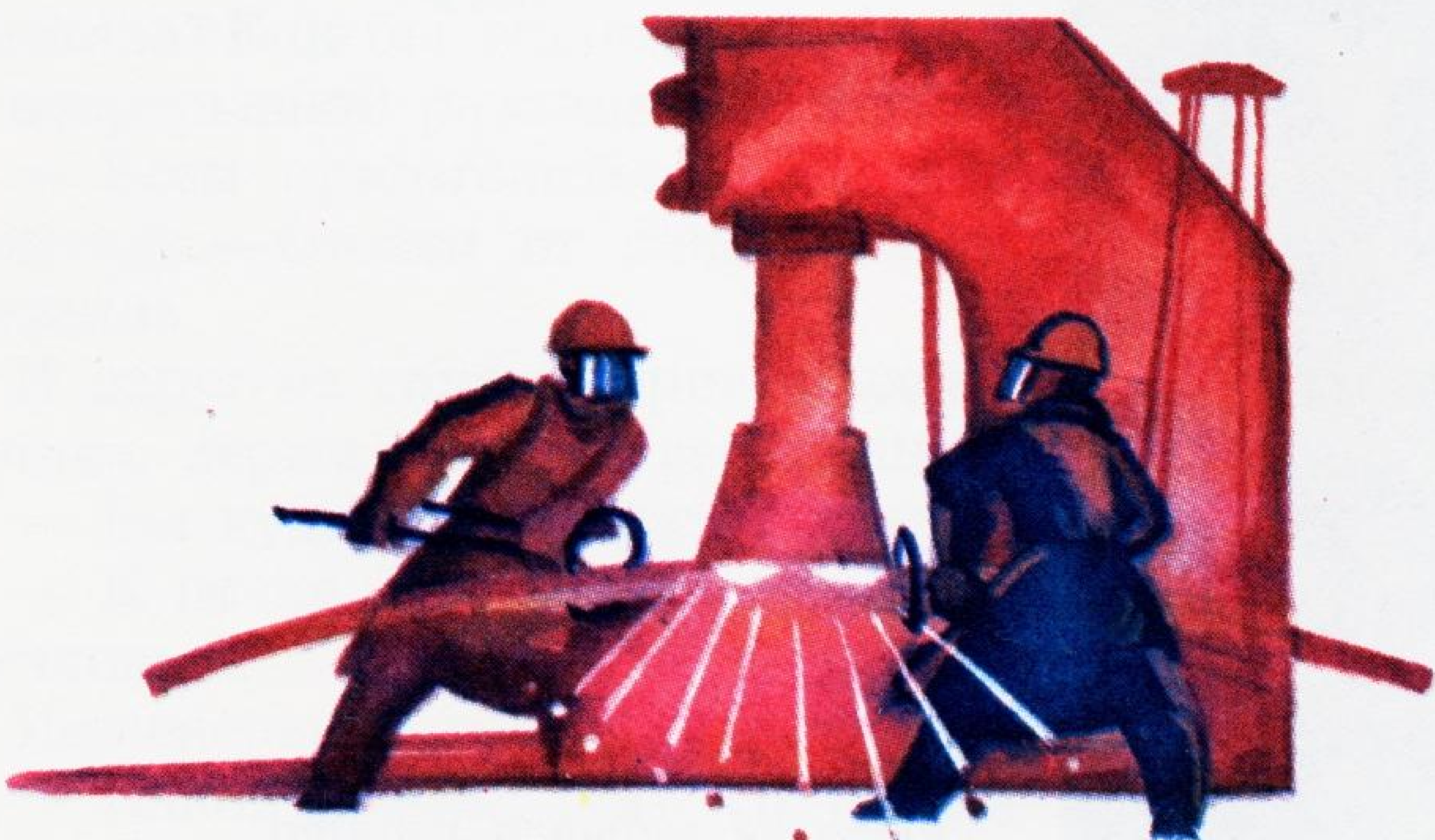
ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО: Карпов Николай Дмитриевич.

ДОЛЖНОСТЬ: Заместитель начальника цеха.

НАГРАДЫ: Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, кавалер многих орденов.

ОБРАЗОВАНИЕ: Окончил Липецкий металлургический техникум, потом Липецкий политехнический институт.

ЕСТЬ ЛИ ИЗОБРЕТЕНИЯ? Да. Восемьдесят свидетельств об изобретениях.

Однажды «Дмитрича» вызвали в заводоуправление, в отдел международных отношений (есть у нас на заводе и такой отдел) и сказали:

— Собирайтесь, Николай Дмитриевич.

— Далеко ли? — спросил Карпов.

— В Японию.

Страна Восходящего Солнца купила право на использование установки непрерывной разливки стали, изобретенной на Новолипецком заводе.

— Понятно, — просто и буднично ответил мастер, словно речь шла не о далекой стране, а о поездке из Липецка в Воронеж. Привык человек к тому, что коллеги из разных стран обращаются к липецким металлургам за помощью.

Океан накатывал на берег волны, покачивал шхуны, идущие под парусами, моторные кавасаки. Бесчисленные сопки и долины опоясаны пенистыми реками. Реки расходились по каналам и плавно вытекали на рисовые поля...

Договаривались об испытании советской машины для разливки стали в кабинете генерального директора фирмы.

Николай Дмитриевич вдруг подумал: как переменилась жизнь! Отец его пешком ходил молиться за сто верст в Задонск, «тележного скрипу боялся», а он сам за несколько часов перелетает из Европы в Азию, представляет всю Советскую страну. Недаром на круглом столе директора два маленьких флажка: СССР и Японии.

— Господин Карпов, — учтиво произнес на русском языке Генеральный директор, — согласно

договору, вы поможете нам разлить пятьдесят плавок, и тогда соглашение вступит в силу.

— Да, я знаю об этом.

Плавки прошли отлично. Четко сработала советская установка, она разлила сваренную сталь быстро и даже красиво. И тогда глава японской фирмы вежливо склонил перед русским рабочим голову.

«Орбита»

Одна из очередных сессий Совета Экономической Взаимопомощи открылась в Польше.

— ...Теперь слово имеет научный консультант стран — членов СЭВ товарищ Карпов — Герой Социалистического Труда из Советского Союза! — объявил председатель.

Липецкий мастер вышел на трибуну, стал рассказывать вот о чем.

На всех металлургических заводах во всех странах мира сваренную сталь сливают в огромные ковши, стенки и днище которых выложены специальным огнеупорным кирпичом. Долго кирпич не выдерживает. Ковш везут на специальную площадку. И пятеро мастеров, знающих тайну ювелирной кладки, с абсолютной точностью, чтобы лезвие бритвы между пазами не пролезло, выкладывают стенки и днище новым кирпичом.

Так продолжалось десятки лет. Три дня ковш принимает металл, сутки стоит в ремонте.

Карпов создал чудо-машину, назвал ее «Орбитой». Эта машина на стенки ковша напыляет специальную массу, которой не страшна любая жара.

Очень удивились даже такие бывалые металлурги, как министры. Еще бы! Раньше рабочие вручную, в две смены трудились шестнадцать часов на одном ковше, а «Орбита» тратит на замену старого слоя всего тридцать минут...

Сегодня липецкую «Орбиту» купили США, Англия, Франция, Япония.

Медленно проходит по цеху Карпов. Присматривается к цвету пламени сталеплавильной печи, что-то высчитывает... И сталевары, глядя ему вслед, шутят:

— Какую-то новую «Орбиту» к запуску готовит!

С переходного мостика весь цех как на ладони: цех — проспект, гигантские машины и агрегаты — дома.

Фотографии А. БОЧИНИНА.

Рисунки В. ДЕНИСОВА.

«Пионер» говорит «спасибо!» всем ребятам, принявшим участие в нашем сборе-поиске. Его первый этап, посвященный XXVI съезду партии, завершен. А письма с рассказами о «судьбе семьи в судьбе страны» продолжают идти. И мы решили: второй этап сбора-поиска посвятить 60-летию образования СССР.

ВЕРНЫЙ ЛЕНИНЕЦ

Когда я был маленьким, я любил сидеть на коленях у дедушки. Мы вместе подолгу разглядывали фотографии из семейного альбома. Дедушкиных друзей я узнавал, когда они приходили к нам в дом. А машины, которые я видел на снимках, дедушка показал мне на стройке, когда я учился в первом классе. И я даже сидел в кабине рядом с бульдозеристом.

Мой дедушка — Владимир Арефьевич Иванов, Герой Социалистического Труда, строитель-мелиоратор. Он строил сооружения для орошения рисовых полей. Долгие годы работал начальником треста «Приазоврисстрой».

По фотографиям можно представить всю его жизнь. Вот он — студент инженерно-мелиоративного факультета Новочеркасского института. А вот — в военной форме, в пилотке, с пистолетом на боку — на фронте. За свою боевую жизнь дедушка прошел нелегкий путь от курсанта до командира полка. У него четыре ордена и две медали. За подвиги на войне и за мирный труд.

Прослужив семь лет в армии, мой дед вернулся к своей прежней профессии. Родные мало видели его дома. Очень часто он ездил к рисоводам. Когда кто-нибудь заводил с дедушкой разговор о том, что он считает главным в работе, дедушка всегда отвечал: «Главное — внимание к людям». И теперь, когда я изучаю произведения Владимира Ильича Ленина, я понимаю, что внимание к людям — одна из важнейших ленинских черт. Дедушка всегда старался работать по-ленински, по-коммунистически. Маленьким я не понимал его дела и заботы, но видел, что дедушку всегда выбирали в президиумы на собраниях, и этим гордился.

Самым ярким воспоминанием дедушки была встреча с Леонидом Ильичом Брежневым. Леонид Ильич приезжал посмотреть на работу рисоводов Кубани. У нас даже есть фотография, сделанная во время беседы моего дедушки с Леонидом Ильичом Брежневым. Я отнес эту фотографию в школьный музей.

Однажды дедушка пришел особенно торжественный. Бережно положил на стол Почетную грамоту и какую-то коробочку. Потом он открыл эту коробочку и показал нам орден Ленина и звезду Героя Социалистического Труда. В доме был праздник, собралось много гостей. Дедушку поздравляли, говорили ему добрые слова.

По состоянию здоровья дедушка ушел на пенсию, но через три месяца вернулся на работу снова. Не мог без дела, не мог без друзей.

Когда дедушка умер, весь город провожал его в последний путь. Его похоронили на площади Героев. А недавно главную улицу поселка Кубрис назвали именем Владимира Арефьевича Иванова.

Я горжусь, что мой дедушка был верным ленинцем, и хочу продолжить его дело — стать строителем-мелиоратором и вложить свой труд в борьбу за миллион сто тысяч тонн кубанского риса.

Володя ИВАНОВ,
г. Славянск, Краснодарский край.

Владимир ЖЕЛЕЗНИКОВ,

лауреат Государственной премии СССР

Всего-то несколько дней...

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн — вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот с кошками на карнизах и злыми собаками у калиток — вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

— Дедушка!.. Милый!.. Уедем!.. Уедем!.. Уедем!.. — Она всхлипывала на ходу. — Навсегда!.. От злых людей!..

— Вот ненормальная! — кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. — Летит, как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над городом, и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали ее радость и успокоение.

Потом стремительно скатывалась вниз, словно хотела снести себе голову. Она и в самом деле была готова на какой-нибудь отчаянный поступок, не щадя себя.

Подумать только, что же они с нею сделали! И за что?!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ленкин дед Николай Николаевич Бессольцев уже несколько лет жил в собственном доме в старом русском городке на берегу Оки, где-то между Калугой и Серпуховом.

Таких на нашей земле осталось всего несколько десятков. Ему было больше восьмисот лет. Николай Николаевич хорошо знал, высоко ценил и любил его историю, которая как живая вставала перед ним, когда он бродил по его улочкам, по крутым берегам реки, по живописным окрестностям с древними курганами, заросшими густым кустарником жимолости и березняком.

Городок за свою историю пережил не одно бедствие.

Здесь, над самой рекой, на развалинах старого городища стоял когда-то княжеский двор, и русская дружина насмерть дралась с несметными полчищами татарских воинов,

вооруженных луками, копьями и кривыми саблями.

И Отечественная война 1812 года задела городок своим острым углом.

И первая мировая, как буря, унесла из городка всех мужчин и вернула их наполовину калеками — безрукими, безногими, но злыми и бесстрашными. Свобода была дороже им собственной жизни. Они-то и принесли революцию в этот тихий, маленький городок.

Потом, много лет спустя, пришли фашисты — и прокатилась волна пожаров, виселиц, расстрелов и жестокого опустошения.

Но прошло время, окончилась война, и городок вновь возродился. Он стоял теперь, как и прежде, размашисто и вольно на нескольких холмах, которые крутыми обрывами подступали к широкой излучине реки.

На одном из таких холмов и возвышался дом Николая Николаевича — старый, сложенный из крепких бревен, совершенно почерневший от времени.

Черный дом с просторной, открытой ветрам террасой был совсем не похож на веселые, многоцветно раскрашенные домики соседей. Он выделялся на этой улице, как если бы суровый седой ворон попал в стаю канареек или снегирей.

В лихие годы его не сожгли.

В революцию не конфисковали, потому что его охраняло имя доктора Бессольцева. Он, как почти каждый доктор из старого русского городка, был здесь уважаемым человеком. При фашистах он устроил в доме госпиталь для немецких солдат, а в подвале в это время лежали раненые красноармейцы, и доктор лечил их немецкими лекарствами. За это доктор Бессольцев и был расстрелян.

На этот раз дом спасло стремительное наступление Советской Армии.

Так дом стоял себе и стоял, всегда переполненный людьми, хотя мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не всегда возвращались.

До приезда Николая Николаевича в доме жила одинокая старуха, одна из Бессольцевых, к которой все реже и реже наезжали родственники: как ни обидно, а род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу. Но все же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом две доски на калитку и ушли.

Впервые дом оглох и ослеп.

Вот тут-то и появился Николай Николаевич, который не был в городке более тридцати лет.

Он только недавно похоронил свою жену и сам после этого тяжело заболел.

В страшные часы своей последней болезни, в это одиночество, а также в те дни, когда он буквально погибал от военных ран, когда не было сил ворочать языком, а между ним и людьми появлялась временная полоса отчуждения, голова у Николая Николаевича работала отчетливо и целеустремленно. Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть с вечностью...

Когда Николай Николаевич увидел свою улицу и свой дом, сердце у него заколотилось так сильно, что он испугался: не дойдет. Он постоял несколько минут, отдышался, твердым военным шагом пересек улицу, решительно оторвал крест от калитки, вошел во двор, отыскал в сарае топор и стал им отрывать доски от заколоченных окон.

Неистово работая топором, забыв впервые о больном сердце, он думал: главное — отколотить доски, открыть двери, окна, чтобы дом зажил снова, потому что это был для него не просто дом, а его жизнь и колыбель.

По памяти дом всегда казался ему большим, просторным, пахнущим теплым воздухом печей, горячим хлебом, парным молоком и свежевымытыми полами. И еще, когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сестры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тети, а еще и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах.

Это были бабы и мужики в домотканых одеждах со спокойными и строгими лицами.

Дамы и господа в причудливых костюмах.

Женщины в расшитых золотом платьях со шлейфами, со сверкающими диадемами в высоких прическах. Мужчины в ослепительно-белых, голубых, зеленых мундирах с высокими стоячими воротниками, в сапогах с золотыми и серебряными шпорами.

Портрет знаменитого генерала Раевского, в парадном мундире и при многочисленных орденах, висел на самом видном месте.

И это чувство, что «люди с картин» на самом деле живут в их доме, не покидало его, даже когда он стал взрослым, хотя, может быть, это и странно.

Трудно объяснить, почему так происходило, но, будучи в самых сложных переделках, в предсмертной агонии, на тяжкой кровавой работе войны, он, вспоминая дом, думал не только о своих родных, которые населяли его, но и о «людях с картин», которых он никогда не знал.

Дело в том, что прапрадед Николая Николаевича был художником, а отец, доктор Бессольцев, отдал многие годы своей жизни, чтобы собрать его картины. И сколько Николай Николаевич себя помнил, эти картины всегда занимали главное место в их доме.

Николай Николаевич отворил дверь с некоторой опаской. Вдруг там что-нибудь непопра-

вимо изменилось? И он оказался прав: стены дома были пусты, исчезли все картины!

В доме пахло сыростью и затхлостью. На потолке и в углах была паутина. Многочисленные пауки и паучки, не обращая на него внимания, продолжали свою кропотливую искусную работу. Мебель была сдвинута со своих мест и зачехлена старыми чехлами.

Страх и ужас до крайней степени овладели Николаем Николаевичем: подумать только, картины исчезли! Он попробовал сделать шаг, но поскользнулся и еле устоял — пол был покрыт тонким слоем легкого инея.

И только тут Николай Николаевич вспомнил: сестра писала ему в одном из последних писем, что сняла все картины, увернула их в мешковину и сложила на антресоли в самой сухой комнате.

Николай Николаевич, сдерживая себя, вошел в эту комнату, влез на антресоли и дрожащими руками стал вытаскивать одну картину за другой, боясь, что они погибли, промерзли или отсырели.

Но произошло чудо — картины были живы.

Он с большой нежностью подумал о сестре, представив себе, как она снимала картины, прятала их, чтобы сохранить. Как она, несильная, усохшая с годами, аккуратно упаковала каждую картину. Видно, трудилась целыми днями не один месяц, исколола себе все руки иглой, пока не закончила своей последней в жизни работы.

Теперь, когда картины нашлись, Николай Николаевич взялся за дом. Первым делом он затопил печи, а когда стекла окон запотели, отворил их настежь, чтобы вышла из дома сырость. А сам все подкладывал и подкладывал в печи дрова, завороженный пламенем и гулом огня. Потом он вымыл стены, принес стремянку, добрался до потолков и, наконец, меняя несколько раз воду, выскоблил тщательно полы, половицу за половицей.

Постепенно всем своим существом Николай Николаевич почувствовал тепло родных печей и привычный запах дома — он радостно кружил ему голову.

Впервые за последние годы Николай Николаевич освобожденно и блаженно вздохнул.

Вот тогда-то он снял чехлы с мебели и расставил ее. И наконец развесил картины!.. Каждую на свое место.

Николай Николаевич огляделся, подумал, что бы сделать еще, и вдруг понял, что ему больше всего хочется сесть в старом отцовском кресле, которое называлось волшебным словом «вольтеровское». В детстве ему не разрешалось этого делать, а как хотелось забраться на него с ногами!..

Когда он очнулся, лучи солнца радужным облачком клубились в доме и падали на портрет генерала Раевского. И тогда Николай Николаевич вспомнил, как он в детстве ловил первые солнечные лучи на этой же картине, и грустно и весело рассмеялся, подумав, что жизнь безвозвратно прошла.

Николай Николаевич вышел на крыльцо и увидел, что солнце осветило балкончик, который выходил на восток, и двинулось, чтобы сделать еще одно кольцо вокруг дома.

Он взял топор, нашел рубанок и пилу, отобрал несколько досок, чтобы починить крыльцо. Как он давно этим не занимался, хотя видно — эта работа крепко «сидела» у него в руках. Он делал все не очень ловко, но с большой охотой: ему нравилось держать обыкновенную доску, нравилось скользить по ней рубанком, и городская суета многих последних лет незримо уходила из его сознания.

Вот тут он впервые почувствовал острый голод, такой у него бывал только в юности, когда он от голода мог потерять сознание. И неудивительно: Николай Николаевич не знал, сколько прошло времени, как он приехал, не помнил, что он ел и ложился ли спать. Он работал по дому и не замечал мелькания коротких зимних дней. Раннее утро он не отличал от позднего вечера.

Николай Николаевич пошел на базар, купил квашеной капусты, картошки, сухих черных грибов и сварил грибные кислые щи. Съел две тарелки и лег спать.

Встал, по-прежнему не ощущая времени, снова съел щей, звонко рассмеялся, ловя себя на мысли, что узнает в интонациях своего смеха смех отца, и снова почему-то лег спать.

С тех пор прошло несколько лет, и Николай Николаевич забыл про свои болезни. Он жил, жил и чувствовал, что стал вынослив, как крепкое старое дерево, хорошо политое весенним дождем.

Его то и дело видели не по возрасту стремительно бегущим по кривым улочкам городка то в одну сторону, то в другую, очевидно, без всякого дела, хотя иногда он нес что-то завернутое в материю,— тогда лицо его вдохновенно светилось и молодело.

Те, кто считался сведущим, судачили, что он ищет какие-то картины. Тратит на них уйму денег, а оставшиеся, все без остатка, отдает за дрова. И топит — подумать только!— все печи каждый день, а в морозы и по два раза, чтобы эти его картины не отсырели. И всегда почему-то ночью, зажигая свет во всех комнатах.

Вот поэтому и гол как сокол.

В городке относились к Николаю Николаевичу с настороженным вниманием. То, как он жил, горожанам было непонятно и недоступно, но у многих вызывало уважение. И, между прочим, люди привыкли к тому, что дом Бессольцевых светился ночью и стал в городке своеобразным маяком, ориентиром для запоздалых путников, издалека возвращавшихся в темноте домой.

Ночью дом был как свеча в непроглядной мгле.

Соседи могли подумать про Николая Николаевича, что он до ужаса одинок и поэтому несчастен. Он вечно бродил по городку один, в неизменной кепке, которую носил, низко сдви-

нув на лоб, и в потертом пальто с большими аккуратными заплатками на локтях.

За это дети дразнили его «заплаточником», но, кажется, он их даже не замечал. Редко-редко он вдруг оглядывался и смотрел им вслед с нескрываемым удивлением. Тогда они стремительно уносились от него, хотя он никогда не ругался и не гнался за ними.

Если с ним вступали в праздные разговоры, то он отвечал односложно и быстро уходил прочь, нахохлившись, как птица на холодке.

Но однажды Николай Николаевич появился на улицах городка не один. Он шел в сопровождении девочки лет двенадцати, какой-то необычно важный и гордый, не похожий на себя. Останавливался с каждым встречным-поперечным и произносил одну и ту же фразу, показывая на девочку:

«А это Лена...— И внушительно помолчав, добавлял:— Моя внучка». Ну как будто рядом с ним была не девчонка, а какая-нибудь всемирно известная величина.

А внучка его, Ленка, каждый раз отчаянно смущалась и не знала, куда деваться.

Она была нескладным подростком, еще теленком на длинных ногах, с такими же длинными нелепыми руками. На спине у нее торчали, как крылышки, лопатки. Подвижное лицо украшал большой рот, с которого почти никогда не сходила доброжелательная улыбка. А волосы были заплетены в два тугих канатика.

В первый же день своего появления в городке Ленка раз сто показалась на каждом из четырех балкончиков и с любопытством посмотрела во все четыре стороны света. Ее в равной степени интересовали и север, и юг, и восток, и запад.

Жизнь Николая Николаевича после приезда Ленки почти не изменилась. Правда, теперь в магазин за творогом и молоком бегала Ленка, а сам он изредка покупал на базаре мясо, чего раньше за ним не водилось.

Осенью Ленка пошла в шестой класс.

Вот тогда-то и произошла эта история, которая навсегда сделала Бессольцевых — Николая Николаевича и Ленку — знаменитыми людьми. Отзвук этих событий, как колокольный звон, долго еще носился над городком, отзываясь по-разному в жизни тех людей, которые были в них замешаны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Весь городок был усыпан опавшими листьями — сады, дворы, тротуары, крыши домов. И даже небольшая площадь, именуемая Главной, расположенная между универмагом и магазином «Хозтовары», сплошь была покрыта сухими и ломкими листьями.

Грачи готовились в дальнюю дорогу. Несметными стаями носились они над городком, криками сгоняя с деревьев ленивых птенцов, присевших не вовремя отдохнуть.

Ока вздулась и потемнела от осеннего паводка, хотя по ней еще шустро бегали последние катера. Старый паром вытащили на берег и крепко-накрепко привязали к древним могучим ветлам, чтобы его не унес неудержимый весенний разлив.

И в этой кутерьме Ленка целыми днями носилась по городу. Она не уставала удивляться странностям жизни: грачи улетали, чтобы обязательно вернуться; паром вытаскивали из воды, чтобы весной вновь опустить на реку; деревья опадали, чтобы снова обрасти молодыми и крепкими листьями. Вот такая у нее была славная и интересная жизнь.

И вдруг все это перестало существовать. Она не слышала голоса людей, не видела, куда ее ведут дороги, не замечала, что ест и что пьет.

Случилось это в начале ноября, во время осенних каникул, а закончилось в первый школьный день. Всего-то несколько дней и продолжалась эта история, а жизнь Ленке перевернула.

В тот день Николай Николаевич, мало что замечая вокруг, занимался своим любимым делом. Он стоял на табурете и легкими движениями мягкой волосяной щетки смахивал невидимые пылинки с картин. Это занятие было ему так по сердцу, что он даже напевал себе под нос. И когда в комнату вбежала Ленка, то он сначала не заметил, что она чем-то сильно возбуждена, что куртка у нее нараспашку, губы крепко сжаты, а в глазах отчаяние.

Ленка одним махом вытряхнула из портфеля учебники и тетради и беспорядочно начала впихивать в него свои вещи, которые попадались ей на глаза.

— Тише!.. Тише!.. Безумная!— Николай Николаевич провел щеткой по золотому эполету Раевского.— Лучше оглянись вокруг! Посмотри, какая тебя окружает красота. Этим картинам больше ста лет, а они с каждым годом делаются все прекрасней и прекрасней!..

Ленка, не обращая внимания на дедушку, продолжала лихорадочно собираться.

— Ничего ты в этом не смыслишь, скажу я тебе, Елена, хотя и неглупая девица.— Николай Николаевич грустно покачал головой.— Ну что ты топаешь, как слон, только пыль выбиваешь из досок.

— Дай мне денег на дорогу,— сказала Ленка, торопливо застегивая портфель.

— А ты далеко собралась?— Теперь Николай Николаевич провел щеткой по многочисленным орденам генерала.

— Я уезжаю.

— А почему в такой спешке?— Он улыбнулся, и лицо его от этого непривычно помолоделo.— Ты что, покидаешь тонущий корабль?

— У Димки Сомова сегодня день рождения,— в отчаянии ответила Ленка.

— А тебя не пригласили и поэтому ты решила уехать? Несерьезный ты человек, Еле-

Васильев поднял очки, надел их: теперь у него один глаз был круглый и большой под стеклом, а второй сверкал маленькой беспомощной голубой точкой.

на. Суетишься. Переживаешь всякую ерунду... Бери пример с генерала Раевского...

— Дедушка, дай мне, пожалуйста, денег на билет,— жалобно перебила Ленка.

— А куда ты едешь, если не секрет?— Николай Николаевич впервые внимательно посмотрел на Ленку.

— К родителям,— ответила Ленка.

Портфель расстегнулся, и она со злостью вновь его застегнула.

— К родителям?!— Вот тут Николай Николаевич забыл про свои картины и соскочил с табурета.— И не думай!..— Он погрозил ей пальцем.— Ишь, что выдумала. Чтобы я отсюда? Никуда! Никогда! Ни ногой!

— А ты мне не нужен!— крикнула Ленка.— Я сама уеду! Одна!

— А кто тебя отпустит?.. Какая самостоятельная! Они тебя привезли, они пусть и

увозят.— Николай Николаевич провел блуждающим взором по картинам и сказал тихо-тихо:— Пойми, я только этим и жив.— Он протянул руку к Ленке:— Отдай портфель. Ты поняла?.. Никуда ты не поедешь! И оставим в покое эти глупости.

— Дай денег!— Ленка стала как бешеная.— А не то... я что-нибудь украду и продам.

— В нашем-то доме?— Николай Николаевич рассмеялся.

Смех Николая Николаевича обидел Ленку. Она беспомощно оглянулась, ища выхода из положения, и вдруг крикнула:

— Я твою картину украду! — Бросила портфель и в лихорадке начала снимать со стены картину, которая висела к ней ближе других.

— Картину?!— Николай Николаевич неожиданно быстро подошел к Ленке и отвесил ей такую пощечину, что она отлетела в угол комнаты, а сам в ужасе отступил.

Ленка подхватила портфель и рванулась к двери. Николай Николаевич успел ее схватить. Она укусила его за руку, вырвалась и убежала.

— Я тебе все равно не дам денег,— крикнул он ей вслед, натягивая пальто.— Не дам!.. Елена, остановись!.. Вот бешеная!— И торопясь, не попадая рукой в рукава пальто, выбежал из дома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А в это время веселый шестиклассник Валька мчался по берегу реки, никак не рассчитывая на то, что вечером ему приклеят позорную кличку Живодер. Он был одет по-праздничному: в чистой рубашке и при галстуке. В руке крутил собачий поводок с ошейником, а носком сапога все время сшибал пустые консервные банки, разбросанные еще с лета там и сям нахальными туристами. Он старался попасть в птиц и кур, тихо блуждающих в кустарнике, или в котов, мирно ловящих последние лучи осеннего солнца. И если ему удавалось поразить какую-нибудь цель, то собственная ловкость вызывала в нем прилив бурной радости.

Так он шел по земле, издавая вопли восторга, оставляя позади себя крики возмущенных жертв.

Валька спешил на встречу со своими дружками, чтобы идти на день рождения к Димке Сомову. Он еще издали увидел их: Лохматого и Рыжего — они сидели на скамейке у речной пристани,— подскочил к ним, с размаху бухнулся рядом и спросил:

— Ну, что, баламут, жрать охота?— зашелся мелким смехом и добавил:— И мне тоже!.. Как подумаю про сомовские пироги — слюнки текут.

— А я меду с молоком навернул,— ответил Лохматый и мечтательно добавил:— Липа в этом году долго цвела — мед вкусный.

— А мне бабка ничего не дала,— вздохнул Валька.— Чего, говорит, переводить продукт, раз ты в гости идешь.

— Хитрая у тебя бабка,— сказал Лохматый.

— Хитрая-то хитрая, а свою жизнь под откос пустила,— ответил Валька.— Ни кола, ни двора. Вот Сомову хорошо. В рубашке родился. И родители деньгу зашибают, и красавчик, и голова работает на пятерки... Так и хочется ему мордочку почистить.

— Завидущий ты, Валька,— сказал Лохматый.

— А ты нет?..— Валька усмехнулся.— Чего там... Все люди лопаются от зависти. Только одни про это говорят, а другие врут, что они не завистливые.

— А мне-то чего завидовать?— удивился Лохматый.— Нам в лесничестве хорошо. Воля. И вообще я кого хочешь в бараний рог согну.

— Ну и что?— Валька сплюнул.— Сила не деньги. На нее масла не купишь.

Лохматый неожиданно схватил Вальку одной рукой за шею и крепко сжал.

— Отпусти!— завопил Валька.

— Рыжий, что главное в человеке?— спросил Лохматый.

— Сила!— встрепенулся Рыжий, выходя из глубокой задумчивости.

— А Валька ее не уважает,— сказал Лохматый.— Говорит, главное в человеке зависть.

— Отпусти!— вопил Валька.— Уважаю я силу!.. Уважаю!

Лохматый разжал руку и освободил Вальку. Тот на всякий случай отскочил в сторону.

— Натрескался меду.— Валька потер шею.— Силища, как у ломовика. Не в отца...— Он что-то в злости хотел еще добавить, но передумал.

— Ты моего отца не трожь,— угрюмо ответил Лохматый.— Он у меня весь изрешеченный.

— Смотрите! Шмакова идет! — сказал Рыжий.— Ну, выступает!

Лохматый и Валька оглянулись и обалдели.

Шмакова была не одна, ее сопровождал Попов, но все смотрели на нее. Она не шла, а несла себя, можно сказать, плыла по воздуху. Попов рядом с нею был неказистым и неловким, потому что Шмакова нарядилась в новое белое платье, в новые белые туфли и повязала волосы белой лентой. Не по моде, конечно, зато она блистала во всем своем великолепии.

— Ну, Шмакова, ты даешь,— простонал Валька.— Тебя же в этих туфельках на руках надо нести.

— Артистка эстрады,— сказал Лохматый.

— Сомов упадет,— констатировал Рыжий.

— А мне на Сомова наплевать,— пропела Шмакова, очень довольная собой.

— Что-то незаметно,— сказал Лохматый.

— Хи-хи-хи!— вставил Валька.

— Ха-ха-ха!— присоединился к ним Рыжий.

Попов посмотрел на Шмакову, его круглая курносая физиономия приобрела жалобное выражение.

— Ребя, не надо, а?— попросил Попов.— Лучше пошли к Сомову.

Все радостно заорали, что пора к Сомову, но Лохматый перебил их и сказал, что надо подождать Миронову.

— Наплевать нам на Миронову,— расхрабрился Валька.— Кто она такая — Миронова?.. Кнопка.

— Железная,— наставительно вставил Рыжий.

— Кому сказано — подождем Миронову!— грозно повторил Лохматый.

— Конечно, подождем,— испуганно согласился Валька.— Да и Васильева еще нет.

И тут они увидели Васильева — худенького мальчишку в очках.

— А меня ждать не надо,— сказал Васильев.— Я к Сомову не пойду.

— Почему?— раздался чей-то голос.

Все оглянулись и увидели Миронову. Она была, как всегда, аккуратно причесана и подчеркнуто скромно одета. Под курткой у нее было самое обыкновенное форменное коричневое платье.

— Привет, Миронова,— сказал Лохматый.

— Здорово, Железная Кнопка,— угодливо вставил Валька.

Миронова им не ответила. Она не спеша прошла вперед и встала перед Васильевым.

— Так почему ты, Васильев, не пойдешь к Сомову?— спросила она.

— На хозяйство брошен,— неуверенно ответил Васильев и поднял над головой авоську с продуктами.

— А если честно?

Васильев молчал — толстые стекла очков делали его глаза большими и круглыми.

— Ну что же ты молчишь?— не отставала от него Миронова.

— Неохота мне к Сомову.— Васильев с вызовом посмотрел на Железную Кнопку.— Надоел он мне.

— Надоел, говоришь?— Миронова выразительно посмотрела на Лохматого.

Тот двинулся вперед — за ним остальные. Они окружили Васильева.

— А за измену идеалам, знаешь, что полагается?— строго спросила Миронова.

— Что?— Васильев посмотрел на нее круглыми глазами.

— А вот что!— Лохматый развернулся и ударил Васильева.

Удар был сильный — Васильев упал в одну сторону, а очки его отлетели в другую. Он уронил авоську и рассыпал продукты.

Все ждали, что будет дальше.

Васильев встал на четвереньки и начал шарить рукой в поисках очков. Ему было трудно, но никто ему не помогал — его презирали за измену идеалам. А Валька наступил тяжелым сапогом на очки, и одно стекло хрустнуло.

Васильев услышал этот хруст, дополз до Валькиной ноги, оттолкнул ее, поднял очки, встал, надел их и посмотрел на ребят: теперь у него один глаз был круглый и большой под стеклом, а второй сверкал маленькой беспомощной голубой точкой.

— Озверели вы!— с неожиданной силой закричал Васильев.

— Иди ты!..— Лохматый толкнул его.— А то получишь добавку.

Васильев запихивал в авоську рассыпанные продукты.

— Дикари!— не унимался он.— До добра это вас не доведет!

Лохматый не выдержал и рванул за Васильевым, а тот дал деру под общий довольный смех.

— Поредело, братцы, в нашем полку,— сказал Рыжий.

— Зато мы едины,— резко оборвала Миронова.

— Будем дружно уплетать сомовские пироги!— рассмеялся Валька.

— Все шутишь,— перебила его Миронова.— А мы ведь о серьезном.

Они уже уходили крикливой, пестро одетой стайкой, когда глазастая Шмакова увидела Маргариту Ивановну, их классную.

— Маргарита,— сказала она.

— В джинсах,— заметил Валька.— Оторвала в Москве. Небось, на свадьбу подарили.

— Махнем через изгородь,— предложил Рыжий.— А то начнет воспитывать... Праздник испортит.

— Не буду я никуда прыгать,— сказала Миронова.— Себя уважать надо.

— Лучше спрячемся и испугаем ее,— хихикнул Валька.

— Это уже становится интересным,— подхватила Шмакова.

Они разбежались кто куда.

Последней, не торопясь, встала за деревом Миронова.

А Маргарита Ивановна, не замечая никого, веселой походкой пересекла сквер и склонилась к окошку кассы речного пароходства.

Валька вышел из укрытия, неслышно подбежал к учительнице и громко крикнул:

— Здрасьте, Маргарита Ивановна!

Маргарита Ивановна от неожиданности вздрогнула и оглянулась:

— А-а-а, это ты... Что у тебя за манера подкрадываться?

— А вы испугались?— спросил Валька.— Испугались... испугались... Ребята, Маргарита Ивановна испугалась,— пояснил он.

— Просто я задумалась,— ответила Маргарита Ивановна и невольно покраснела, то ли от обиды на Валькину бесцеремонность, то ли от того, что она действительно испугалась, но не хотела в этом признаться.

Ребята окружили ее, здороваясь.

— Какие вы все нарядные.— Маргарита Ивановна рассматривала их.— А Шмакова просто взрослая барышня.

— Маргарита Ивановна, а вам нравится мое платье?— пристала к ней Шмакова.

— Нравится,— ответила Маргарита Иванов-

на.— А ты что же, Миронова, отстаешь от всех?

— Я?.. Тряпок не терплю.— Миронова с высокомерием посмотрела на своих друзей.— Извините, Маргарита Ивановна, мы опаздываем.

— А вы куда?..— Маргарита Ивановна была несколько ошарашена резкостью Мироновой.

— К Сомову,— ответил за всех Рыжий.— Гуляем по случаю увядания.

— Передайте ему привет. Скажите, что я ему желаю...— Маргарита Ивановна задумалась.— Сомов — человек незаурядный, не останавливается на достигнутом. В главном смел, прямодушен, надежный товарищ...

— В самую точку, Маргарита Ивановна,— проникновенно сказала Шмакова.

— Значит, я ему желаю...

— А вы опять куда-то уезжаете?— перебил Рыжий Маргариту Ивановну.

— Хочу показать мужу Поленово. Он же здесь еще ничего не видел. А времени у него мало, ему возвращаться в Москву.— Маргарита Ивановна посмотрела на часы.— Ой!.. Убегаю. Да, чуть не забыла про Сомова...— И уже на ходу выкрикнула:— Пожелайте ему, чтобы он оставался таким, какой он сейчас... Всю жизнь таким...— И исчезла.

— А с нами никак до Поленова не доберется...— начала Миронова, но последние слова замерли у нее на губах, потому что она увидела Ленку Бессольцеву.

И Ленка увидела ребят — остановилась как вкопанная! И ребята увидели Ленку и в восторге замерли.

— Перед нами исторический экспонат — Бессольцева!— Впервые губы Мироновой растянулись в сдержанную улыбку, а голос зазвенел:— Она пришла за билетом!.. Она уезжает!

Ленка резко повернулась ко всем спиной и подошла к кассе речного пароходства.

— Точно! — громко крикнул Лохматый.— Она уезжает!

— Сила победила!— радостно поддержал его Рыжий.

— А знаете, что мы ей посоветуем?— Миронова озарилась вдохновением.— Чтобы она запомнила наш урок на всю жизнь.

Валька, кривляясь, изгибаясь спиной, на цыпочках подбежал к Ленке и постучал костяшками пальцев по ее спине:

— Бессольцева, ты запомнила наш урок?

Ленка не ответила. Она стояла не шелохнувшись.

— Не отвечает,— разочарованно сказал Валька.— Выходит, не запомнила.

— Может, оглохла?— пропищала Шмакова.— Так ты ее... встряхни.

Валька поднял кулак, чтобы садануть Ленку по ее тоненькой худенькой спине.

— А вот этого уже не надо,— остановила его Миронова,— ведь она уезжает. Значит, мы победили. Нам этого достаточно.

— Пусть катится откуда приехала!— крикнул Рыжий.

И другие тоже заорали:

— Нам такие не нужны!

— Ябеда!

— Чу-че-ло-о-о!— Валька схватил Ленку за руку и втащил в круг ребят.

Крутился разноцветный круг, а Ленка металась внутри него.

В это время появился Николай Николаевич, увидел Ленку и ребят, прыгающих вокруг нее, и крикнул:

— Вы что к ней пристали? Вот я вас!..

— Заплаточник!— завопил Рыжий.— Атас!

Они бросились в разные стороны.

Только Миронова осталась на месте, даже не шелохнулась, бровью не повела. Слова ее были полны презрения ко всем остальным:

— Вы что, струсили?

Этот решительный окрик остановил ребят.

— Что же вы шестеро на одного!— Голос Николая Николаевича звучал почти трагически.— И не стыдно вам?

— А чего нам стыдиться,— нахально вякнул Валька.— Мы ничего не украли. У нас все в законе.

— Вы лучше свою внучку стыдите!— сказала Миронова.

— Лену?— удивленно спросил Николай Николаевич.— За что?

Но ему никто не собирался ничего говорить, это было не в их правилах: посвящать взрослых в свои дела. Лишь Миронова твердо и весело сказала на ходу:

— У нее и узнаете. Она вам все в красках расскажет.

Они скрылись. Только некоторое время в тихом и прозрачном осеннем воздухе были слышны их крики:

— Молодец, Железная Кнопка!

— Не испугалась Заплаточника!

— Сила победила!

А потом и голоса пропали, растворяясь вдали.

А Ленка, бедная Ленка ткнулась Николаю Николаевичу лицом в грудь, чтобы спрятаться хотя бы на время от тех бед, которые свалились на нее, и притихла.

— Ну что ты...— Он погладил ее мягкий, нежный затылок.— Не обращай на них внимания.— Голос у Николая Николаевича дрогнул, выдавая волнение.— Учись у меня. Я всегда спокоен. Делаю свое дело — и спокоен.— Он почти крикнул с вызовом:— Ты слышала, они дразнили меня Заплаточником? Несчастные! Не понимают, что творят.— И вдруг тихо и нерешительно спросил:— А ты что сделала? За что они тебя так?

Ленка вырвалась из его рук и отвернулась.

— Ну, ладно, ладно!— сказал Николай Николаевич.— Прости... Ты решила уехать, значит, тебе так надо. Я жил один... И дальше буду жить один.— Он помолчал, потому что смысл этих слов был ему неприятен.— Привык к тебе? Отвыкну... Жили рядом, а я толком в тебе

Ленка совсем преобразилась:
не слышала голоса людей,
не видела, куда ее ведут дороги...

ничего не понял. Не проник в твою душу — вот что обидно.

Он полез в карман, достал потертый кошелек и долго копался в нем, ожидая, вдруг Ленка что-нибудь скажет, ну, например, что она передумала, что никуда не поедет и что он может спрятать свой кошелек обратно в карман. Он тянул время, тяжело вздыхал, но это ему не помогло — Ленка молчала.

— На,— сказал Николай Николаевич, протягивая Ленке деньги.— Купи два билета на завтра. Я провожу тебя до Москвы, до самолета.

— А я так хотела на сегодня!— печально вздохнула Ленка.— На сегодня! На сейчас!

— Но это безумие,— сопротивлялся Николай Николаевич.— Посмотри, какие ты взяла вещи. Где твои учебники? А пальто? Там же снег давно, сразу заработаешь ангину!

Он говорил-говорил, она его перебивала: «На сегодня, на сейчас!» — а он убеждал задержаться, хотя сам отлично понимал, что все его доводы — полнейшая ерунда, а главное состояло в том, что ему страшно не хотелось, чтобы Ленка уезжала. И поэтому он оборвал свою речь на полуслове, наклонился к ней и признался просительным шепотом:

— Ну не могу я так сразу!.. Ну давай завтра.

Ленка выхватила деньги из рук Николая Николаевича.

— Ты слышала?.. Я согласен на завтра,— в последний раз попросил он.

Николай Николаевич озадачил Ленку — ее ли это дедушка говорит? Она подняла глаза и увидела его спокойное, неподвижное лицо. Только шрам, идущий от виска к углу жестких сухих стариковских губ, предательски побелел, и потерянные глаза, спрятанные под козырьком кепки, выдавали его сильное волнение.

— А у тебя заплатка на рукаве оторвалась,— вдруг заметила Ленка.

— Надо пришить.— Николай Николаевич ощупал заплатку. Ленка увидела, что шрам на дедушкином лице снова стал еле заметным, и сказала:

— Ты бы купил себе новое пальто.

— У меня на это нет денег,— ответил тот.

— Вот про тебя и говорят, что ты жадина.— Ленка прикусила язык, но обидное слово уже выскочило, теперь его не поймаешь.

— Жадина?— Николай Николаевич громко рассмеялся:— Смешно.— Он с большим вниманием стал разглядывать свое пальто.— Ты думаешь, что в нем ходить совсем уже неприлично?.. А знаешь, я это пальто люблю. В старых вещах есть что-то таинственное... Утром я надеваю пальто и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой много лет назад покупали его. Это она его выбирала!.. А ты говоришь — купи новое!..

Их взгляды опять встретились, нет, не встретились, а столкнулись, потому что каждый из них думал об отъезде.

— Ну, ладно,— сказала Ленка,— поеду завтра.— И купила два билета.

Когда они вошли в комнату, то в открытую форточку влетала музыка и крики ребят.

— У Сомовых гуляют.— Николай Николаевич спохватился, что сказал не то, и как бы невзначай закрыл форточку.

— Ну что ты один будешь тут делать?.. Бери картины с собой и поедем вместе!— не выдержала Ленка.

— Что ты... Опомнись!— Николай Николаевич в волнении стал рассматривать картины.— Это невозможно. Они родились здесь... На этой земле... В этом городке... У этой реки... Здесь им вечно жить... Однажды во время войны я лежал в госпитале, и мне приснился сон, будто я мальчиком стою среди этих

картин, а по ним солнечные зайчики бегают. Тогда я и решил: если останусь жив, навсегда вернусь в родной дом... Не сразу удалось, но все-таки добрался. А теперь мне кажется, что я и не уезжал, что я тут всегда... Ну, понимаешь, всегда-всегда...— Он как-то виновато и беззащитно улыбнулся.— Многие сотни лет... Что моя жизнь — продолжение чьей-то другой... Или многих других... Честно тебе говорю. Иногда мне даже кажется, что не мой прадед написал все эти картины, а я... Что не мой дед был фельдшером и построил в городе первую больницу, а тоже я... Только одной тебе могу в этом признаться. Другие не поймут, а ты поймешь, как надо... А когда ты сюда приехала, я, старый дурак, размечтался, решил: и ты к родному месту прирастешь и проживешь здесь длинную череду лет среди этих картин. Пусть твои родители носятся по свету, а ты будешь жить в родном доме. Не вышло.

Николай Николаевич вдруг подошел к Ленке и решительно сказал:

— Послушай, давай кончим это дело.— Он старался говорить бодрым голосом.— Возвращайся в школу, и баста.

Ленка пулей отлетела от Николая Николаевича, схватила свой несчастный портфель и бросилась к двери.

Николай Николаевич загородил ей дорогу.

— Отойди!— Такого остервенения в ее лице Николай Николаевич еще никогда не видел: губы и лицо у нее побелели, как мел.— Лучше отойди!.. Кому говорят!..— И бросила в него портфель — он просвистел мимо его уха и шмякнулся о стену.

Николай Николаевич с большим удивлением посмотрел на Ленку, отошел от дверей и сел на диван.

Ленка постояла немного в нерешительности, вся сжалась, виновато опустила голову и робко села рядом с ним.

— А ты не сердись на меня... Ладно? — попросила она.— Не сердись. Просто я какая-то чумовая. Всегда что-нибудь не то делаю.— Ленка заглянула Николаю Николаевичу в глаза.— Ты простил меня? Простил?..

— Ничего я не простил,— сердито ответил Николай Николаевич.

— Нет, простил, простил! Я вижу по глазам,— обрадовалась она.— Я... увлеклась...

— Ничего себе «увлеклась»,— ответил Николай Николаевич.— Родному деду чуть голову не снесла.

— А вот и неправда,— сказала Ленка.

Ее лицо вдруг так необыкновенно преобразилось, что Николай Николаевич тоже улыбнулся. Оно стало открытым и радостным, рот растянулся до ушей, щеки округлились.

— Я же мимо бросала!

И вдруг лицо ее снова изменилось, стало каким-то отчаянным.

— Только не перебивай меня. Ладно?.. А то я сорвусь и не смогу рассказывать. А так я тебе все-все расскажу, всю правду, без хитрости.

И она начала рассказывать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда я пришла в школу первый раз, то Маргарита, наша классная, позвала в учительскую Рыжего и велела ему отвести меня в класс. Мы шли с Рыжим по коридору, и я всю дорогу хотела с ним подружиться: перехватывала его взгляд и улыбалась ему. А он в ответ давился от хохота.

Конечно, у меня ведь дурацкая улыбка — до самых ушей. Поэтому и уши я тогда прятала под волосами.

Когда мы подошли к классу, Рыжий не выдержал, сорвался вперед, влетел в дверь и заорал:

«Ребята! У нас такая новенькая!..» — И зашелся хохотом.

А я, как назло, зацепилась ногой за дверь, врезалась в Рыжего, и мы оба рухнули на пол. Платье у меня задралось, портфель вылетел из рук.

Все, кто был в классе, окружили меня и с восторгом рассматривали. А я встала, и улыбочка снова растянула мой рот — не могу, когда меня в упор разглядывают.

Валька закричал:

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

Васильев засунул пальцы в рот, растянул губы, корчил страшные рожи и кричал:

«Я тоже так могу!.. У меня тоже рот до ушей, хоть завязочки пришей».

А Лохматый, давясь от смеха, спросил:

«Ты чья такая?»

«Бессольцева я... Лена».— И я снова подурацки улыбнулась.

Рыжий в восторге закричал:

«Ребята!.. Это же внучка Заплаточника!»

Ленка оборвала свой рассказ и покосилась на Николая Николаевича.

— Ты давай, давай, не смущайся,— сказал Николай Николаевич.— Я же тебе говорил, как я к этому отношусь. В высшей степени снисходительно и совсем не обижаюсь.

— Ну, а я-то об этом не знала,— продолжала Ленка.— И вообще про твое прозвище ничего не знала... Ну, не была готова... «Мой дедушка,— говорю,— Заплаточник?.. Это вы его так прозвали?..»

«Мы,— ответил Лохматый.— А чего плохого? Меня, например, зовут Лохматый. Рыжего — Рыжий. А твоего деда — Заплаточник. Звучно?»

«Звучно»,— согласилась я.

Я подумала, что они веселые и любят пошутить.

«Значит, вы хорошо знаете моего дедушку?» — спросила я.

«А как же,— сказал Лохматый.— Он у нас знаменитый».

«Да, да... Очень знаменитый,— подхватил Валька.— Как-то в личной беседе я спросил твоего дедушку, почему он не держит собак. И знаешь, что он мне ответил?.. «Я,— говорит,— не держу собак, чтобы не пугать людей».

*Ребята с восторгом рассматривали меня.
А я встала, и улыбка снова растянула мой рот.*

Я обрадовалась.

«Вот,— говорю,— здорово».

И другие ребята тоже подхватили:

«Здорово, здорово!»

«Мы эти его слова всегда помним,— продолжал Валька,— когда яблоки в его саду... Ну, как это называется?..»

«Собираем»,— подхватил Рыжий.

Все почему-то снова захохотали.

Ленка вдруг замолчала и посмотрела на Николая Николаевича.

— Вот дура какая,— сказала она.— Только сейчас поняла, что они надо мной смеялись.— Ленка вся вытянулась, тоненькая, узенькая.— Мне надо было тогда тебя защитить... дедушка!..

— Ерунда!— ответил Николай Николаевич.— Мне даже нравилось, что они у меня яблоки таскали. Я за ними часто подглядывал. Они шустрили по саду, бегали пригнувшись, набивали яблоки за пазуху. У нас с ними была вроде как игра. Я делал вид, что не вижу их, а они с отчаянной храбростью таскали яблоки, можно сказать, рисковали жизнью, но знали, что им за это ничего не будет.

— Ты добрый! Я и тогда им ответила, что ты добрый.

А Попов сказал:

«Моя мамаша ему на пальто пришивала заплатки. Говорит: «Вы же отставной офицер. У вас пенсия. Вам неудобно с заплатками». А он — это, значит, ты, дедушка: «У меня лишних денег нет».

«Ну, ты, Попов, даешь!..— крикнул Рыжий.— Ты что же, думаешь, что он жадный?»

А Валька подхватил:

«Он жадный?! Он моей бабке за картину отвалил триста рублей. Это,— говорит,— картина моего прапрапрапра...»

Все развеселились и стали выдумывать, кто что мог:

«Бабушки!»

«Тетушки!»

И тут я стала хохотать. Правда смешно, что они нашего прапрадедушку переделали в «прабабушку» и в «пратетушку»?..— спросила Ленка у Николая Николаевича.— Хохочу я и хохочу, никак не могу остановиться. Я если хохочу, то обо всем забываю.

Ленка неожиданно коротко рассмеялась, будто колокольчик звякнул и упал в траву, и снова сжала губы.

— Это раньше я обо всем забывала,— поправилась Ленка и с угрозой добавила:— А теперь...— Она замолчала.

Николай Николаевич терпеливо ждал продолжения ее рассказа. Он дал себе слово не перебивать ее. Да и самому ему хотелось разобраться во всей этой истории. И слушать Ленку было легко, потому что переливы ее голоса, выражение глаз, которые то затухали, как облитые водой горячие угли, то вновь пламенно и неожиданно вспыхивали, завораживали его.

За всю свою долгую жизнь Николай Николаевич не видел подобного лица. От него веяло таинственной силой времени, как будто оно пришло к нему через века. Он это ощущал остро и постоянно.

А может быть, это чувство возникло у него после появления в доме «Машки»?

— Вообще-то я никогда бы не кончила смеяться, если бы не Валька,— снова заговорила Ленка.— Ему было смешно, что ты купил у его бабки картину за триста рублей...

«Бабка,— говорит,— от радости чуть не померла. Думала, получит двадцатку, а он ей триста!.. А на картине была нарисована обыкновенная тетка с буханкой».

— «Женщина с караваем хлеба»,— строго и многозначительно вставил Николай Николаевич.

— Я-то знаю, ты не волнуйся, я-то знаю все твои картины,— оправдывалась Ленка и продолжала:

«И еще передай своему деду,— закричал горластый Валька,— что мы его поздравляем, что у него такая внучка... Ну, точно, как он!»

«Они с Заплаточником — два сапога пара!» — вставил Рыжий.

А я почему-то подхватила:

«Правильно, мы с дедушкой два сапога пара!»

Николай Николаевич совершенно отчетливо представил себе, как Ленка, вероятно, от растерянности, выкрикнула эти слова. И, как бы радуясь им, она подпрыгнула на месте и завертела головой, как попугайчик, и уголки губ у нее закрутились вверх. Ему нравилась ее беспомощная и открытая улыбка. А для них это потеха — и только.

Лохматый так и крикнул:

«По-те-ха! Ну и потешная ты, Бессольцева Лена!» А Рыжий, разумеется, подхватил: «Не потешная она. А чучело!»

«Огородное!» — захлебнулся от восторга Валька.

Конечно, они стали хохотать над Ленкой, выкаблучиваясь каждый на свой лад. А Ленка, открытая душа, решила, что они просто веселились, что они смеялись над ее словами, над ее шуткой, а не над нею самой.

— Дедушка, ты меня не слушаешь?— спросила Ленка дрогнувшим голосом.— А почему?

Николай Николаевич смущенно поднял на нее глаза, не зная, как поступить,— и правду ему говорить не хотелось, чтобы лишний раз не огорчать Ленку, и врать было трудно.

— Не отвечай!— Ленку как молнией пронзило — она обо всем догадалась.— Тебе меня жалко стало? Да?.. Они надо мной смеялись? Да?.. Уже тогда?— Она жалобно улыбнулась.— Подумать только, а я не догадалась. Все приняла за чистую монету... Точно. Смеялись. Я вижу, вижу себя со стороны — ну, просто я была какая-то дурочка...— И тихо добавила:— Правда, дурочка с мороза.

Вдруг она повернулась к Николаю Николаевичу всем корпусом, и он увидел ее большие печальные глаза.

— Дедушка! Милый!..— Она схватила его за руку и поцеловала ее.— Прости меня!

— За что?— не понял Николай Николаевич.

— За то, что я им верила, а они над тобой смеялись.

— Разве ты в этом виновата?— сказал Николай Николаевич.— Да и они не виноваты, что смеялись надо мной. Их можно только пожалеть и постараться им помочь.

— Может быть, ты их любишь?— Ленка с подозрением посмотрела на Николая Николаевича.

Тот ответил не сразу — помолчал, подумал, потом сказал:

— Конечно.

— И Вальку?— возмутилась Ленка.— И Рыжего и Лохматого?!

— Каждого в отдельности — нет!— У Николая Николаевича от волнения перехватило горло, и он задохнулся.— А всех вместе — да, потому что они — люди!

— Если ты будешь психовать,— сказала Ленка,— то я перестану рассказывать.

— Да я не психую,— рассмеялся Николай Николаевич.— Подумаешь, даже задохнуться разок нельзя. А ты давай, давай дальше, я слушаю.

— Ну, в общем, когда Рыжий обозвал меня чучелом,— сказала Ленка,— то его кто-то сильно толкнул в спину... и я увидела впервые Димку Сомова... Знаешь, он меня сразу удивил. Глаза синие-синие, а волосы белые. И лицо строгое. И какой-то он весь таинственный.

А Рыжего он толкнул сильно, тот врезался в пузо верзилы Попова и бросился на Димку. Я хотела крикнуть, чтобы они не дрались из-за меня. Ну, пусть я чучело, ну и что?.. Но они уже сцепились.

Только драки никакой не вышло. Я услышала спокойный голос Димки:

«Сам ты чучело, и не огородное, а обыкновенно-рыжее».

Димка одной рукой скрутил Рыжего и держал его крепко. А тот и не думал вырываться, а скорчил рожу и крикнул:

«Я обыкновенно-рыжее чучело!»

Над ним все стали смеяться, и он сам над собой смеялся громче всех. Да ты же его видел, дедушка!— сказала Ленка.— Правда, он смешной?.. Ну, просто цирковой клоун — ему и парика не надо, он же от рождения рыжий!

В тот момент, когда мы смеялись над Рыжим, вбежала веселая Маргарита. В одной

От Ленкиного лица веяло таинственной силой времени, как будто оно пришло к нему через века.

руке она держала классный журнал, а в другой — сверток в цветном полиэтиленовом мешочке.

«А, новенькая! — Она увидела меня. — Куда же тебя посадить?»

Она пошарила глазами по рядам парт... и забыла про меня, потому что девочки обступили ее и спросили, правда ли, что она выходит замуж. Маргарита ответила, что правда, засияла от счастья, торопливо разорвала мешочек, вытащила коробку конфет, открыла и поставила на стол.

«Это от него?» — прошептала догадливая Шмакова.

«От него. — Маргарита еще больше расцвела. — Угощайтесь». — И сделала величественный жест рукой.

Все повскакали со своих мест и стали хватать эти конфеты и засовывать в рот.

А девочки забрасывали счастливую Маргариту вопросами:

«Маргарита Ивановна, а кто ваш муж?»

«А у вас есть его фотокарточка?»

«А он живет в Москве?»

И тут в дверях появилась Миронова. Она у нас особенная, у нее очень сильная воля.

«Что вы тут шумите после звонка?» — спросила Миронова.

«Мы конфеты едим!» — крикнула Шмакова.

«Во время урока?» — ехидно заметила Миронова и прошла на свое место.

Шмакова протянула ей конфету:

«Возьми и успокойся. Сама опоздала и еще выставляется».

«Тихо! — сказала Маргарита. — Миронова права. По местам!» И все пошли по своим местам, а про меня Маргарита так и не вспомнила, и я не знала, куда мне сесть, остановилась около Димки и уставилась на него. Ну, у меня привычка такая: если мне кто-нибудь нравится, то я смотрю на него, смотрю, хотя знаю, что это неловко. Он на меня раз посмотрел, второй, а потом спросил, чего мне надо.

А я ляпнула:

«У тебя место свободное?»

«Занято».

Ну, думаю, влипла, сейчас он начнет надо мной смеяться. А он вдруг улыбнулся и спросил:

«А что?»

«Хотела сесть к тебе, — ответила я, а так как он все еще продолжал улыбаться, то во мне какая-то храбрость появилась от его доброты, и я сказала: — Ты же меня спас».

По-моему, ему мои слова понравились, потому что он сказал:

«Ну что ж, сейчас попробуем.— И громко крикнул:— Шмакова, новенькая твое место хочет занять!»

Шмакова услышала Димкины слова и здорово рассердилась. Она посмотрела в нашу сторону, потом медленно направилась к нам. Она приближалась, приближалась, и я видела, как у нее в глазах прыгали злые огоньки. Тут я испугалась. Я ведь не хотела, если место занято. А Шмакова подошла к нам, смерила меня презрительным взглядом и отвернулась. Конечно, она же красавица! А я?— Ленка безнадежно махнула рукой.

— Ты тоже хоть куда,— посчитал своим долгом вмешаться Николай Николаевич.

— Да брось ты меня успокаивать,— возмутилась Ленка.— Она же настоящая красавица! Платье у нее новенькое и сшито по фигуре. А у меня... какой-то маскировочный халат.

— Маскировочный халат?..— удивленно переспросил Николай Николаевич.— Это, пожалуй, моя вина. Я недоучел, что платье должно быть по фигуре. Извини.— И почти выкрикнул:— Зато у тебя глаза вдохновенные. И сердце чистое. Это посильнее, чем платье по фигуре.

— Не хвали меня, пожалуйста,— сказала Ленка.— Я ведь плохая. Я на самом деле — предательница!.. Я это сейчас, сейчас поняла до самого донышка.

Ленка замолчала. Николай Николаевич терпеливо ждал, когда она снова заговорит. В комнату в который раз ворвалась бесшабашная музыка: это все еще гуляли на дне рождения Димки Сомова. Они плясали, кричали, пели, а здесь, в доме у Бессольцевых, сидели два понурых человека, которые не знали, что им делать дальше и как им теперь жить.

— Ну, и что там произошло со Шмаковой?— прервал молчание Николай Николаевич.

— Со Шмаковой?— переспросила Ленка.— Ничего особенного не произошло — она уступила мне место. «Уступаю,— говорит,— тебе мое место с большим удовольствием». И схватила портфель. «Мне,— говорит,— здесь надоело. Парта какая-то кособокая. И вообще я люблю перемену мест. Так что, Димочка, чао-какао!— А на прощание наконец посмотрела на меня, как будто только что заметила, презрительно фыркнула и тихо сказала:— Ну и чучело!»

Попов заорал, чтобы Шмакова села к нему, и та бросила ему портфель, а он его поймал — вот с этого момента он стал ее рабом.

Тут Маргарита объявила, что наша школа едет на осенние каникулы на экскурсию в Москву.

«Значит, мы поедем вместе?» — выскочила догадливая Шмакова.

«Вместе, вместе.— Маргарита улыбнулась.— Так что берите у родителей деньги и приносите».

По этому поводу раздался такой вопль восторга, что Маргарита рассмеялась и зажала уши руками, чтобы не оглохнуть. Ну, конечно же, всем хотелось поехать на каникулы в Москву.

И я завопила, но потом осеклась, потому что Димка встретил это известие хладнокровно. А когда все замолчали, он вздохнул тяжело и сказал:

«Опять на родительские... Надоело».

«Что же ты предлагаешь, не ездить в Москву?» — спросила Маргарита.

«Нет, он этого не предлагает,— вмешалась Миронова.— Но он не знает, что он предлагает».

«Прекрасно он знает,— раздался ласковый голосок Шмаковой.— Это он перед новенькой выставляется».

Все, конечно, тут же захихикали.

Маргарита одернула Шмакову, а я, если честно, была почему-то рада ее словам... Ну, в общем, не почему-то, а потому, что она сказала, что Димка передо мной выставляется.

А когда в классе снова наступила тишина, то Димка встал, победно оглядел ребят и сказал:

«Давайте на поездку заработаем сами!»

Тут меня словно подбросило, прямо не знаю почему, я вскочила и заорала:

«Маргарита Ивановна! Маргарита Ивановна! Можно, я скажу!»

Ох, и видик у меня был, наверное,— восторженная дурочка. Но я о себе и не думала, у меня на душе было хорошо, и хотелось сказать всем что-нибудь необыкновенное.

«Мне дедушка много рассказывал про ваш город... У вас город особенный, старинный... Приедешь — навсегда останешься... Не променяешь ни на какие золотые горы. Правда, здесь хорошо! И вы все такие хорошие! И предложение Сомова я поддерживаю!»— Я улыбнулась Димке и наконец уселась.

«Ну, Сомов у нас всегда молодец!— сказала Маргарита.— Мне его идея тоже очень понравилась... Конечно, вы уже взрослые ребята и вполне можете поработать,— продолжала она,— я вам, пожалуй, помогу. Только — не подведете?..»

Тут все закричали:

«Что вы, Маргарита Ивановна! Вы только договоритесь!»

«Мы будем работать дни и ночи!»

«С утра до утра!..»

И мы стали работать. Ходили в совхоз на сбор поздних огурцов и капусты. Ты не думай, мы не только за деньги работали. Мы и бесплатно. Например, в детском саду. И городской сквер убирали... Правда, это не всем понравилось. Может быть, именно из-за этого у нас и началась ссора. Валька, к примеру, как только мы шли на бесплатную работу, всегда убегал. Один раз в воскресенье рано утром Маргарита привела нас в совхозный сад на уборку осенних яблок.

Все ребята пришли в резиновых сапогах, а я в туфлях — они сразу промокли от росы.

Димка заметил это, снял сапоги, протянул мне и сказал, чтобы я переобулась. Вот был моментик — он стоял босой на мокрой холодной траве и протягивал мне сапоги с шерстяными носками. Я не решилась их взять.

Ребята окружили нас и открыли рты от удивления.

«Во, Сомов дает!» — засмеялся Лохматый.

«Льщарь»,— подхватил Валька.

«Львиное сердце!» — вставил Рыжий и зашелся мелким смехом от собственного остроумия.

«Долго мы еще будем стоять и жениться?— вдруг зло оборвала Шмакова.— Мы пришли, кажется, работать. Ведь так, Димочка?..»

Кое-кто снова захихикал, а Димка не обратил на это ну никакого внимания, бросил мне сапоги и ушел.

Я натянула Димкины носки — они были еще теплые от его ног, и влезла в сапоги.

Знаешь, дедушка, как мне было весело!— Ленка рассмеялась:— Весело, весело! Может, оттого, что Димка отдал мне сапоги?— Она хитро посмотрела на Николая Николаевича.— Нет, пожалуй, просто оттого, что в саду было очень красиво.

Второй раз за этот день Николай Николаевич услышал ее смех. Ему нравилось, что она забыла про то, что эти ребята прозвали ее чучелом, что бросила в него портфель только за то, что он предложил ей вернуться в школу... Она все-все это забыла и снова была счастливой.

— А потом, дедушка, случилась странная-странная история. Помнишь, мы работали на фабрике детской игрушки?.. Ну, мы там из папье-маше клеили морды зверей.

Николай Николаевич кивнул.

— Так вот,— тогда на фабрике я впервые поняла, что люди не все одинаковые. Да, да, не улыбайся. Я вдруг увидела, что то, что для меня хорошо, для Шмаковой, например, смешно, а для Мироновой просто глупо. Я должна была насторожиться, но я не обратила на это никакого внимания!— Выражение лица у нее было до крайности удивленное.— Ну, слушай дальше, что из этого вышло...— Ленка возбужденно вздохнула и продолжала:

— Мы уже кончили работу. Я доклеила морду зайца, хотела для просушки поставить ее среди остальных на полку, которая тянулась вдоль стены, а потом передумала и примерила морду на себя.

В это время вернулся Димка, он ходил получать деньги за нашу работу, ну и все, конечно, бросились к нему:

«Ну как, получил?»

«Сколько?»

«Выкладывай! Не томи!»

Они его толкали, пытаясь влезть к нему в карман, приставали, канючили.

«Рыжий! Тащи копилку!» — закричал Димка, отбиваясь от наседавших ребят.

У нас в это время была уже копилка — такая здоровая зеленая кошка с дыркой в голове.

Рыжий поставил перед Димкой копилку... и началось!

Димка полез в карман, долго что-то там колдовал рукой, наконец выхватил ее, помахал над головой красненькой десяткой и бросил ее в копилку.

«Свои!» — заорал Лохматый.

«Пять рублей!» — крикнул Димка и снова опустил их в копилку.

«Кровные!» — восхищался Рыжий.

«Трудовая копеечка!» — поддакнул ему Попов.

Димка поднял над головой еще десятку и помахал ею в воздухе.

Ленка показала, как Димка помахал деньгами. Ей не сиделось, она вскочила, каждая жилка на ее лице трепетала от восторга.

Он крикнул:

«Десятка!» — и бросил деньги в копилку.

«Ух!» — ухнули все хором.

Рыжий попросил у Димки, чтобы тот дал ему бросить монету в копилку. Димка дал ему рубль, и Рыжий бросил.

И тогда все закричали:

«И мне! И мне! И мне!»

И он всем давал, и все по очереди бросали.

А потом Димка протянул рубль мне и сказал:

«Брось и ты, заяц».

А я от радости, что он мне дал этот рубль, так схватила его, что он разорвался пополам — половинка осталась у Димки, половинка у меня.

«Вот разиня,— возмутился Валька.— Это же деньги. Их рвать не надо!»

Я испугалась и не знала, что делать. Но Димка, как всегда, пришел мне на помощь.

«Ничего,— успокоил он всех,— потом склеим. Бросай, заяц, обе половинки!»

Я бросила.

«И кончай работу!— приказал Димка.— Давайте халаты».

Ребята сняли халаты и побросали их Димке.

«А тебе, заяц, как самому храброму, я поручаю охрану этого замечательного сундука с драгоценностями»,— сказал Димка, протянул мне копилку, а сам ушел относить халаты. Я схватила копилку и закричала:

«Я храбрый заяц! Я самый храбрый на свете заяц!»

Рыжий надел морду тигра и зарычал на меня:

«Ры-ы-ы!»

«Ой, не боюсь! Ой, не страшно!» — Я оттолкнула Рыжего.

А Шмакова нацепила морду лисицы и пропела тоненьким голоском:

«Зайка серенький, зайка беленький!.. Мы тебя перехитрим! Мы у тебя сундучок с драгоценностями отнимем!» — И она ущипнула меня.

Я не ожидала этого, мы ведь играли, и крикнула:

«Ты чего больно щиплешься?..»

«А если не больно, то зачем же щипаться»,— рассмеялась Шмакова.

А в это время другие ребята тоже нарядились в маски зверей, и меня уже плотным кольцом окружили морды волков, медведей, крокодилов. Они прыгали, рычали, наскакивали на меня и рвали из рук копилку. А какой-то медведь, по-моему, это был Попов, крикнул, как Шмакова:

«Зайка серенький, зайка беленький! Мы тебя перехитрим!»

Волк-Валька несколько раз больно дернул меня за косу. А я испугалась по-настоящему, как будто меня окружили не люди, а настоящие звери.

«Не надо! Хватит!» — Я хотела снять маску, но у меня ничего не получалось, потому что они беспрерывно меня толкали.

«Попался, зайчишка!» — пропела Шмакова.

«Мы тебя, заяц, задере-е-м!» — завопил Лохматый и крутнул меня.

«Ры-ы-ы!» — дурным голосом прорычал Рыжий.

«Димка-а-а!» — закричала я и грохнулась на пол, потому что у меня закружилась голова.

Димка вбежал и спросил, чего я кричу. А я ему ответила, что испугалась.

«Кого?» — не понял Димка.

«Всех... зверей»,— ответила я.

«Подумаешь, и поиграть нельзя»,— сказал Валька.

«Зайка серенький... Зайка беленький... Мы тебя задерем!— хихикнула Шмакова.— Какая нервная!»

«Чепуха!— мрачно заявила Миронова.— Просто кривляется. Пошли, ребята!..»

И вся компания удалилась вслед за Железной Кнопкой, вполне довольная собой.

А мне еще долго мерещилось, что Шмакова похожа на лису, Лохматый — на медведя, а Валька — на волка.

Мне было стыдно, что я так думала про ребят. Поэтому я догнала их на улице и всех угостила мороженым на свои деньги. И рассказала Шмаковой под честное слово свою тайну, что Димка похож на «Уснувшего мальчика». Никогда и никому не говорила, как нравится мне этот мальчик со скульптуры в тополиной роще...

Она была очень довольна, хохотала и клялась, что никому не скажет, но мне почему-то казалось, что голос у нее был похож на тот, когда она пела:

«Зайка серенький, зайка беленький...» Шмакова — лиса. Настоящая. И я подумала, что зря я ей все рассказала. Ну, ты же ее видел, дедушка. Правда, она лиса?

После я спросила у Димки:

«Ты меня осуждаешь, что я испугалась ребят на фабрике?»

«Что ты,— ответил он.— Испугаться каждый может».

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Гости «Пионера»

Если ты читал журнал «Пионер» в прошлом году, то помнишь, наверное, документальное повествование Л. Симоновой «Человек приходит из Детства», напечатанное в 9, 10 и 11-м номерах. В нем рассказано о жизни пионерского отряда имени Гули Королевой из 109-й школы города Челябинска. Этот отряд предложил пионерам всей страны провести Всесоюзный сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны». Многие ребята поддержали челябинцев, и ты уже знаешь, что Всесоюзный сбор «Судьба семьи в судьбе страны» несколько месяцев идет на страницах журнала.

Недолго, всего пять дней гостили в Москве ребята. Но как много успели посмотреть! Вместе с москвичами водили хоровод вокруг Главной елки страны в Кремле, веселились на елке в Лужниках. Увидели картины русских и советских художников в Третьяковской галерее. Были в музее «Бородинская панорама» и на ВДНХ. Смотрели спектакли в Московском ТЮЗе, в Музыкальном театре под руководством Н. Сац и представление в Театре зверей под руководством Н. Дуровой, побывали на концерте в Кремлевском Дворце съездов.

И, конечно, челябинские пионеры встречались с редакцией «Пионера», членами редколлегии и авторами журнала. Писатели Тимур Гайдар, Владимир Разумневич, Виталий Коржиков, поэты Михаил Пляцковский, Татьяна Котенева, композиторы Юрий Чичков, Алексей Черный, постоянный автор юмористического отдела «Переменка» Ярослав Хоречко рассказали гостям о своей работе, об интересных замыслах. А пионеры пели свои отрядные песни.

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина наградил отряд имени Гули Королевой Почетной грамотой. Каждому пионеру отряда вручена Грамота журнала «Пионер».

Ю. ГОЛОВНЕВА

Ведет журналист-международник Павел ГРИГОРЬЕВ.

«ЯНКИ, ВОН ИЗ КЕФЛАВИКА!»

Исландия — самое северное государство в мире. Исландцы такой миролюбивый народ, что не хотят даже иметь собственную армию.

А вот американским генералам северная страна давно приглянулась как удобная военная база. Отсюда, с севера, можно грозить Советскому Союзу и другим социалистическим странам. В исландском местечке Кефлавик войска США расположились, как у себя дома. По нескольку раз в день оттуда стартуют военные и шпионские самолеты.

Но исландцы не хотят мириться с присутствием американских военных в своей стране, не хотят участвовать в агрессивных авантюрах США. Мирный народ выходит на улицы городов и поселков с плакатами: «Янки, вон из Кефлавика!»

Очень часто в первых рядах демонстрантов шла белокурая женщина с маленькой дочкой на руках. Это была Вигдис Финнбогадоттир, активистка борьбы за мир, за вывод войск США из Исландии. Исландцы часто слушали ее выступления на митингах в Рейкьявике — столице страны и в других городах. А недавно избрали Вигдис Финнбогадоттир своим президентом.

Она первая исландская женщина, избранная на такой высокий пост. И первая женщина в Западной Европе, ставшая главой государства благодаря своей непримиримой борьбе за мир, за ликвидацию военных баз США на своей родине.

Принимая президентскую присягу, Вигдис Финнбогадоттир обещала, что продолжит борьбу.

Вигдис Финнбогадоттир — президент Исландии.

ТВОЙ РОВЕСНИК ЗА РУБЕЖОМ

ВСЕМУ ВИНОЙ — ЖИЗНЬ В РЕЗЕРВАЦИЯХ

Канадские чиновники утверждают, что жизнь в резервациях — сущий рай!.. И кое-кто им верит.

Но вот пять лет назад от загадочной болезни умерли два индейских подростка из племени шаматва. Врачи установили, что ребята нарочно вдыхали пары бензина и от этого у них в крови скопилось много свинца. К такому дешевому и очень вредному для здоровья «наркотику» пристрастилось много канадских ребят.

Врачи обследовали 125 индейских резерваций, и оказалось, что «бензоманией» заражены все дети, даже четырехлетние. Их мучат тошнота и судороги, у них воспалены глаза, больные печень и легкие.

Откуда же взялось такое несчастье?

Канадский судья Маккензи, который занимается делами малолетних преступников, считает: всему виной — жизнь в резервациях. Правительство Канады согнало индейцев с родных мест, ограбило индейские племена, обрекло их на нищету и невежество. Маленький индеец рано начинает понимать, что родина для него — это тюрьма под названием резервация. Там нет стадионов, клубов, библиотек, кинотеатров. Школ не хватает. С детьми никто не занимается. Вот ребята и начинают искать дешевых развлечений.

А чиновники по-прежнему твердят: жизнь в резервациях — рай земной... Новые несчастья индейцев их не волнуют. Они только советуют владельцам мотоциклов и автомобилей получше закрывать бензобаки.

Американские индейцы собрались у входа в Капитолий, чтобы заявить о своих законных правах. Униженными и оскорбленными чувствуют себя индейцы и в других странах американского континента.

Беспощадное слово Марка Твена

В конце прошлого года в США избирали нового президента. В Белый дом метили три основных претендента: от демократической партии — бывший президент Д. Картер, от республиканцев — Р. Рейган (он и победил) и «независимый» кандидат Дж. Андерсон. Вся Америка (да и не только она) внимательно следила за предвыборной борьбой.

В эту пору внимание избирателей привлек еще один необычный кандидат в президенты — Уильям Маклинн. Он выступал не от партии, не от имени избирателей какого-либо города, округа, штата, а от имени... Марка Твена! К тому же кандидат появился перед избирателями загримированным под великого американского писателя: в черном фраке, седом парике, с наклеенными густыми бровями и висячими усами. В таком виде Маклинн исколесил шесть штатов, выступал в университетах, колледжах и церквах. Его речь состояла из фраз, принадлежащих перу Марка Твена, таких, например:

«Какие бы гадости вам ни были известны о кандидате, они не могут сколько-нибудь существенно повлиять на исход его избирательной кампании».

Или: «Все они, пока не станут президентами, выступают за радикальные реформы. Все они шумно разглагольствуют о честности и справедливости, хотя явно имеют самое приблизительное представление об этих прекрасных вещах. Мало того, они готовы ими пожертвовать в любой момент, как только этого потребуют обстоятельства».

Зачем Уильяму Маклинну понадобился этот литературный маскарад?

...Когда-то юрист Маклинн горячо выступал за избрание президентом Р. Никсона. Никсона избрали. Вскоре с благословения президента американские самолеты бомбили мирные города и села Камбоджи...

Маклинн стал активистом антивоенного движения, защищал в суде американских юношей, избегавших служить в армии... С тех пор в США сменилось несколько президентов, но политика оставалась неизменной: агрессии, вероломство, поклонение доллару. Читая книги Марка Твена, юрист увидел: политика американского империализма была, есть и будет неизменной, покуда страной правят ставленники капитала.

Марка Твена знают и любят во всем мире. Особенно почитают, конечно, в Америке. Вот почему Маклинн решил его устами и в его облике высмеять политику бывшего и будущего президентов, а заодно и всю предвыборную возню.

Слово Марка Твена оказалось беспощадным, бьющим в цель и сегодня, столетие спустя. Д. Картер, например, отказался участвовать в публичной дискуссии, на которую звал его Маклинн.

Разумеется, сам Маклинн не надеялся, что его выберут президентом. Он выставил свою кандидатуру в шутку.

Точно так же, шутки ради, поступил сто лет назад Марк Твен: он был кандидатом в президенты от «Антипончиковой партии», которую сам придумал.

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Вануату — свободная страна

Пальмовые рощи среди безбрежного океана — таким увидел архипелаг Новые Гебриды еще в 1606 году испанский мореплаватель Фернандес Кирос. Но испанскому королю нужно было только золото. Поэтому острова на юго-западе Тихого океана еще полтора столетия принадлежали коренным жителям островов.

Потом сюда почти одновременно пожаловали французы и англичане. Они захватили архипелаг и с тех пор владели им совместно. Меланезийцев (так называют народ Новых Гебрид) заставили работать на плантациях как рабов. Они испытывали тройной гнет: англичан, французов и собственных вождей и богатеев. И все-таки люди не падали духом и мечтали о свободе.

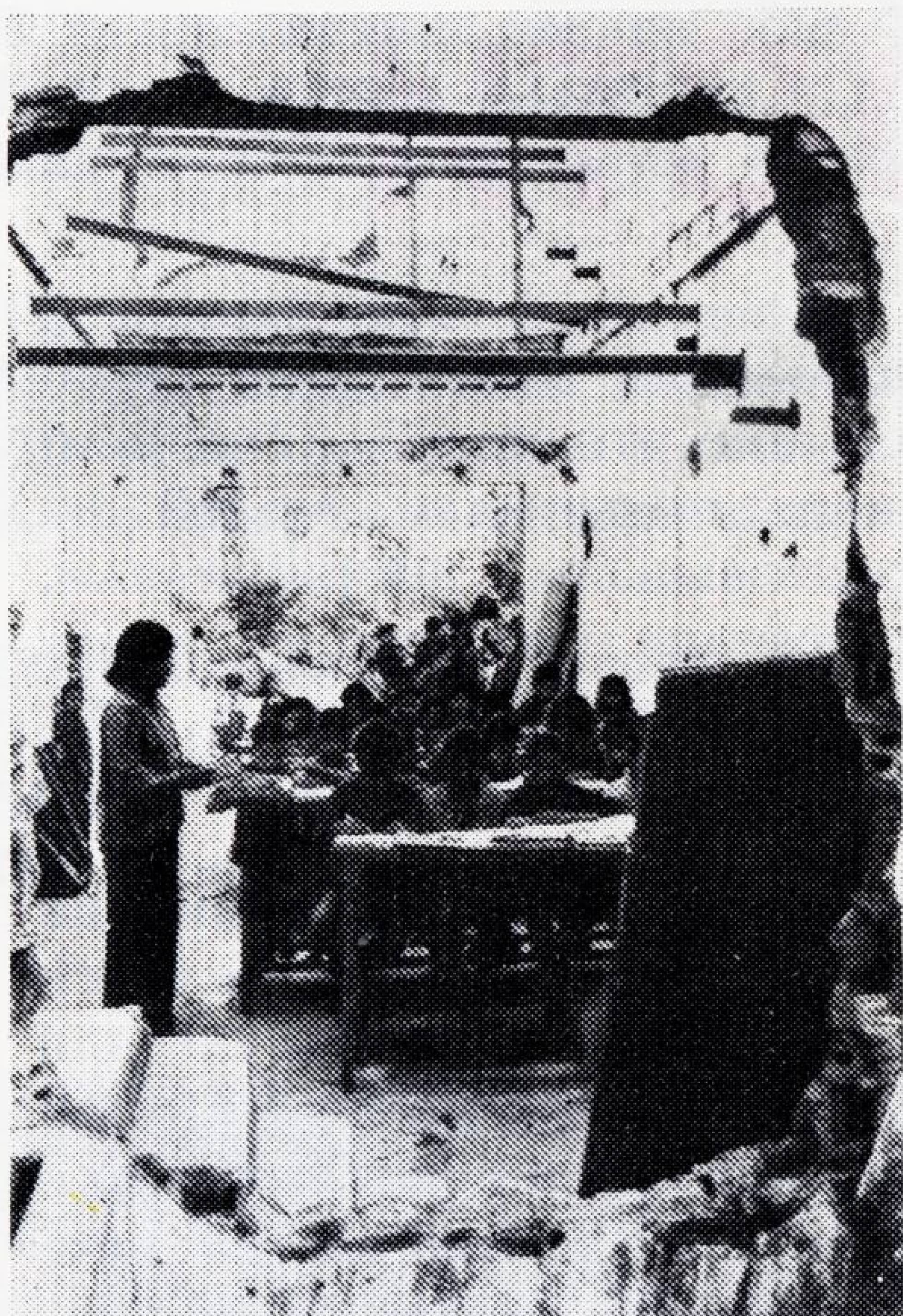
Во главе патриотов стал меланезийский священник Уолтер Лини. Он объединил бедняков в партию «Вануаку» («Наша зем-

ля») и призвал не платить налоги, отбирать у хозяев плантации. Партия «Вануаку» сформировала свое, народное правительство, его поддержало большинство племен.

Бывшие хозяева отчаянно сопротивлялись. Богатый плантатор Джимми Стивенс собрал армию в четыре тысячи человек. Но патриоты наголову разгромили войско плантаторов. Английские и французские власти вынуждены были признать независимость Новых Гебрид.

Новое государство носит имя Вануату — «свободная страна». Меланезийцам придется немало потрудиться, чтобы укрепить экономику: во всей Океании до сих пор Новые Гебриды стояли на последнем месте по уровню жизни и экономическому развитию. К тому же гражданская война нанесла немалый ущерб. Но в своей борьбе меланезийцы не одиноки — на их стороне симпатии всех народов, которым дороги мир, независимость, прогресс.

МИНИСТЕРСТВО НАЧИНАЕТСЯ С... МИНИСТРА

Кампучийским ребятам приходится пока учиться и в таких школах.

Когда Тян Вена назначили министром образования Народной Кампучии, все его министерство состояло из него самого. Не было и образования: ни начального, ни среднего, ни высшего. Палачи Пол Пота разрушили школы и библиотеки, сожгли горы книг, почти полностью уничтожили интеллигенцию страны.

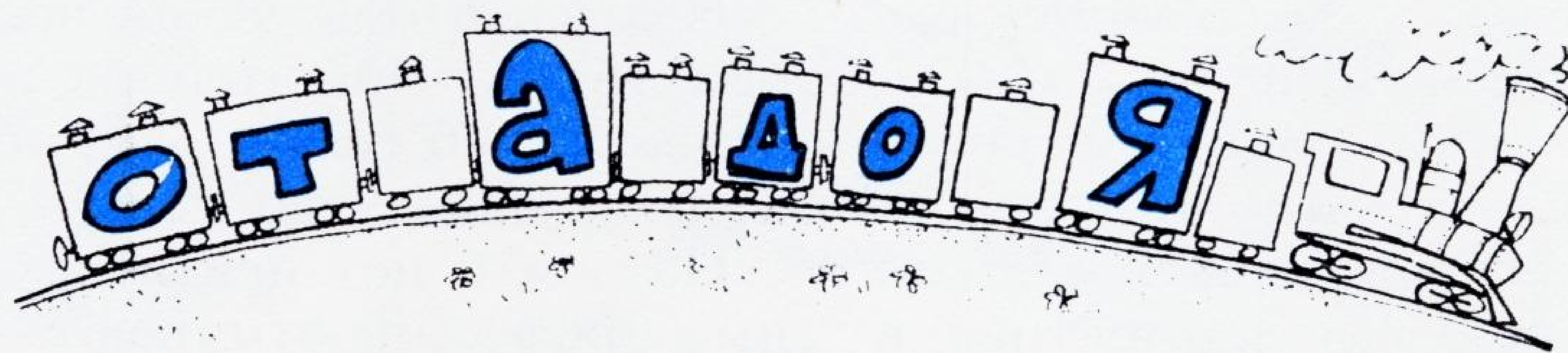
Накануне прихода к власти полпотовцев Тян Вен закончил университет и приехал в родную провинцию Свайриенг инспектором народного просвещения. Его арестовали вместе с женой и бросили в концлагерь...

Однажды темной ночью Тян Вен и его жена пролезли под колючей проволокой, проползли по минному полю и ушли в джунгли, к партизанам. Тян Вен сражался с оружием в руках в отряде патриотов до победы.

...Свой первый день в министерстве он провел перед картой Кампучии. Ему предстояло выиграть сражение не менее трудное, чем штурм Пномпеня. Сражение за всеобщую грамотность, за будущее страны.

Только что окончилась война, а Тян Вен объявил новую мобилизацию: он призывал в пустые уцелевшие школы не только учителей, но и всех грамотных людей. У них не было сносной одежды и обуви на ногах. Зато было страстное желание учить детей Кампучии.

Советский Союз, социалистические страны, соседний Вьетнам помогли Кампучии: прислали школьное оборудование, учебные пособия, одежду и обувь для школьников. И теперь во всех школах страны в классах снова раздаются ребячьи голоса.

Резервация — огороженная территория, куда американские и канадские власти согнали индейцев якобы для того, чтобы они смогли сохранить обычаи и традиции, завещанные им предками. На самом деле резервации созданы для того, чтобы обречь индейский народ на вымирание.

Резервации есть не только в США и Канаде. Есть они и в Южно-Африканской Республике. Только там они созданы для чернокожих африканцев.

Патриот — это слово латинское. Так называют человека, который горячо любит свою родину и готов сделать все во имя ее процветания.

Что такое человеческая зрелость?

Разговор об этом ведет известный советский поэт, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственных премий СССР Алексей Александрович СУРКОВ.

А. А. Сурков, 1918 год.

ПОРОГ ЗРЕЛОСТИ

Во времена моего детства и юности взрослели рано. Уже с пяти-шести лет я — старший ребенок в семье — смотрел за своими братьями и сестрами, помогал матери и отцу по хозяйству.

В тринадцать лет я уехал в Петербург и начал работать. Была такая должность, называлась — «мальчик». Я был «мальчиком» в большом мебельном магазине. Выполнял любую, самую черную работу. Прав у меня не было никаких — ни взрослых, ни детских. Мне даже денег не платили за службу, только кормили и одевали. Трудности, которые у нас были, мы учились преодолевать по-взрослому.

Прожив большую жизнь, я понял: зрелость приходит не к тем, кто годами становится старше. Главное: взрослеешь ли ты духовно?

Сейчас, мне кажется, духовный рост многих ребят часто отстает от физического.

Духовные ценности достаются вам без труда и подчас даже без усилий с вашей стороны. Театры, библиотеки, дома культуры, клубы — все открыто для вас. Это прекрасно. Но я боюсь, как бы эта легкость не отучила вас бороться с трудностями. Как бы на этом изобилии материальных и духовных благ не выросло поколение избалованных людей.

Духовный рост человека невозможен, если он не научился понимать проблемы коллектива, в котором он живет, если у него не возникает желания эти проблемы решить.

Когда я вижу девочку или мальчика в пионерском галстуке, я всегда хочу спросить: «А понимаешь ли ты, к чему обязывает тебя пионерский галстук? Не пошел ли ты в пионеры по принципу «как все, так и я»? Мол, все вступают и одному оставаться неудобно».

Вступление в пионеры — не формальный акт, а первый шаг к тому, чтобы выработать в себе чувство товарищества, общности. То чувство, без которого рост личности невозможен.

Коммунисты-подпольщики никогда не спрашивали себя: «Зачем мне это надо?» Они шли расклеивать листовки, поднимали людей на забастовки. Их арестовывали, допрашивали, били, отправляли в тюрьмы и на каторгу, а они все равно были счастливы. Они не о себе думали, а о том, как сделать жизнь всех людей лучше.

По-моему, некоторым ребятам в голову не приходит мысль о том, что другой человек может для тебя значить больше, чем ты сам для себя значишь. Сама идея самопожертвования им кажется несовременной. Нередко, выбирая профессию, они более всего размышляют о престижности, совершенно не думая о пользе, какую могут принести. Эти ребята ставят вопрос так: «А что будущая работа даст мне?»

Девочки мечтают стать актрисами, мальчики — писателями или режиссерами. Но одного желания мало. Необходимо еще природное дарование. А если нет его у тебя, ты станешь ремесленником. Труд твой не принесет удовлетворения ни тебе, ни обществу.

Нельзя, чтобы человечество состояло из одних только Эйнштейнов и Пушкиных. Кто-то должен хлеб сеять, кому-то надо хлеб убирать, кому-то надо хлеб печь.

На земле нет ненужных профессий. Ненужные профессии отмирают. А все, что остаются, необходимы. Любой труд почетен, потому что он приносит пользу людям.

Есть взрослые, чье духовное развитие не позволяет им называться зрелыми людьми. Что помешало им вырасти?

Если несозревший плод отрывается от дерева, он навсегда остается зеленым, если человек отрывается от людей, он навсегда остается незрелой личностью. А именно в детстве вырабатывается в людях чувство общности.

У современных молодых людей жизнь куда спокойнее и легче, чем была у нас. Но надо

помнить, что и сейчас есть трусость и подлость, рвачество и жажда легкой жизни. Не надо бояться трудностей. Преодолевая их вместе со своими товарищами, вы растете духовно, становитесь зрелыми людьми.

Право на личное счастье — святое право каждого человека. Но надо чаще спрашивать себя: что я, лично я, сделал для того, чтобы недостатков в жизни стало меньше? Что я сделал для своих товарищей, для всего общества? Стало ли кому-то лучше от того, что на свете есть я?

* * *

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну,
На четвертой войне с восемнадцати лет
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

Рисунок Д. БАРАБАША.

Два года назад члены Витебского областного тимуровского штаба начали помогать республиканскому госпиталю для ветеранов Великой Отечественной войны в селе Юрцево.

Рассказывает о ребятах и их работе журналист Борис МИНАЕВ.

Дорога до госпиталя

Дорога от Витебска до Юрцевского госпиталя неблизкая — несколько часов на автобусе. Мимо придорожных рощ, деревень, мимо большого промышленного районного центра — города Орши.

Я приехал в Юрцевский госпиталь сумрачным, тихим днем. Старый сад. Старый, крепкий кирпичный дом. Здесь чисто, уютно и тихо. Таким увидели госпиталь в первый раз и витебские тимуровцы. И руководитель штаба — Галина Петровна Зенкова.

Еще восьмилетней девочкой она узнала, что такое госпиталь. Это было под Астраханью в начале войны. В том военном госпитале метались в бреду тяжелораненые, гудели переполненные палаты и коридоры. И самое страшное — молодые лица людей, уже успевших стать калеками. Окрестные ребята приходили в госпиталь, помогали. Полы мыли. Писали письма под диктовку. Сидели у кроватей и разговаривали.

Сколько может запомнить восьмилетний человек? Галина Петровна успела запомнить главное: тот далекий уже госпиталь не был подвластен мрачному настроению смерти. Бойцы веселились, шутили — и верили в лучшее. Верили в Победу.

Через десятилетия протянулась ниточка от того госпиталя военного к нынешнему, мирному. Болят старые раны, память сохраняет боль о погибших друзьях и родных. И эта боль нуждается в нашем сострадании...

А вот ребята-тимуровцы военный госпиталь видели только в кино. Как и многое другое: отчаянные атаки, залпы пушек, израненную воронками землю.

Галина Петровна рассказала мне такой случай. В школу пришел ветеран войны, а ребята спрашивают: «Почему у вас так мало наград?»

В одной московской школе я

увидел мемориальную доску с именами выпускников школы, погибших на войне. Добрые, хорошие люди сделали ее. Но вот ушли они из школы — и доска оказалась в маленькой, тесной комнатушке. Под замком. Почти никто из ребят о ней ничего не знал...

Чтобы понять войну, почувствовать ее, прикоснуться к тому времени — мало читать, смотреть фильмы, слушать даже самые интересные рассказы. Нужно понять свою причастность к судьбе своего народа. Через судьбу своей семьи, своих родных, близких.

Я думаю, именно это произошло, когда тимуровцы впервые увидели госпиталь, познакомились с ветеранами.

«Когда мы приехали в госпиталь,— рассказывает Валера Аксютик,— у каждого из нас была небольшая анкета. В ней вопросы, которые мы собирались задавать: «Имя, фамилия, год рождения... Имеете ли боевые награды?.. Где воевали?..» и так далее. Простые вопросы, можно было их и запомнить, но поскольку мы все робели, стеснялись, то многие, и я в том числе, держали ее в руках. И вот я завел разговор с первым человеком, но чувствую: что-то не так. Отвечает он сухо, односложно, и разговора у нас никакого не получается. Тут я понял свою ошибку — анкету спрятал подальше и только потом иногда вынимал, делал небольшие пометки. Не знаю, можно ли назвать разговор с ветераном работой. Но душевным трудом можно, это точно».

Каждый раз, когда ребята приезжают в госпиталь, обязательно показывают небольшой концерт.

В последний раз Леша Иванов, ведущий, читал стихотворение Расула Гамзатова «Мне кажется порою, что солдаты...». Читал слова очень известной, популярной песни. Надо было ни в коем случае не сфальшивить, не переиграть, а это тоже душевный труд.

Наташа Котова познакомилась в госпитале с Михаилом Сергеевичем Ланщиковым. Знакомство началось с того, что Ланщиков наотрез отказался рассказывать о себе. «Могу о друзьях, если хотите, а о себе — не буду». Возникла неловкая пауза. Наташа растерялась. Михаил Сергеевич спросил: «Что вы сейчас проходите по истории?» Оказалось, что он учитель истории... Они познакомились, подружились. Теперь переписываются. Поняла ли Наташа, что стояло за молчанием Михаила Сергеевича в ту, первую минуту? Душевная усталость, боль за погибших друзей, о которых некому рассказать, кроме него. Думаю, что поняла.

Давайте представим себе: вот Наташа садится за стол, достает бумагу, ручку, глядит в окно, выводит первую фразу: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич!» А что дальше писать? «У меня все нормально, учусь неплохо»? Как сделать так, чтобы человек понял, что не из вежливости отвечаешь, что думаешь, помнишь о нем? Написать настоящее письмо — тоже душевный труд.

После каждого своего дела штаб собирается на обсуждение. Подводятся итоги.

После приезда в Юрцево они тоже собрались — и поняли, что итоги подводить рано. Помощь госпиталю не укладывается в несколько приездов.

Родилась идея — собрать большую, хорошую библиотеку. Со всей области стали приходить посылки. В штабе появились пачки, груды, ящики книг. Ребята из штаба принесли свои книги, например, Наташа Котова — «Как закалялась сталь» Николая Островского. Книгу о человеке, воля которого победила все страдания и болезни.

Начальник госпиталя Виктор Николаевич Дмитрович благодарит тимуровцев за все, что сделали они, мечтает о новых начинаниях. Привезли книги — хорошо. Подготовили концерт — отлично. А как бы организовать помощь местных ребят — устраивать примерно раз в месяц трудовые десанты? Не всегда хватает в госпитале лекарственных трав. Как бы организовать сбор ромашки, подорожника, зверобоя специально для госпиталя?

В Витебском Дворце пионеров была выставка детского творчества. А что, если на полмесяца привезти ее сюда? Да и вообще подумать над тем, как украсить палаты, коридоры. Нужна рассада красивых и редких цветов...

Однажды, когда тимуровцы поехали в Юрцево, был сильный дождь, заволокло все небо. Автобус, переваливаясь, подъехал к госпиталю. И ребята увидели, что их встречают. Люди вышли под ливень. Госпиталь помнил о них и ждал.

Тимуровцы и ветераны стали друзьями. Госпиталь помнит о ребятах и ждет их.

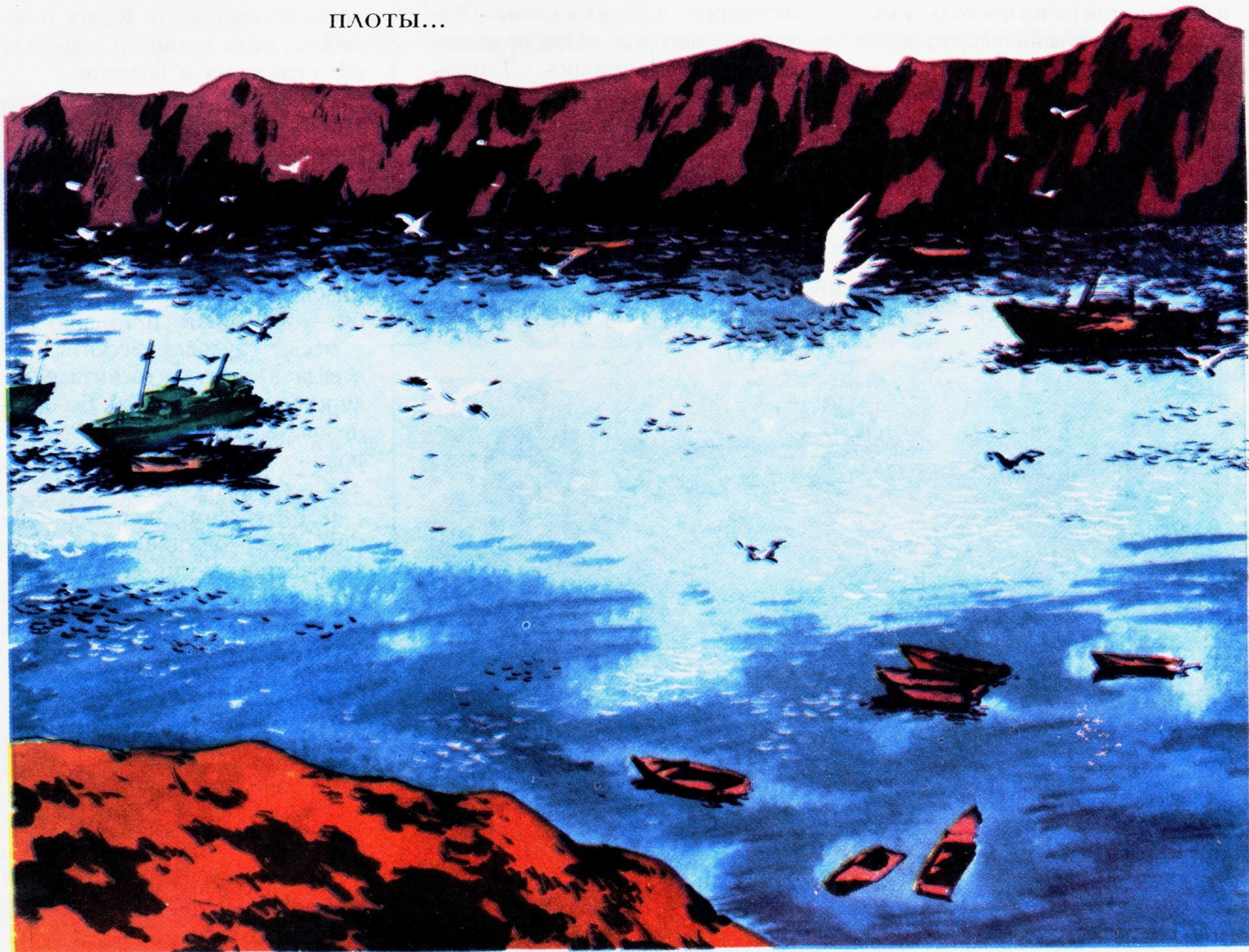
Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Над рекой

Отшумел ледоход.
Над рекой
Разлился вековечный
покой.
Острова — недоступны
и немы —
Тонут в темно-зеленой
тени,
Не шелохнутся бакенов
шлемы,
Не дробятся, не гнутся
огни.
Словно все еще скованы
воды
Светом тихой Полярной
звезды,
И протяжно гудят
пароходы,
Застилая дымками
плоты...

Открой окно...

Открой окно и на реку
взгляни —
Ее пересекли вечерние
огни.
Она блестит — от неба
голубая,
У ветел синяя,
на быстрине рябая.
Со звездами и серпиком
луны
Она полна глубокой
тишины,
И запоздалый белый
теплоход
По ней в затон на цыпочках
идет...

Геннадий Жаворонков

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Однажды, на пятом уроке...

РАССКАЗ

Сан Саныч умирал уже пятый урок. Недавно еще стальные иглы ежа все больше становились похожими на прелую солому.

Весь 8 «Б» с неослабевающим сочувствием следил за происходящим. Бюллетени о состоянии здоровья Сан Саныча выходили каждые пять минут. Выпускал их мой сосед по парте Шурка Баныкин по прозвищу «Шептало». Была у него неизлечимая страсть к подсказке, хотя за всю свою долгую школьную жизнь он с трудом усвоил, что Волга впадает в Каспийское море.

Последнее его послание гласило: «У Сан Саныча похалодал нос!»

«Похолодел, дурак, а не «похалодал»,— приложил свою руку к записке отличник Лева Марчук.

Шурик без слов показал ему кулак.

В принципе Лева мог побить хиленького Баныкина одной левой. Но он даже не защищался, когда Шурка на него нападал. Не из трусости, а потому, что Шурик был для него загадочен. Он, Лева, не мог понять, как в человеческой голове могло столько не уместиться, и подозревал, что таланты Баныкина глубоко скрыты...

От Левы записка попала к Машке Чичеровой. Она ничего не приписала, но ее слеза, уроненная на букву «С», растопила ее и превратила в букву «О», что красноречиво говорило о Машкиной заинтересованности в жизни и смерти Сан Саныча.

Впрочем, Машка вообще любила поплакать.

Несмотря на такую занудную плаксивость, в Чичерову был влюблен почти весь класс. И почти всем Машка отвечала взаимностью. Влюбиться в кого-нибудь одного мешала ей ее проклятая жалостливость.

Она была похожа на взаправдашнюю куклу, с которой всем разрешалось поиграть, но при этом она все равно оставалась ничьей.

Шурку очень ободрило сочувствие Чичеровой, и он быстренько накатал послание Леве.

«Марчук если ты еще раз пойдешь провожать Машку я тебя побью!»

Лева аккуратно расставил недостающие знаки препинания, а потом полюбопытствовал: «Чем?»

— Кулаками! — ответил Баныкин и продемонстрировал из-под парты свой худенький кулачок, перемазанный чернилами.

— А я тебя интеллектом...— Марчук отвернулся к доске, всем видом показывая, что переписка окончена.

— Про что это он? — удивился Шурик.

— Баныкин,— окликнула его Полина Степановна,— что у вас там?

— Да ничего! — оскорбился Шурик.— Просто я спросил у Марчука, что такое интеллект.

— Могу ответить я,— сказала учительница.— Интеллект — это как раз то, чего тебе очень и очень не хватает.

— Ничего,— успокоил ее Шурик.— Видать, это не смертельно!

— К сожалению,— ответила Полина Степановна и вдруг схватилась рукой за сердце.

Она вообще была сегодня какая-то странная. Говорила заунывным голосом и почти не обращала внимания на то, что ее плохо слушают.

— Придирается ко мне,— обиженно зашептал Шурка.

— Баныка! — окликнули с соседнего ряда.— Как там Сан Саныч?

Шурка залез ко мне в парту и погладил ежика. Сан Саныч не шевелился.

— Помер! — горестно сказал Шурка и принялся писать последнее сообщение.

У него что-то не очень ладилось, он шмыгал носом и усиленно массировал макушку. Потом он отложил ручку и спросил:

— А стихами можно?

— А ты умеешь?

Он опять склонился над листом и уже через минуту читал трагическим шепотом:

— Прохожий, скинь картуз долой.
Здесь ежик помер, как герой!

— Вот ты даешь! — возмутился я.— Так-то уже на могиле пишут, а мы ведь еще не хороним.

— Смотри, смотри! — перебил меня Шурка, заглядывая в парту.

Сан Саныч чихнул и зашевелился.

— Живучий, как собака. Только ежик лучше, чем собака. Я собак не люблю. Была у нас одна... Видать, папа специально ее завел, чтоб за мною шпионила...

— Ну, ты даешь!

— Точно тебе говорю. Однажды решил я дневник спрятать, чтоб не портить под праздник родителям настроение. Выхожу из школы, а она тут как тут, цоп дневник и ходу. Я — за ней. «Стой!» — кричу. Да разве собаку догонишь... Прибежала она домой и хлоп папаше дневник на подпись. Папаша за мной. Так все праздники и пробегали...

— Баныкин! — уже раздраженно сказала Полина Степановна. — Опять?

— Что опять-то, Полина Степановна? — разобиделся Шурка.

— А то и опять, что много говоришь.

— То много, то мало...

Но Полина Степановна уже не слушала его. Склонив над столом голову, она тихо, словно сама себе, рассказывала о Пушкине.

Баныкин вырвал из тетради чистый лист, написал бюллетень и пустил его по ряду.

Все сразу оживились, и шепоток, словно от встревоженных ветром листьев, прогулялся по классу.

Полина Степановна подняла глаза, терпеливо пережидая. Нет, правда, она была сегодня странная... Обычно, объясняя урок, она ходила по классу, и голос обычно у нее был звонкий.

Шурка хотел возобновить переписку с Марчуком, но вдруг передумал и заискивающе спросил:

— Скажи, а Левка правда умный?

— Поумнее тебя.

— А тебя?

— Может, и меня.

— Чем же это он умнее нас? — обиделся Баныкин.

— Учится лучше, больше знает. Хватит с тебя?

— А-а... Я вот в одной книжке читал, что у людей с умом по-всякому бывает. Как с ростом. Один как вымахает сразу и больше не растет. А другой потихонечку, но всю жизнь. Может, и у нас с тобой так? А Марчуку уже некуда умнеть, у него в голове на это места нет.

Я был в чем-то согласен с Шуркой: все великие люди плохо учились в школе — и Толстой, и Эйнштейн, и Эдик Поливанчик из 10 «Б», который снимался уже в третьем фильме...

Остальные великие люди учились очень хорошо. Поэтому я завидовал и Марчуку и Баныкину. Я учился не хорошо и не плохо — никак. У меня не было, очевидно, никаких шансов в будущем стать великим.

— Мы, может, еще с тобой такое в жизни отчубучим, что все Машки ахнут, — торжествующе зашептал Шурка. — А Марчук уже ничего не отчубучит.

— А зачем это тебе нужно?

— Для Машки.

— А мне зачем?

— И тебе для Машки.

— Мне не нужно, — сханжил я, старательно придавая голосу равнодушие.

Я тоже был влюблен в Машку, но не так, как все, а тайно.

Баныкину мой ответ понравился, и он щедро предложил:

— А ты тогда для Нинки Лошковой что-нибудь выдумай.

Для Лошковой я бы и ластика с пола не поднял, поэтому я презрительно усмехнулся и сказал мстительно:

— Пока ты соберешься что-то там отчубучить, будет уже поздно. Ты еще когда умным станешь, а Марчук сейчас умный, и Машка это знает.

Баныкин насупился, но ненадолго. Через минуту он уже самоуверенно ухмылялся:

— А я ее другим покорю! Любовью к животным! Она же видит, как я за Сан Санычем ухаживаю.

— Ну и что?

— А вот и то... Она животных тоже любит. А Марчук бабочек иголками прокалывает и под стекло сует.

Это был выигрышный ход. Машка терпеть не могла экспонаты в биологическом кабинете, а значит, никак не могла полюбить человека, который их сам делает.

— Прямо сейчас ей об этом и напишу, — расошелся Шурка. — Чего тут тянуть.

— Баныкин! — негромко, почти шепотом позвала Полина Степановна.

Но Шурка услышал.

— Дождался, — буркнул он себе под нос и вяло побрел к доске.

Дойдя до учительского стола, он сразу же заканючил той невнятной скороговоркой, веками практикующейся всеми троечниками всех стран света.

— Пушкин, Полина Степановна, был хорошим.

Первая фраза не таила в себе никакой опасности. Это Баныкин знал точно. Плохих людей в школе не изучали.

Со второй фразой было куда хуже. Шурка подумал и вдруг, счастливо улыбнувшись, выковырил из своей памяти вторую, как ему показалось, спасительную фразу:

— Когда царь спросил Пушкина, что бы он делал, если бы в декабре был в Москве, то поэт ответил, что он был бы на Красной площади.

Машка ахнула и, не желая быть свидетельницей баныкинского провала, закрыла руками уши.

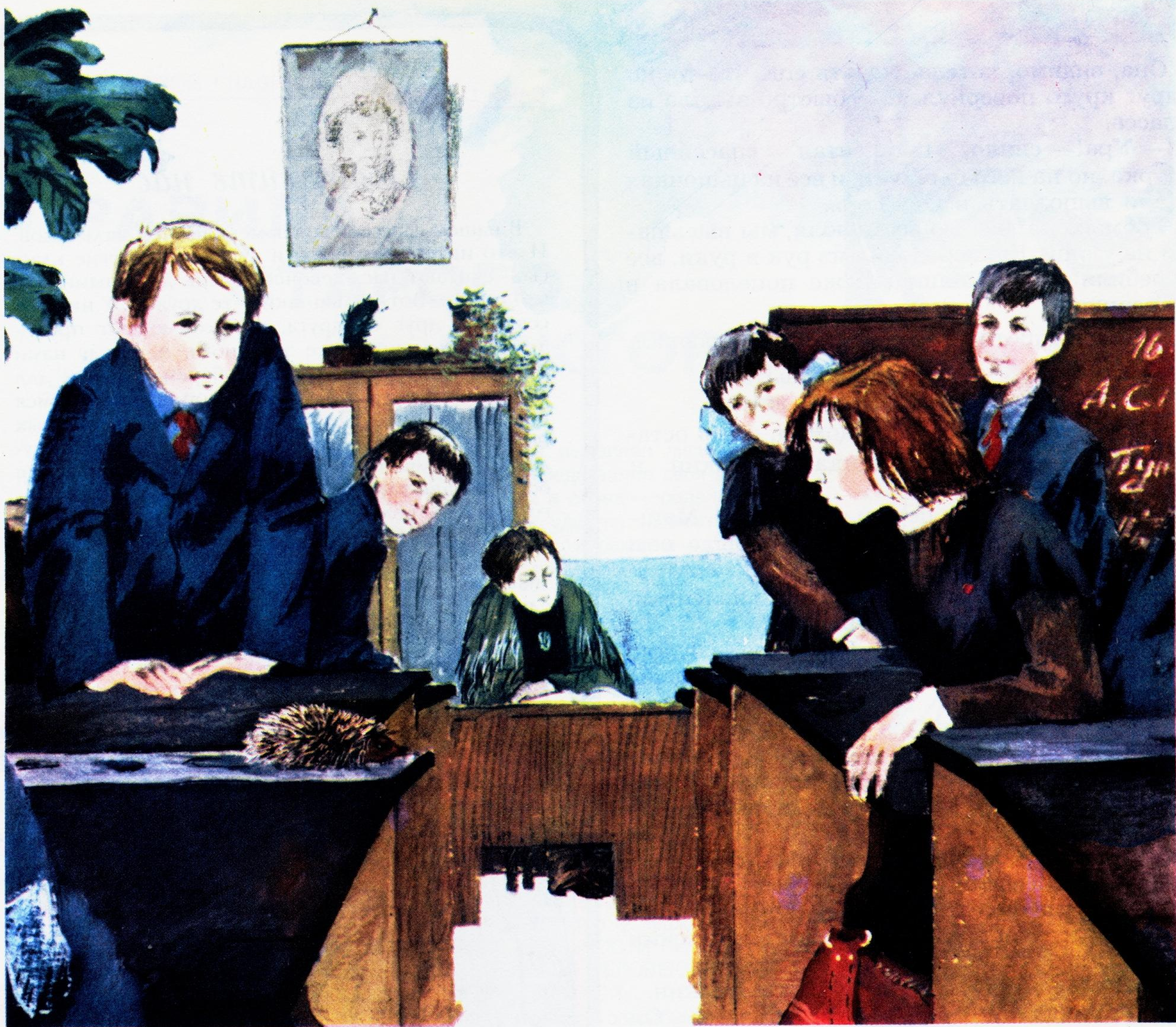
Шурка глянул на нее обиженно и удивленно.

— Значит, по твоему мнению, все это происходило в Москве? — спросила Полина Степановна.

— В Москве, — подтвердил Шурик.

— А не в Петербурге?

Баныкин немножко подумал, положив на

«Ежик! Ежик!» Весь урок на него смотрели — тридцать человек! — и больше ничего не заметили...

плечо голову: «Что было делать поэту в столь глубокой провинции?»

— В Москве!

— А вспомни, Баныкин, как начинается роман «Евгений Онегин»?

Шурка отставил вперед правую ногу и почти пропел:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог.
Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь:
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой...

Дальше не пелось. Баныкин жалобно оглядел класс, но класса не было. В три ровных ряда стояли парты, но за ними никто не сидел. Полина Степановна смеялась, как плакала. Шурка возмущенно пожал плечами и замолчал.

Ручка Полины Степановны брела по журналу, отыскивая клетку против Шуркиной фамилии, чтобы ее заселить.

— Да... — как можно жалостливей заканючил Шурка. — Там животное умирает, а вы...

— Где там? — насторожилась Полина Степановна.

— У нас в парте, — признался Баныкин, не сводя глаз с карающего кончика пера.

Полина Степановна отложила ручку и подошла ко мне.

— Кто у вас тут умирает?

— Ежик, — почему-то шепотом сказал я и вытащил из парты Сан Саныча.

Полина Степановна взяла в руки ежика и погладила его.

— Кто это вам сказал, что он умирает?

— Он не шевелится, Полина Степановна! — загалдели все, а больше всех Шурка. — У него нос похолодел!

— Академики, ежиные доктора, — усмехнулась Полина Степановна. — Скоро зима, ежи спят. И ваш засыпает...

Она вернула мне Сан Саныча, медленно подошла к столу, закрыла журнал и глухо сказала:

— Идите домой, только тихо — у всех еще уроки...

Она, видимо, хотела сказать еще что-то, но вдруг круто повернулась и быстро вышла из класса.

— Ура! — сипло прошептал спасенный Шурка, но на него цыкнули, и все на цыпочках стали выползать в коридор...

Громыхнув дверью вестибюля, мы высыпали на улицу. Еж переходил из рук в руки, все теребили его, а Машка даже поцеловала в мордочку.

Баныкин протянул руку к солнцу и проорал:

— Прохожий, здесь не надо выть:
Сан Саныч жив и будет еще жить!

Все скоро разошлись по домам, и мы остались вчетвером: я, Машка, Баныкин и Марчук.

— Ребята,— вдруг печально сказала Машка.— А ведь Полина Степановна забыла нам дать задание...

— Ура! — завопил вконец осчастливленный Баныкин и встал на четвереньки.

— Ребята,— повторила Чичерова,— нужно обязательно вернуться и напомнить Полине Степановне...

— Ты что? — удивился Шурка, мгновенно вернувшись в вертикальное положение.— Чокнулась? Их знаешь сколько, писателей? А нас сколько? Всех все равно не перечитаешь!

— Ребята...— Машка замолчала, и мы поняли, что она сейчас заревет.

— Я вернусь,— сказал Лева, стараясь не смотреть на Машку,— он не выносил женских слез.

— Я тебе вернусь! — пригрозил Баныкин.

Но Марчук как будто и не услышал его. Он повернулся и пошел к школе. Мы постояли и пошли следом.

Поднялись на второй этаж и приоткрыли дверь в учительскую. Полина Степановна сидела в кресле, высоко запрокинув голову. Губы ее странно шевелились, насильно заталкивая в рот воздух.

Только теперь я начинал понимать, что происходило с ней на уроке...

— Чего это она? — удивился Баныкин. Но ему никто не успел ответить — в учительскую вбежали директор и медичка Гита Марковна. Потянуло запахом сердечных капель. Директор сказал что-то про «Скорую»... Мы хотели войти следом, но Гита Марковна замахала на нас руками и захлопнула дверь.

— Ну вот! — облегченно вздохнул Шурик.— Вечно вы лезете со своей честностью...

Мы медленно спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Дураки,— вдруг всхлипнула Машка.— Какие мы все дураки... «Ежик! Ежик!» Весь урок на нее смотрели — тридцать человек! — и ничего не заметили...

— Ты чего? — обиделся Баныкин.— Может, она того... засыпает к зиме...

Марчук набычился и, сжав кулаки, медленно пошел на Шурку.

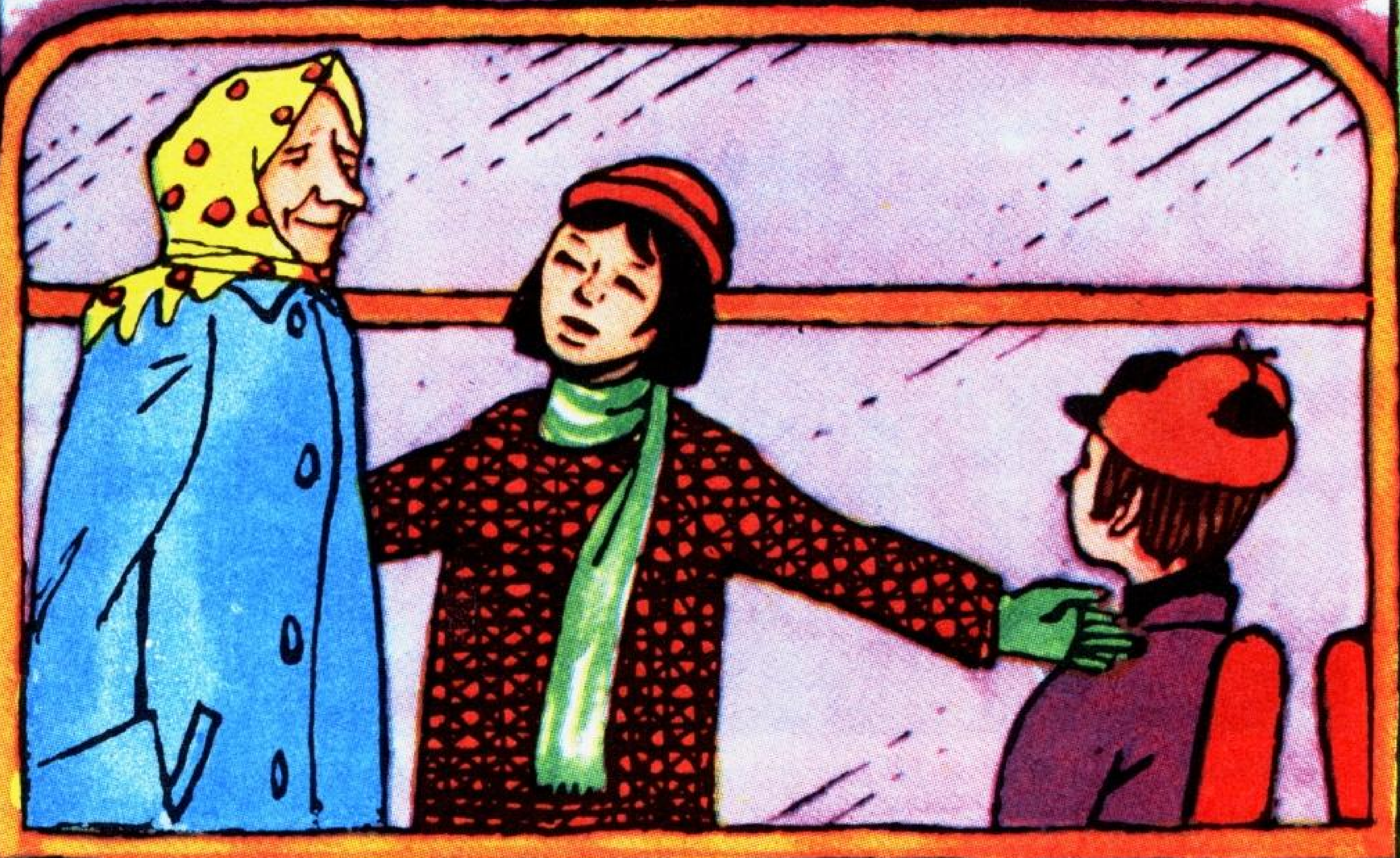
САМИ О СЕБЕ

Подружите нас

В нашем классе девочек меньше, чем мальчиков. И что интересно: все — и учителя и другие классы — считают нас, девочек, очень дружными. Но это не так. Вот мальчишки — те дружат. У них нет секретов друг от друга, они соблюдают правило — один за всех, все за одного. А между нами ничего общего, никогда не соберемся вместе для какого-нибудь дела. У каждой свои тайны, делимся все на группы. Получается, что у некоторых подруги-то нет. Тогда отверженная начинает дружить с мальчишками. И тут на нее обрушиваются осуждающие взгляды, насмешки. А что здесь такого? Может, человек нашел себе друга, которого долго искал. С другом лучше, чем одному.

И я, председатель совета отряда, просто не знаю, как мне сплотить девочек, сделать отряд единым.

Валя Б.,
г. Карабаш, Челябинская область.

Я поступила глупо?

Однажды мы с другом возвращались из кинотеатра. Подошел автобус. Мой друг быстро занял места. Мы сели и начали обсуждать только что увиденный фильм.

Постепенно автобус наполнялся Вдруг я заметила старушку, которая стояла около нас. Я думала, что Андрей уступит ей место. Но он этого не сделал. Я показала ему глазами на бабушку, но реакция его была неожиданной: «Зачем? На базаре торговать, так она не старая!» Тогда я встала сама и предложила старому человеку сесть. Я все еще думала, что у Андрея заговорит совесть. Но надежды мои оказались напрасными: Андрей и не двинулся. Я пошла к выходу, хотя ехать еще было довольно далеко.

На этом наша дружба с Андреем кончилась. По мнению подруг, я поступила глупо. Но мне не хочется иметь друга, который не уважает не только старых людей, но и меня.

Лена С.,
г. Омск.

ПРАВИЛА СТАРОГО ДОКТОРА

Как часто бывает, что школьные неудачи лишают тебя хорошего настроения. Запустил алгебру, трудно дается физика — и вот уже опускаются руки, в дневнике мелькают двойки. Отчего так происходит? И как себе помочь?

Я думаю, очень много полезного ты узнал бы из книги Януша Корчака «Правила жизни». Это имя, наверно, известно тебе по книгам «Король Матиуш первый» и «Когда я снова стану маленьким». А знаешь ли ты, что Корчак был не только прекрасным писателем, но и врачом и педагогом? Всю свою жизнь отдал Януш Корчак воспитанию сирот. В детских домах, которыми он руководил, была особенная атмосфера доброты и понимания.

Во время второй мировой войны Корчак работал в детском доме в Варшавском гетто. Как мог облегчал он участь детей. Но фашисты не щадили даже жизнь ребенка. Двести воспитанников детского дома они отправили в газовые камеры. Друзья педагога уговаривали его спастись. Но Януш Корчак не захотел спасать одного себя и погиб вместе со своими воспитанниками.

Корчак любил и понимал ребят. О том, как преодолевать трудности, он рассказал ребятам в книге «Правила жизни».

Януш Корчак считал, что ТРУДНОСТИ В УЧЕНИИ ВОЗНИКАЮТ ОТТОГО, ЧТО МНОГИЕ РЕБЯТА НЕ УМЕЮТ УЧИТЬСЯ С УВЛЕЧЕНИЕМ. В своей книге Корчак рассказывает об одном из воспитанников, который превратил приготовление домашнего задания... в игру!

Когда он решал задачу, воображал, что цифры — солдаты, сам он — полководец, а ответ — крепость, которую надо взять приступом. Если приходилось трудно, он вновь собирал разбитую армию, составлял новый план битвы и шел в атаку.

Стихи, которые надо выучить наизусть, представлялись ему аэропланами. Каждое выученное слово — сто метров вверх. Если выучил стихотворение без ошибок — набрал высоту.

Когда он выполнял письменное задание — представлял себя шофером. Буквы и слова — проделанный путь. Если удастся написать всю строку красиво и грамотно — это лес, а плохо получилось — пески или болото.

Вот что придумал мальчик, чтобы не было скучно. А ты, может быть, придумаешь что-то свое?

Януш Корчак писал: ***«Каждый ищет свой способ облегчить работу».***

Иногда ребята начинают завидовать своим товарищам, которые легко и быстро все запоминают, схватывают на лету объяснения учителя. А себя, напротив, считают неудачниками и в силы свои не верят.

Старый доктор утверждал, что ОДНИ СПОСОБНОСТИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧАТ, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК САМ НЕ БУДЕТ СТАРАТЬСЯ.

Часто человек способный зазнается от легких побед и губит свои способности.

Януш Корчак предлагает такие правила жизни:

Не завидовать.

Не досадовать на себя.

Не падать духом, идти упорно к своей цели.

Быть дисциплинированным — всегда выполнять свои обязанности.

Каждому хочется учиться лучше, развить в себе работоспособность, победить лень. Для этого, считал Корчак, очень важно ЗНАТЬ СВОИ ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ.

Не нужно слишком легко и много прощать себе, но и относиться к себе слишком строго не стоит. Чтобы избавиться от недостатков и развить достоинства, хорошо бы помнить такие правила Януша Корчака:

Если трудно — исправляйся не сразу, а постепенно.

Выбирай для начала лишь один, самый легкий недостаток и прежде всего кончай с ним.

Не падай духом, если долго нет улучшения или даже есть ухудшение.

Не ставь слишком легких или слишком тяжелых условий — как раз такие, чтобы ты мог выиграть.

Януш Корчак писал, что УСПЕХОВ В УЧЕБЕ МОЖНО ДОБИТЬСЯ, ТОЛЬКО ВЫРАБОТАВ В СЕБЕ СИЛУ ВОЛИ.

Тебе, наверное, интересно узнать, как воспитанники Корчака добивались этого. Почти все ребята, которые хотели воспитать волю и избавиться от недостатка, заключали с доктором пари, «бились об заклад».

Спорили о разном: что будут вставать сразу, как проснутся; умываться как следует; не опаздывать к столу; хорошо учиться по самым трудным предметам... Что не будут: забывать, терять, приставать, давать прозвища, болтать...

А ведь и ты можешь так же воспитать свою волю. И вовсе не обязательно заключать пари с кем-то, можно «биться об заклад» и с самим собой.

Януш Корчак писал: ***«Каждый человек обязан знать, что творится на свете и что делают другие люди. Это может показаться сначала трудным и скучным, и только потом, когда хорошенько во всем разберешься, видишь, как это интересно. Да и вообще, чего стоит человек, который делает только то, что с самого начала легко и приятно?»***

Р. А. ВАЛЕЕВА,
аспирантка Казанского педагогического института

Алексей СТАРИКОВ

Только бы поплыть...

Не капитаном, пусть
Простым матросом!
Пусть пассажиром!
Только бы поплыть
Туда, где есть
Бананы и кокосы,
Где баобаб растет
И эвкалипт.

Где круглый год тепло,
Где волны с гулом
На берег экзотический
Идут,
Где хищные
Зубастые акулы
Подводные богатства
Стерегут.

Где люди говорят
Совсем иначе,
Где, к сожаленью,
Есть еще пока
Богатые,
Живущие богаче
В сто тысяч раз
Любого бедняка.

Где на камнях,
Горячих, словно угли,
Забросив в океан
Рыбачью снасть,
С утра поклевки ждет
Мальчишка смуглый,
Мечтая к нам
Когда-нибудь попасть,—

Не капитаном, пусть
Простым матросом!
Пусть пассажиром!
Только бы поплыть
Туда, где вишни есть
И абрикосы,
Где на полях бескрайних
Рожь стоит.

Где тонет лес зимой
В сугробах снежных,
Где у людей
Совсем иная жизнь,
Где нет богатых,
Не бывает бедных —
Туда, где люди строят коммунизм!

Игра

Играем мы.
Порой в пылу атаки
Противника ударишь сгоряча —
И нас, мальчишек, обвиняют в драке,
И нам слова сердитые кричат.
Затронут и милицию и школу,
Переберут по косточкам семью...
Забыв, что по военному закону
Без шишек не обходится в бою!

Мамина тарелка

Я мою сегодня на кухне посуду —
Я маме хорошим помощником буду!
Сейчас сполосну я горячей водой
Тарелку с красивой каймой золотой,
С каймой и большими цветами по краю,
Которая нравится маме — я знаю.
Но вдруг из руки ускользнула тарелка —
Разбилась на сотню осколочков мелких.
Расстроится мама! Ну, как теперь быть?
Я думаю: нужно посуду домыть,
Потом кончить школу и стать капитаном,
Объездить весь мир, бороздя океаны,—
Быть может, я где-то, в далеком порту,
Такую же точно тарелку найду,
Как та, что сейчас на кусочки разбилась,
И маме отдам, чтоб она не сердилась!

У моря

А возле моря все не так —
Другая обстановка.
Трепещет простыня, как флаг,
На бельевой веревке.

Сверкает берег чешуей
Вблизи рыбачьих лодок,
И ветерок несет с собой
Не пыль, а запах йода.

И чайки вместо воробьев
Кружат над головою.
И днем и ночью слышен рев
Могучего прибоя.

И белоснежные суда
В причал уткнулись носом.
И все мальчишки ходят там
Вразвалку, как матросы.

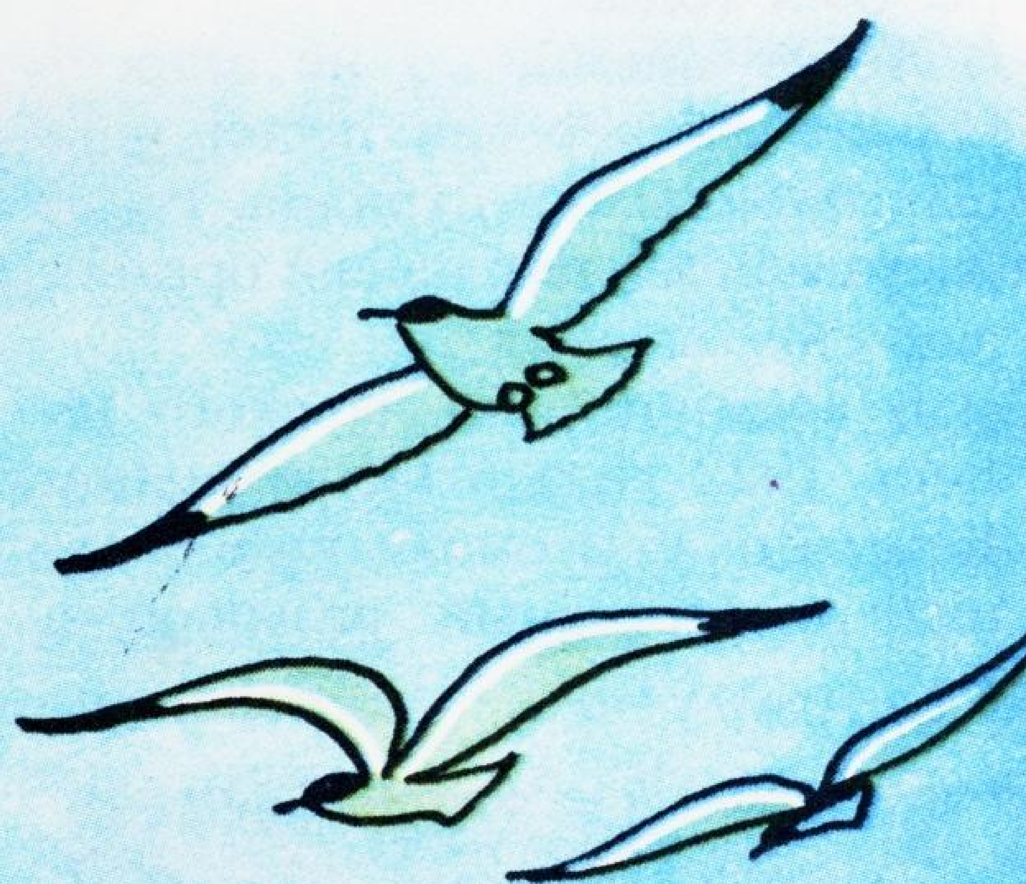
Приходите ко мне

В эту ясную ночь
Не придется мне спать;
Я хочу все, что вижу,
Получше запомнить.
Опускаются звезды
Ко мне на кровать,
Словно снег голубой.
Хорошо и легко мне.

Жаль мне только, что я
Вижу это один.
Я под звезды без страха
Ладонь подставляю,
И, луча голубого
Укол ощутив,
Я звезду невредимой
Другим оставляю.

Переливами света
Полно все вокруг,
Может быть, лишь однажды
Бывает такое!
Приходите ко мне
Все — и недруг, и друг,—
Мы помиримся:
Зрелище этого стоит!

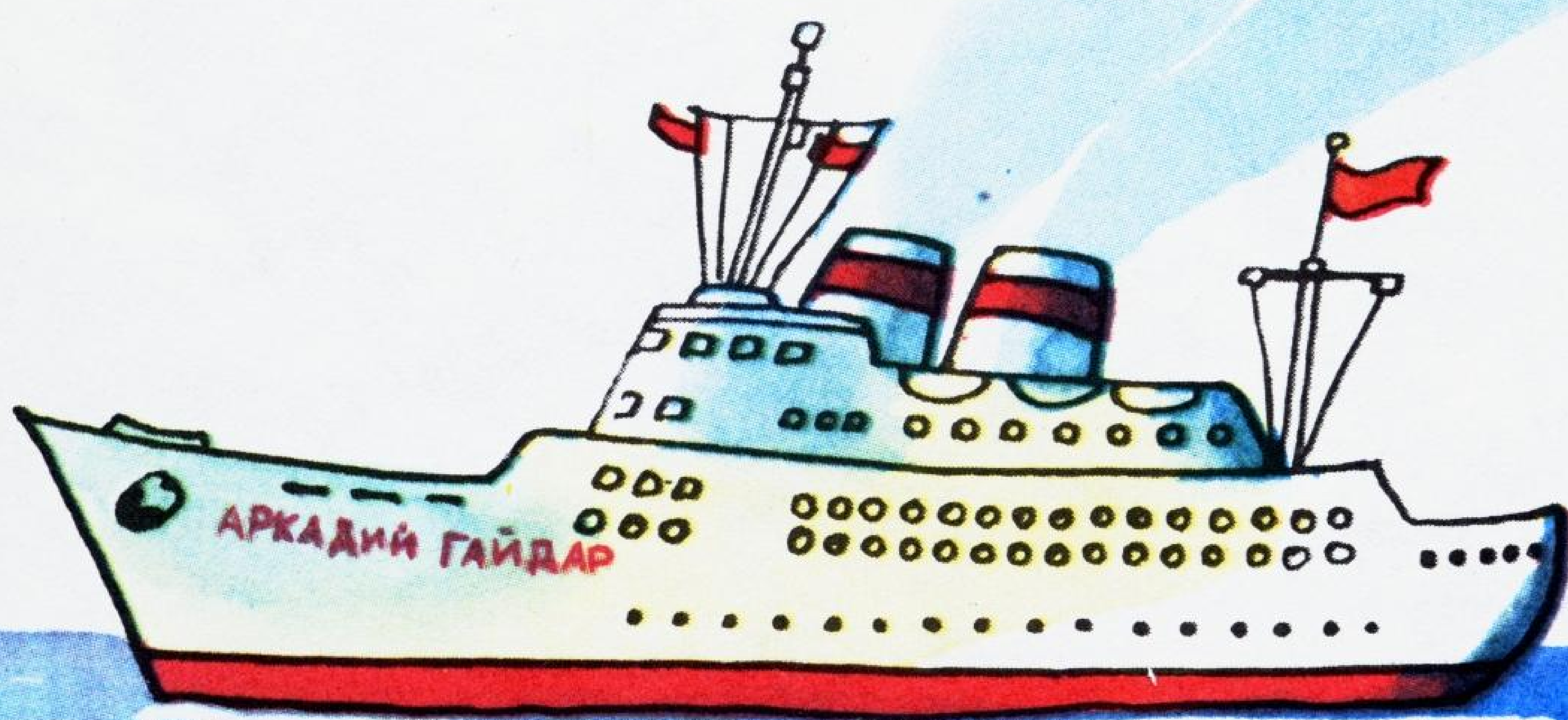
Проплывает медузой
Луна надо мной,
Одеяло усыпано
Мелочью звездной.
Приходите ко мне
В этот мир голубой!
Приходите скорее —
Покамест не поздно!

Как поймать кита

Вам хочется кита поймать?
Что ж, это очень просто!
Потолще мачту нужно взять,
Канат заменит леску,
Буек сойдет за поплавок,
Из якоря большого
Легко получится крючок —
И удочка готова.
Насадка может быть любой,
Но чем крупней, тем лучше...
Вас ждет улов — и неплохой,—
Не упускайте случай!

Рисунки А. ВАСИЛЬЕВА.

ОТРЯДНАЯ ПЕСНЯ

Юрий Алексеевич Гагарин, звездный сын Земли, любил петь. И пел задорно и звонко. И когда артековцы пригласили его на свой праздник, он тут же предложил спеть всем вместе песню о том, как полетят от звезды до звезды новые караваны ракет. Потом ребята спели Юрию Алексеевичу свои любимые артековские песни. А Юрий Алексеевич слушал их и тихонько подпевал. Когда никем не организованный концерт закончился, Гагарин задал вопрос:

— А есть у вас свои отрядные песни?

Ребята переглянулись: многие не смогли вспомнить свою отрядную песню, но вот робко, а потом громче раздалось:

— «Гайдар шагает впереди»!

— «Орлята учатся летать».

— «Тимуровцы».

— «Баклажечка».

— «Взвейтесь кострами, синие ночи»!

Гагарин улыбнулся. Наверное, в эти минуты он вспомнил о том, как сам вступал в пионеры, как мать шила ему красный галстук, вспомнил любимую песню, слова которой он запомнил на всю жизнь. И Юрий Алексеевич вдруг предложил:

— Давайте грянем дружно нашу песню удалую!

И первым запел:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы — пионеры,
Дети рабочих.

Все, кто сидел на трибуне костровой площади, подхватили песню, которую пели ваши деды и отцы, старшие братья и сестры, а сегодня поете вы, пионеры 80-х годов.

Летит время, но не стареет первая пионерская песня первых пионерских отрядов. Родилась она вместе с нашей организацией.

В весенние дни далекого теперь 1922 года в Центральном Комитете комсомола шел большой и серьезный разговор о создании детской коммунистической организации. Было много споров и предложений: как назвать организацию, кого принимать в нее, кто будет ею руководить.

В этом разговоре участвовала и Надежда Константиновна Крупская, которая потом назвала себя в шутку «пионерской главнянькой». Она на прощание сказала, что начинается новое и большое дело, очень важное для партии и народа, и надо, чтобы у ребят была своя звонкая песня, новая, советская.

Тут же родилось предложение: поручить написать стихи новой песни любимцу комсомолии — поэту Александру Жарову и дать ему срок — две недели.

Александр Жаров потом вспоминал, что, когда он писал слова будущей песни, ему виделись костры легендарной Чапаевской дивизии, бойцы на привале, сочиняющие свою боевую песню, сам отважный Чапай. Композитор Сергей Кайдан-Дешкин уточнил мелодию первой пионерской песни, и уже летом она звучала на пионерских праздниках, сборах и слетах. А потом родились новые пионерские песни про веселое пионерское звено, про «картошку — пионеров идеал» и многие другие.

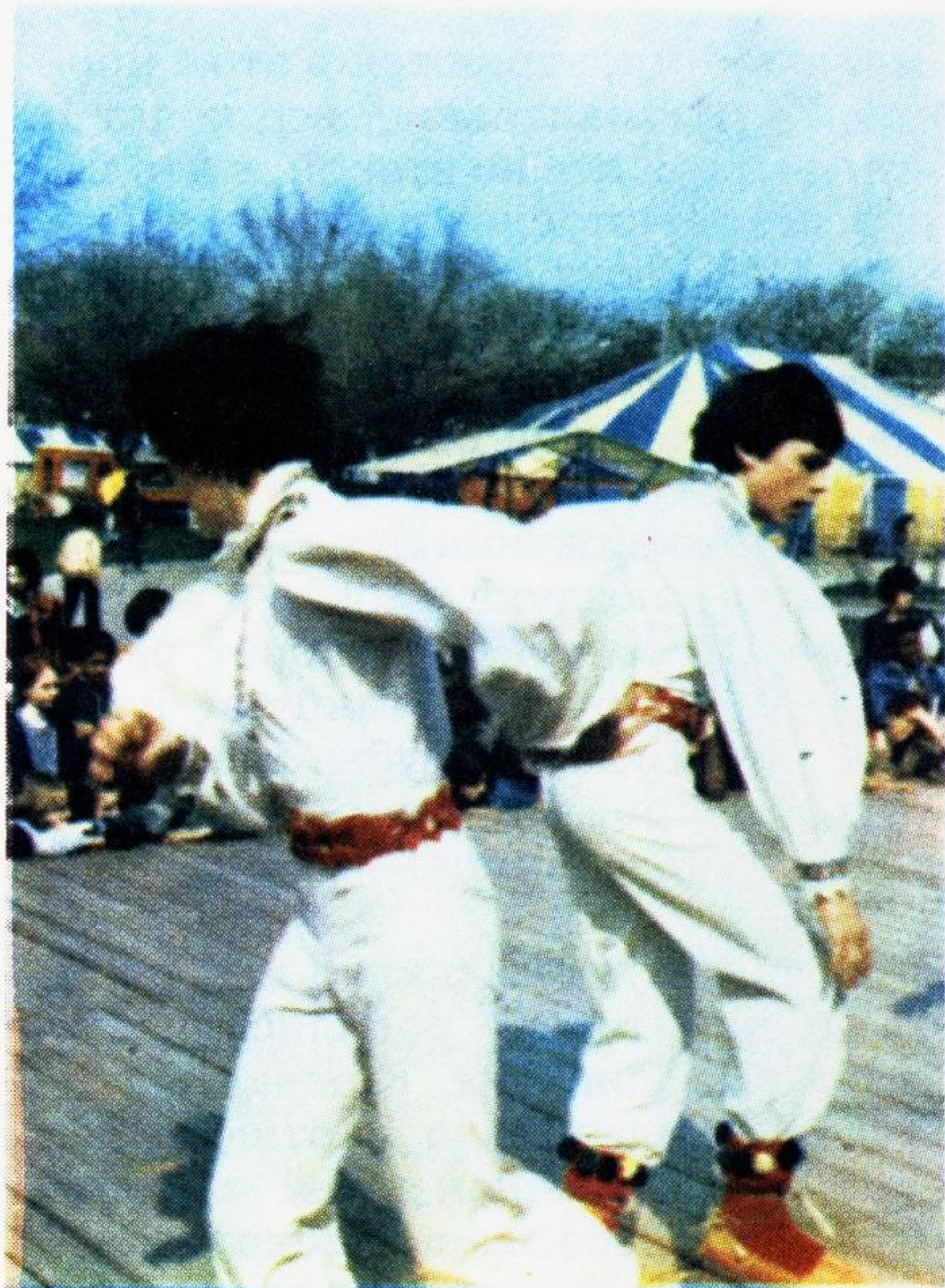
У каждого отряда должна быть своя любимая **отрядная песня.** Главную песню всех ребят отряда выбирают сообща, разучивают. Начинается или кончается сбор — звучит мелодия отрядной песни. Идет отряд в поход — и с ними их отрядная песня. Пригласили пионеры к себе в гости делегатов партийных съездов, героев труда, ветеранов войны — и песня звучит для гостей. Поют ее ребята и в день рождения отряда.

Отрядная песня может меняться. Стали пионеры постарше и на сборе приняли решение о новой отрядной песне — верном и надежном спутнике в пионерской жизни.

«А еще, ребята, любите песню» — эти слова Юрий Гагарин произнес на Красной площади на пионерском параде. Любите ли вы петь? Есть ли у вас отрядная песня? Расскажите об этом «Пионеру».

Фотография В. ГУСЕВА.

С. БОГАТЫРЕВА

Они не вышли из-за кулис, как полагается, а появились из глубины зала и побежали к сцене мимо зрителей по проходам. Бежали свободно, легко и как-то очень дружно: большие девочки вели малышей, сразу двух каждая, в правой руке и в левой. Средние держались парами или бежали втроем. Легкий нарядный табунок пронесся через зал, а вслед ему зашумели зрители:

— «Жёгялис» .. «Жёгялис»...

— Что это — «Жёгялис»? — спросил за моей спиной тоненький голосок.

В ответ ломкий бас по-русски, но с акцентом сказал:

— «Жёгялис» — по-литовски значит «кузнечик». — И добавил: — Ты смотри на сцену и все узнаешь.

Что говорить о танце? Его видеть надо... Как расскажешь? Вот они — и большие, почти взрослые ребята, и малыши лет пяти-шести, и школьники из средних классов — нарядные, в ярких костюмах, — заполнили сцену. Вот музыка заиграла. Вот взметнулись в воздух шляпы: у танцоров большие соломенные шляпы в руках. Вот закружились мальчики и девочки. Вот вереницей, змейкой струятся цепочки старших среди замерших на мгновение пар малышей.

Вот старшие спрятались за кулисами, младшие завладели сценой: мальчики пляшут вприсядку, девочки держат над ними широкополые шляпы. Теперь девочки прыгают — высоко, ритмично, изящно и часто-часто крутят под музыку невидимые скакалки. А шляпы? Шляпы сейчас у мальчиков: вон они как лихо поклоны с этими шляпами отвешивают! И все это — весело. Все — в такт и в лад, ничего лишнего, ни один не ошибется. И до чего красиво...

Ну, как расскажешь о танце?! Его видеть надо...

Вдруг — что это? Нет танца. Вмиг рассыпалась вся красота на сцене.

Зато пестрые ручейки заструились в зал: сбежали ребята со сцены, рассыпались среди зрителей, а в руках у них — когда успели поменять? — уже не шляпы, а цветы.

Тут надо сказать, что это был концерт, посвященный Дню учителя. И в зале, в первых рядах, сидели почетные гости, самые уважаемые в городе учителя.

К ним-то и побежали со сцены танцоры. Подбежали по двое: девочка радушно, с улыбкой протягивает цветок, а мальчик стоит рядом, почтительно склонив голову.

— Ну что, понравился тебе наш «Жёгялис»? — спрашивает бас.

— Ой, что ты! — вторит тоненький голосок. — Такие молодцы! Как у них получается? И балет и игра. По-моему, они без труда танцуют. Как, — голосок запнулся, — как птицы поют.

Умница ты, незнакомая девочка! Как ты здорово все поняла: у «Жёгялиса» умение и мастерство не хуже, чем в настоящем театре (на уровне профессионального балета, как говорят понимающие люди). И в то же время видно, что танцуют они с удовольствием, весело, словно в прятки играют или в

На память о гостеприимных хозяевах из рабочего общежития, носящего имя юного героя-антифашиста Даниэля Фери, литовские ребята решили сфотографироваться все вместе. Впереди — новые концерты!

«классики». А насчет труда — тут ты, девочка, заблуждаешься. Поглядела бы ты, как «легко» дается им эта легкость!

— Инесса! — строго окликает учительница.

Потом еще раз:

— Инесса!

Наконец совсем сурово, грозным таким голосом:

— Инесса!!!

Никак не пойму, которая тут Инесса? На мой глаз, все танцуют одинаково и все — неплохо: вон как высоко прыгают и быстро, красиво кружатся.

Но это — на мой взгляд, непривычный, нетренированный. Глаз балерины, глаз мастера своего дела видит иначе — острее, требовательнее. Замечает ошибки, которых мне не разглядеть.

— Стоп, — говорит учительница, заслуженная артистка Литовской ССР Эльвира Бунгардене, балерина и хореограф. — Стоп. Все сначала.

Зал, в котором они занимаются, — высокий, светлый да еще отражается в огромном, во всю стену зеркале. В зале ничего нет, один только рояль в углу. Девочки-танцовщицы на блестящем паркете кажутся совсем маленькими, теряются в этом просторе. А они не такие уж маленькие, все ходят в школу: кто в первый класс, кто во второй, а кто и в третий. И танец репетируют сложный — норвежский танец из балета «Пер Гюнт». На музыку Грига.

Танец уже выучен — потому-то мне, простому зрителю, кажется, что все хорошо. Идет «ювелирная», то есть самая тщательная, самая тонкая его отделка.

Сначала отрабатывают движения рук — быстро и ритмично вращают ими в воздухе, словно в ветряную мельницу играют. Потом руки отдыхают, работают ноги. Затем — самое трудное: танцуют ноги, танцуют руки, улыбаются глаза и губы, меняются пары партнерами... Хорошо? По-моему, очень!

— Стоп, — говорит учительница. — Стоп! Все сначала!

В четком рисунке танца промелькнул неверный штрих. А девочки только-только расплясались!

Теперь они танцуют поодиночке. Каждая выходит на середину и повторяет свою партию перед огромным зеркалом (а оно каждой твоей ошибочкой, каждой неловкостью тебе же глаза колет!) да под зорким глазом Эльвиры Бунгардене, от которой ничего не скроешь.

— Инесса, — вздыхает она. — Покажи, откуда начинают работать твои руки?

Смешной вопрос! Улыбается готовая зареветь Инесса, смеются девочки. А показывают все поразному: Инесса — на плечи, другие девочки — кто на кисть, кто на локоть.

— Вот отсюда, — учительница коснулась какой-то точки на спине, у лопатки. — Ты спину не держишь, поэтому и руки у тебя болтаются, как веревочки. Ни жизни в них, ни красоты. Давай-ка так.

Учительница проводит ладонью по спине Инессы снизу вверх, словно разглаживает. Твердо и ласково расправляет ее плечи, выгибает руки девочки красивым полукругом, легким щелчком велит животику подтянуться, а коленкам распрямиться — словно из мягкой глины лепит ее фигурку. Наконец отступает, довольная:

— Взгляни, Инесса, какая ты можешь быть! Красивая... — Инесса косится в зеркало и убеждается, что верно: красивая.

— Работать надо, Инесса. Мало работаешь. Способная, а невнимательная. По математике у тебя тройка...

К зеркалу выходит другая девочка, повторяет свою партию.

— Молодец, Бируте, умница, — говорит ей учительница. — Надежный ты человек, Бируте, очень я тебя уважаю. Знаете, девочки, Бируте было всего пять лет, а она сама постель застилала и полы в доме подметала.

«Ну при чем тут кровать и веник? — думаю я. — При чем тройка по математике? Алгебра в балете не нужна и веник не требуется...»

— Все связано: балет, дом, школа, — говорит Эльвира Бунгардене, словно подслушала она мои мысли. — Если ты человек собранный, аккуратный, привык дело доводить до конца, — все тебе удается. И танцевать научишься и задачки по математике решать. А красивой стать — тоже не от кого-нибудь, во многом от тебя самой зависит. Вот вам задание: после репетиции пойдите домой через парк, полюбуйтесь скульптурами, потом скажете мне, в чем, по-вашему, их главная красота. А теперь — музыка!

Звучит прекрасная музыка Эдварда Грига. Танцуют девочки. Танцует старательная Бируте. Тан-

Париж, парк Монтрей. В дни детского фестиваля, организованного пионерами Франции, прошел митинг солидарности с детьми Кампучии. Каждый мог оставить свою подпись на огромном щите. Оставили свои подписи и пионеры из Литвы.

цует Инесса. Глаза полны слез, а на губах — улыбка. Движения становятся отточеннее, красивее. Руки словно научились плавности, тело стало гибким, ноги обрели быстроту и крепость. И тут мы слышим: радостно, торжествующе учительница Бунгардене говорит:

— Браво, Инесса! Браво, девочки! Готов танец. Идите домой.

Я все думаю: почему Инесса не убежала с урока? Балет — не школа, дело это добровольное. Не получается — и не надо, без балета можно прожить. А она не уходит. Почему?

Наверное, потому, что ей хочется танцевать. Наверное, потому, что у нее есть характер. А скорее всего, потому, что она постоянно видит образец и красоты, и грации, и трудолюбия, и упорства.

Она видит свою учительницу Эльвиру Бунгардене.

Эльвира Бунгардене стала учиться танцу, когда была младше Инессы. У нее обнаружились хорошие способности, ей сулили славное будущее. Но началась война. О балете пришлось забыть на долгие годы.

Однако Эльвира своего добилась: стала балериной. Училась в Москве и в Ленинграде, а когда вернулась в Литву, в Клайпеду, собрала группу ребят и стала заниматься с ними. Ребята полюбили и танцы и свою строгую учительницу, подружились между собой и придумали себе веселое имя «Кузнечик». Почему кузнечик? Потому, что он высоко прыгает, звонко стрекочет и никому не причиняет зла.

Мы на свет родимся разными — тут уж ничего не поделаешь.

У тебя глаза голубые, а у него — карие с крапинками. У тебя на носу веснушки, а волосы вьются колечками, у твоей соседки они прямые, как палки, зато косы у нее по пояс. У тебя длинные ловкие ноги, а товарищ твой — коренастый коротышка, но уж кулаки у него — будь здоров! — самые грозные в классе.

Если подумать — никто не в обиде: каждому есть чем похвалиться и найдется чему позавидовать. А вот поменяться — дело невозможное. Приспосабливайся к своей природе, развивай, что тебе дано, наверстывай то, в чем недостача.

— А если я не хочу? — обижаешься ты. — Если мне охота танцевать, а во Дворце пионеров сказали, что я для этого не гожусь! Ноги, мол, не такие и осанку какую-то выдумали...

Эльвира Бунгардене в свой ансамбль принимает — всех!

— Как это, — говорит она, — ребенка не выучить танцевать? Все дети умеют в мяч играть, все бегают взапуски, и танцевать каждый может. Пусть не так хорошо, как танцуют в Большом театре, но научиться может. Конечно, если хватит у него терпения, выдержки.

В первую группу мы записывали каждого, кто хотел. На способности, на сложение внимания не обращали: я их не к сцене готовила, к жизни. Мне что нужно было? Чтобы они в себя поверили. Чтобы узнали возможности человеческого тела — каким оно может стать гибким, ловким, послушным. Чтобы развили координацию. Посмотрите, сколько по улицам ходит неуклюжих людей! Друг на друга натыкаются, в дверях застревают. А все

почему? В детстве их не учили танцевать или заниматься спортом!

Выступать на сцене с этими ребятами я и не думала. Надеялась — научу их слушать музыку, любить балет. Буду ходить с ними в концерты и на спектакли. Привыкнут мои ребята видеть и ценить прекрасное. Целый мир подарю им.

Все, о чем мечтала, все сбылось. Но целый мир открыли мне они. Мир своих возможностей. Себя открыли.

Как они работали! Все мои ожидания превзошли. Но когда мне предложили выпустить их на сцену, я все-таки испугалась. Нехотя согласилась. Подготовили два танца, выступили на елке. Хлопали нам минут десять, отпускать не хотели. Потом послали нас на конкурс. И тут — вот чудеса! — завоевали мои ребята первое место. Ехали домой — сами сияют, от гордости сейчас лопнут, а держатся свободно, небрежно, словно ничего не случилось. Как будто им не впервой.

Ровно десять лет прошло с тех пор. Почти в десять раз вырос «Жёгялис». Выступал в Клайпеде, в Вильнюсе, в Ленинграде, в Дубне, в «Артеке», в «Орленке». В 1978 году ездил с концертами в Венгрию, в 1980-м — в Париж. Его танцы показывают по телевидению, о нем сняли два кинофильма...

Пришла в «Жёгялис» еще одна учительница, молодая балерина Данута Игнатова. Тоже красивая, тоже выдумщица, тоже «одержимая», только пока не такая строгая, как Эльвира Бунгардене. Дануте до смерти неохота становиться строгой, но, говорит она, пожалуй, придется: в трудном балетном деле без строгости пропадешь.

Чуть не все, кто пришел на первое занятие, до сих пор танцуют в «Жёгялисе». Почему?

Да потому, что «Жёгялис» — не только школа танца. Это и школа человеческих отношений, воспитания вкуса, широты интересов.

Тут свои законы, свои строгие правила и свои понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо. Упорство и трудолюбие ценят тут выше, чем природные способности. Говорят: мало ли, каким ты уродился, тут твоей заслуги нет и вины нет тоже. А вот чему ты сам выучился и чего добился — этого у тебя никто не отнимет, и за это всякий будет тебя уважать.

Еще ценят стремление к знаниям, культуру. Есть у них правило: не теряй даром времени, чему-нибудь постоянно учись.

Приехали на концерт в Вильнюс, в первую свободную минуту старшие ребята спрашивают:

— Можно, мы пойдем посмотрим, как университет отстроили?

— Можно, сходим в Национальную Галерею?

— Днем органный концерт, мы послушаем, ладно?..

— Конечно, можно,— отвечают взрослые.— Только про малышей не забудьте!

— Не забудем, возьмем,— обещают ребята. Потому что в «Жёгялисе» такой порядок: куда бы ни пошел в чужом городе — гулять по красивым улицам, в музей или в зоопарк,— прихвати с собой двух ребят помладше: пусть набираются впечатлений, расширяют кругозор.

Это тоже один из законов «Жёгялиса» — научи малышей тому, что умеешь сам, расскажи о том, что сам знаешь.

А когда случится какая-нибудь беда — ссора, драка или другая обида,— как быть, решают все вместе. Потому что ябедничать в «Жёгялисе» запрещено строго-настрого, а терпеть, если в тебя на репетиции пульнули из рогатки, тоже никому неохота.

Кто чему выучился?

— Чему вы в «Жёгялисе» выучились за десять лет? — спросила я у старших ребят.

— Танцевать,— ответили они хором.

— А чему еще?

Теперь заговорили поодиночке и не спеша: вспоминали.

— Литовскому языку,— сказала Женя.— Дома у нас говорят по-русски, а в «Жёгялисе» — по-литовски. Пришлось учиться. Мне понравилось заниматься языками. Кончу школу, пойду в институт иностранных языков.

— Я пойду в медицинский — изучать человека с точки зрения физиологии,— сказала Расса.— Мы в «Жёгялисе» что́ поняли: в каждом человеке заложены резервы, только он о них не всегда знает. Я бы помогала людям лучше узнать свои силы.

— Еще мы узнали, что человек может быть красивее самого себя,— сказала Агле.— Я бы тоже хотела помогать людям, чтобы они стали красивее. Пойду учиться на врача-косметолога. В крайнем случае — на художника-парикмахера.

— Я в «Жёгялисе» научился спорту,— сказал Ричард, широкоплечий, крепкий мальчик.— Помните, мы в «Артеке» победили американскую команду? Выиграли стрельбу, волейбол и даже баскетбол! Американцы — они ужас какие длинные! Зато у нас — ловкость, прыжки, координация. Все отсюда, от занятий хореографией.

— Я шить выучилась,— вспомнила Рута.— У нас новый танец — всегда новый костюм. Старый танец — тоже новый костюм, потому что из прошлогоднего успеваешь вырасти. Костюмы шьют мамы. Нагляделась я, как мама над моими нарядами мучается. Один раз от усталости пришила рукав к горловине, так даже расплакалась. Тогда я попробовала сама сесть за швейную машинку. Тем более у меня сестра пошла в «Жёгялис», надо ее наряжать.

— А я научилась не обижаться,— послышалось от дверей. Все оглянулись: там стояла маленькая Инесса.— Научилась не обижаться, когда ругают за дело,— упрямо повторила Инесса.— И тройку я исправлю.

— Ты как здесь очутилась? — ахнула учительница.— Ты зачем гуляешь одна так поздно?

— Я ходила смотреть скульптуры в парке,— важно сообщила Инесса.— Мне понравилось.

Клайпеда — Москва.

Фотографии С. ФУРИНА.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое ветер?

Ученик. Ветер — это перемещение точек в горизонтальном направлении.

Сергей Подзе,
г. Винница.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Что такое палица?

Ученик. Это огромный палец с острыми ногтями.

Наташа Ремез,
г. Ленинград.

* * *

Учитель. Чем занимались в древности жители Индии?

Ученик. Они бегали по джунглям и ловили слонов.

Оксана Толцук,
г. Млынов.

* * *

Учитель. Расскажи нам о первобытных людях...

Ученик. Первобытные люди были художниками и ели мамонтов...

Вероника Калнина,
г. Минск.

НА УРОКАХ БИОЛОГИИ

Учитель. Из чего образовалась нефть?

Ученица. Нефть образовалась из мелких бабочков, жуков и змеев.

Лена Корышева,
с. Марково,
Амурская область.

* * *

Учительница. Назови животных из семейства кошачьих...

Ученица. Дикая кошка, домашняя, искусственная...

Наташа Швалева,
г. Рыбинск.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Придумай предложение с числительным.

Ученик. Мне семьдесят лет.

Таня Павлюк,
пос. Лазарев,
Хабаровский край.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Из чего состоит тело рыбы?

Ученик. Из костей.

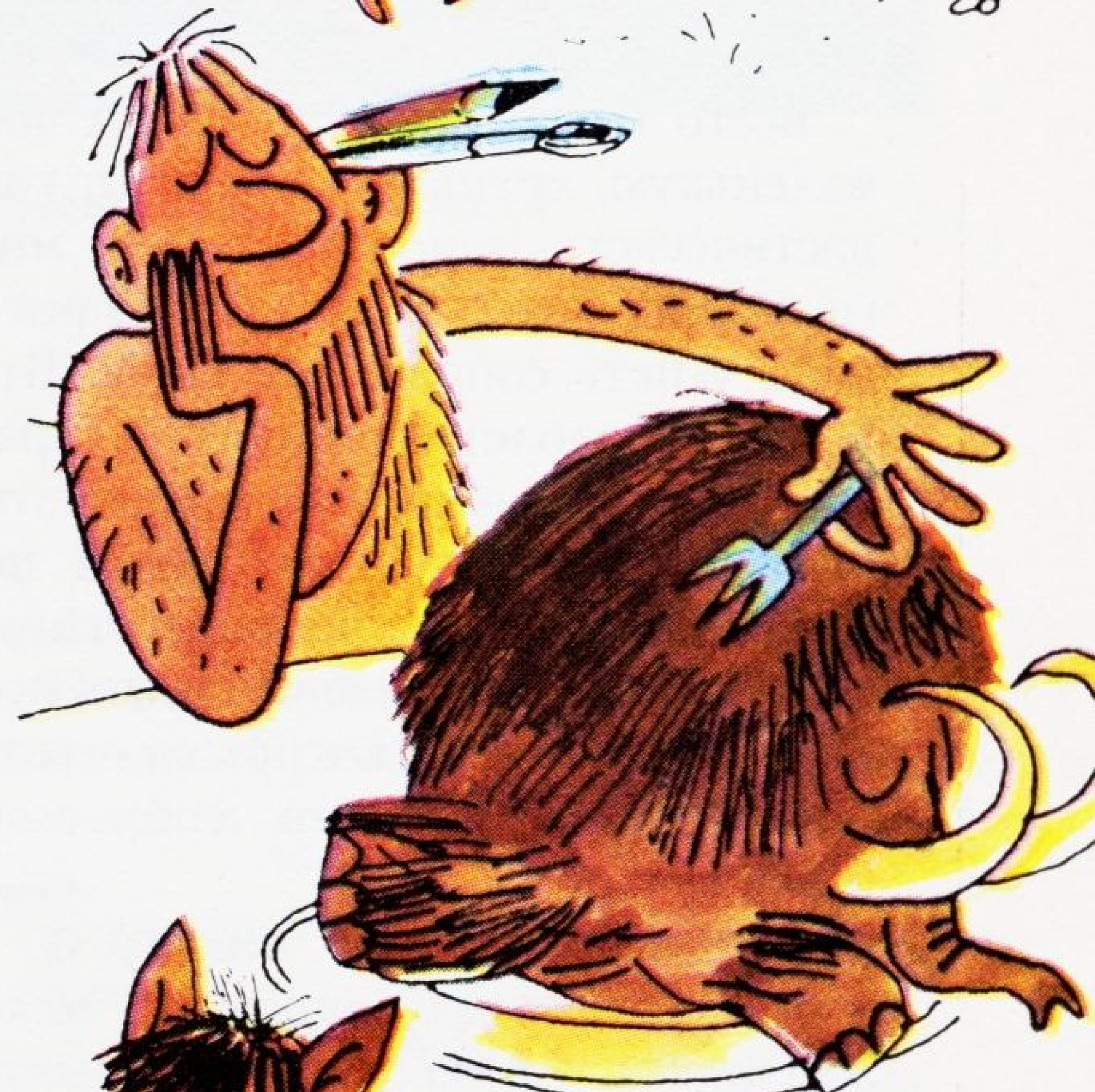
Андрей Скачков,
г. Троицк,
Челябинская область.

НА УРОКЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Учительница. Оксана, назови рыхлую темную горную породу.

Оксана. Халва.

Оксана Санжара,
г. Кировоград.

Из школьных сочинений

«Кузнеца привлекло новое явление: оно бегало по полуобгоревшей крыше и жалобно мяукало».

«На середине стола стоял самовар и другие сладости».

«В лесу никого не было. Нигде не скрипнет ни одна девочка».

«По небу, словно по морю, плыли облака и два больших корабля».

«Лошадь была красавицей, но ее подводили глаза».

«Мальчик уперся перчатками в колени до локтей. Лицо его устремилось за мячом... Кажется, что ноги его оторвутся от земли и прыгнут...»

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ПРО ДЕВОЧЕК

Ты, наверное, не раз видел выступления гимнастов и поражался легкости и изяществу, с какими они выполняют сложнейшие элементы и комбинации. Что стоит за этой видимой легкостью? Порой годы упорных тренировок, труд, который далеко не сразу приносит успех. И тем не менее ты заметил, наверное, что многие чемпионы, особенно в гимнастике, почти твои ровесники.

Всего несколько шагов отделяют маленькую, хрупкую девочку от гимнастического помоста. Но как много значит каждый ее шаг. Один — надо успеть собрать все силы. Второй — преодолеть сомнения и страх. Еще один шаг — самый трудный, потому что за этим последним шагом — борьба с соперниками, с самим собой. И так хочется заставить всех поверить в чудеса, которых — ты хорошо это знаешь — в спорте не бывает.

Взлет

Лена Давыдова старалась не смотреть на помост. Молча отмеряла шаги и думала: «Неужели, как всегда, не повезет?» Она уже привыкла считать себя невезучей. Ни одно из соревнований не обходилось без срывов. Сейчас, когда вот-вот на табло загорится ее стартовый номер, она должна перебороть в себе неуверенность. Иначе невозможно бороться за победу. И Лена сделала шаг к помосту.

Ее олимпийская комбинация на брусьях была самой рискованной. По международным правилам в программе выступления — обязательное число сложных элементов. У Лены таких элементов было гораздо больше положенного. И еще такие, что даже в мужской гимнастике увидишь нечасто.

Ни одна гимнастка мира не решилась на «перелет Ткачева»: исполняя этот элемент, гимнаст полностью отрывается от опоры и свободно парит над верхней жердью брусьев. Всего мгновение длится полет, но если хоть на секунду расслабишься, потеряешь самоконтроль — не успеешь вовремя ухватиться за брусья. И тогда падение. Строже всего судят за падение. А сейчас не то что балл, сотые на вес золота!

Может быть, об этом и думала Лена Давыдова за несколько секунд до старта? Откажись она от этого элемента, никто не осудил бы ее. А сама себя?

Она еще не знала, что произойдет, не знала, что станет олимпийской чемпионкой.

На тренировках, когда упрямо отрабатывала каждое движение, шлифовала каждый штрих своего выступления, Лена поняла, что в спорте, как в школе. В первом классе бьешься над простейшей задачкой и любой пятиклассник кажется тебе чуть ли не академиком. Проходит год, второй... пятый, и те же задачки щелкаешь как орехи. Недоумеваешь: что трудного было в них?

Пришел все-таки к «неудачнице» успех. Дорого он стоит: за одну только тренировку становилась Лена легче на килограмм... Но об этом перед стартом она не вспоминала.

Елена Давыдова.

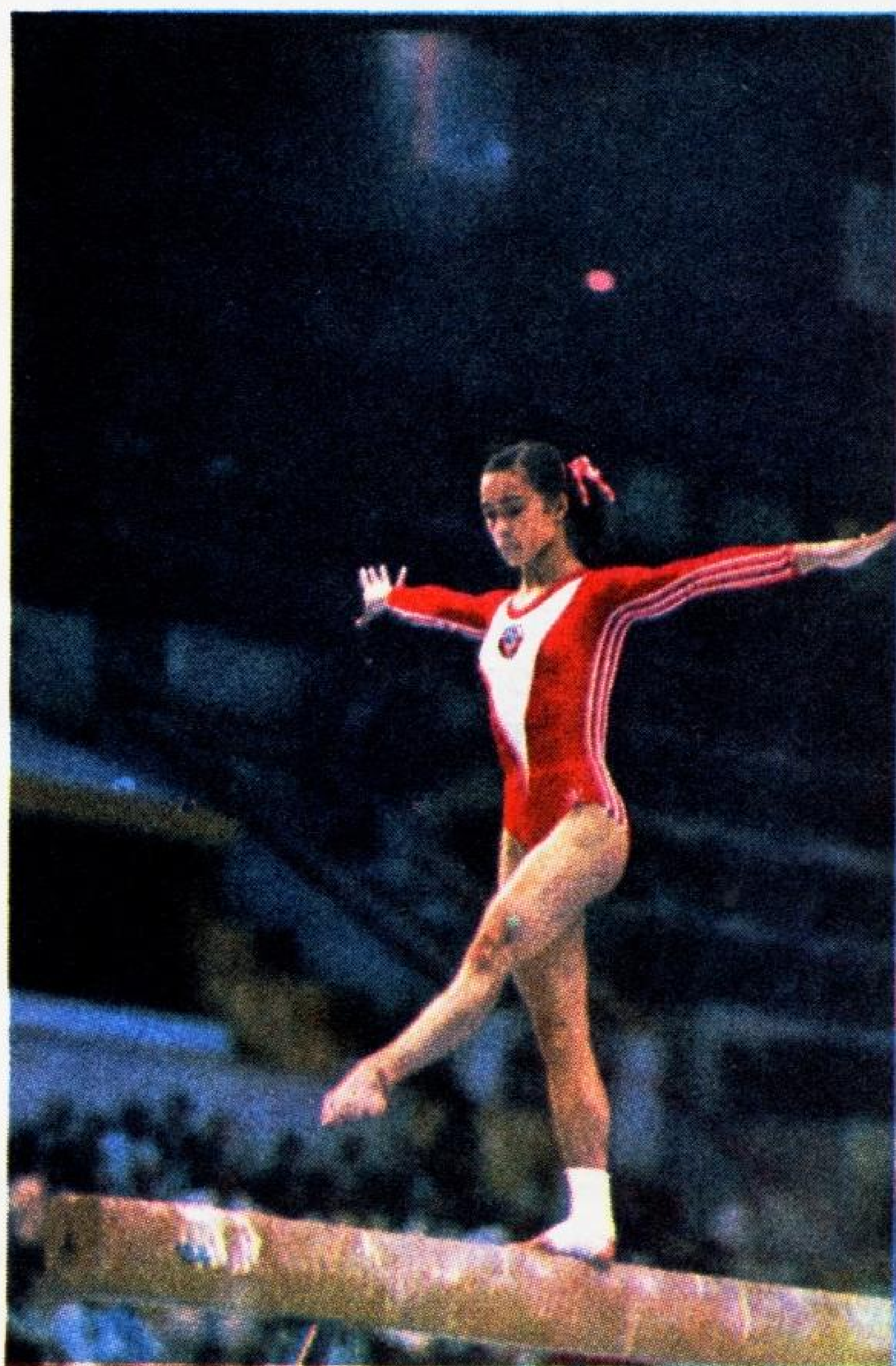
Открой самого себя

Стелле Захаровой всего одной десятой балла не хватило, чтобы выйти в финал. На Олимпиаде, как никогда, удачно выступила она на бревне, самом коварном снаряде. И брусья, которые недолюбливает, не подвели. Когда позади эти два вида соревнований — будто гора с плеч. За прыжки Стелла волновалась меньше всего. Ей завидовали: «Прыгучая!» После сильного разбега Стелла легко и долго летит. Такого полета ни у кого больше нет! Но в опорных прыжках главное — устоять. И вот не удержалась в соскоке. Что случилось? Слишком понадеялась на привычный успех? Не смогла сосредоточиться перед прыжком?

Трудно сказать, что помешало ей на этот раз. Главное — не растеряться, не опустить руки, все внимательно проанализировать и найти причину неудачи. В спорте, как, впро-

С БАНТИКАМИ

...ИЛИ ТРИ ШАГА ДО ПОМОСТА

Стелла Захарова.

чем, и в любом деле, человек постепенно открывает самого себя. Стелла уже знает: порой ей мешает неровный характер, в котором удивительное трудолюбие уживается с капризностью, упорство — с безволием.

Сначала ей не хватало артистичности. На тренировках все выходило легко и красиво, а когда она видела заполненные трибуны, становилась скованной, движения будто с трудом ей давались. Она старалась забыть о зрителях и не могла. А потом вдруг поняла: и не надо забывать. Пусть смотрят на нее тысячи человеческих глаз. Это же прекрасно, что от нее зависит доставить людям радость.

На показательных выступлениях в США Стеллу долго вызывали после вольных упражнений на гимнастический ковер. Никто не заметил, как с последним аккордом оставили ее последние силы. Но Стелла все-таки вышла еще раз. И повторила произвольную программу. Всю, от начала до конца. На одном дыхании!

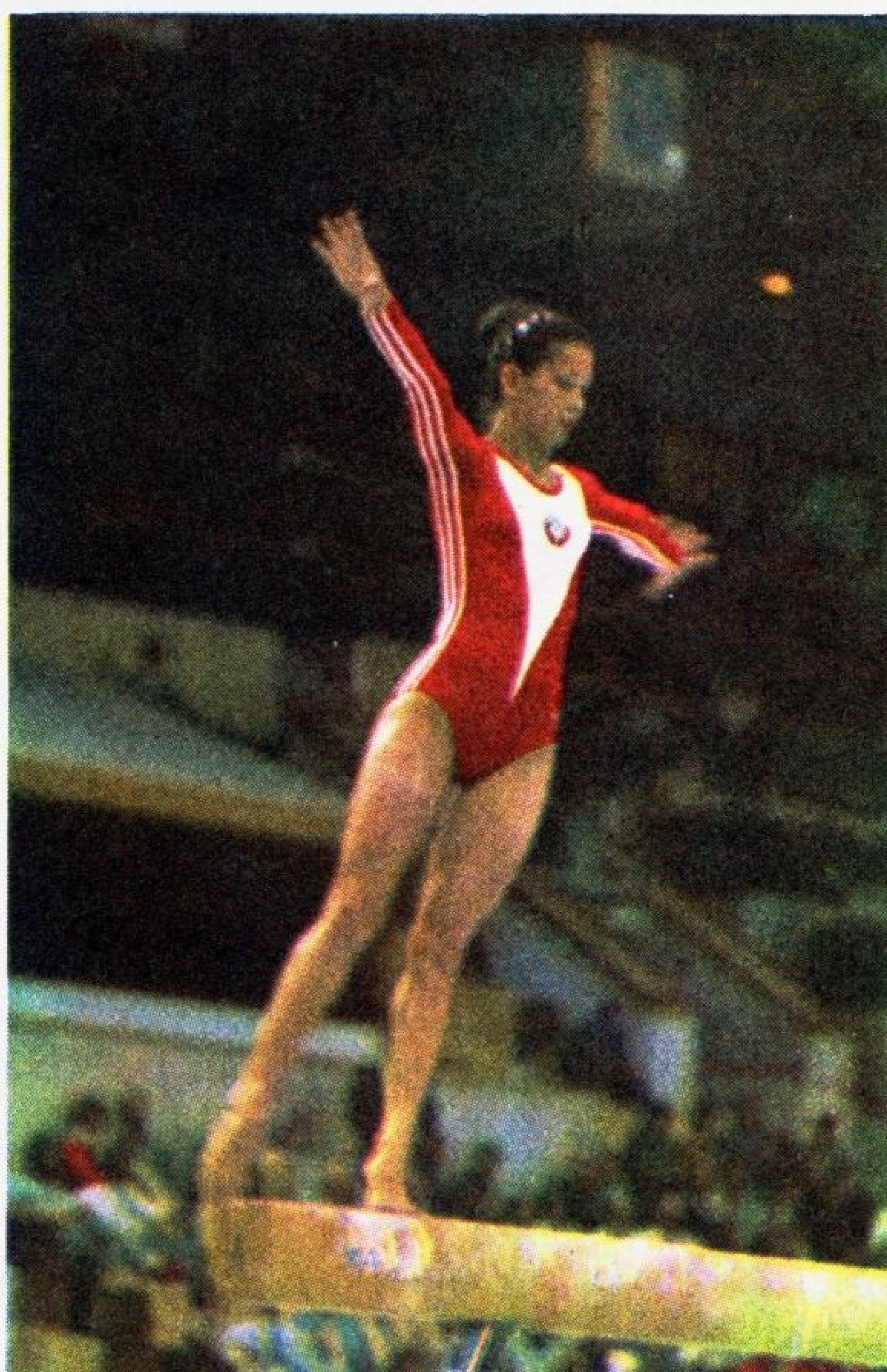
Что это было — вдохновение? Конечно! Но оно приходит только к тем, кто умеет не сдаваться.

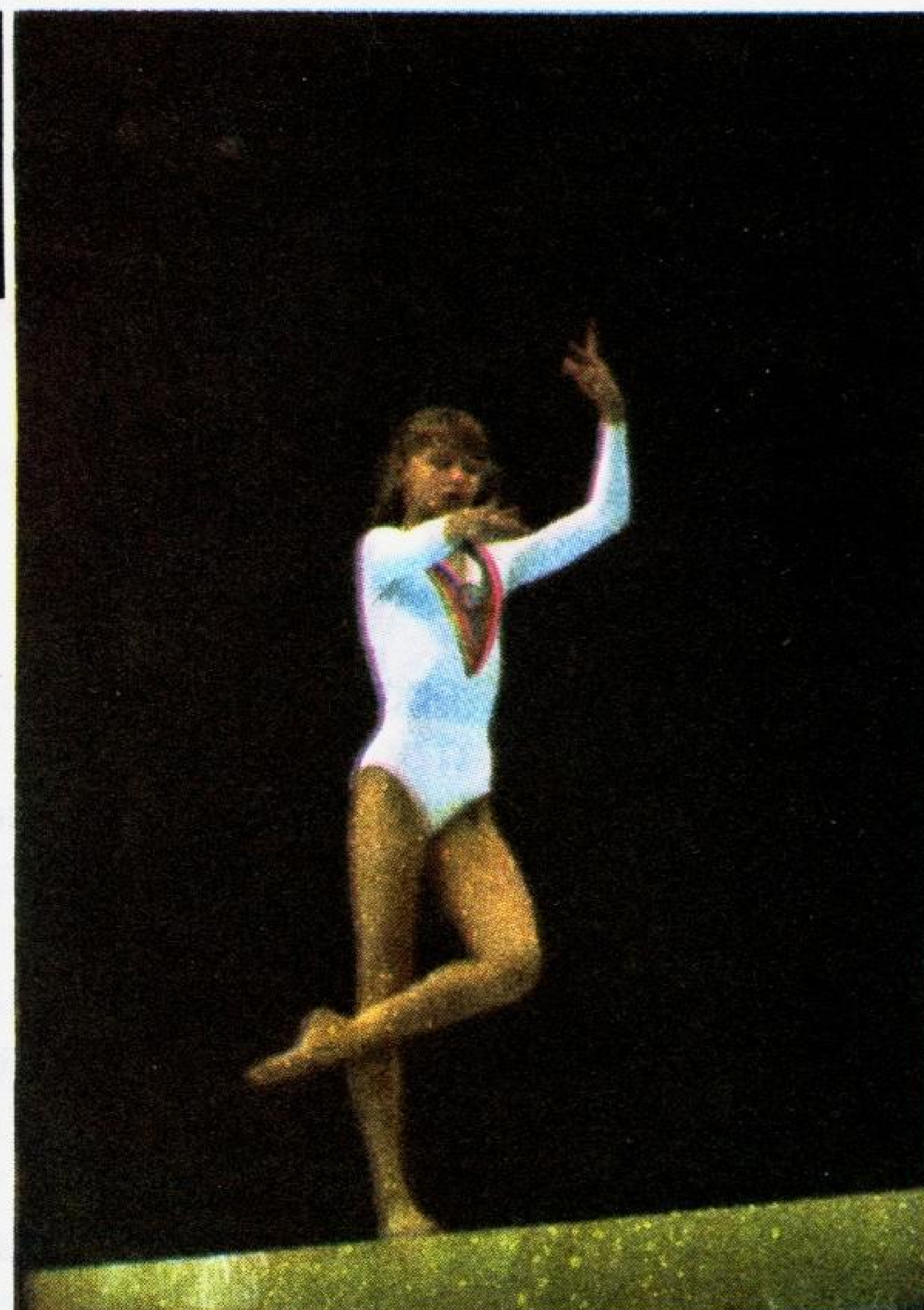
Мама и мамина дочка

Команда называет своего капитана «мамой». Нелли Ким самая старшая и самая опытная среди них. Есть у Нелли уже титул олимпийской чемпионки и пять высших олимпийских наград. И выдержка тоже олимпийская.

Нелли называли «непадающая Ким». На Московской Олимпиаде она споткнулась и упала в вольных упражнениях. Когда падает новичок — для него это дело привычное, а Нелли — виртуоз в гимнастике. Ее движения настолько выверены и точны, что кажется, ошибаться Нелли просто не умеет. А вольные упражнения, когда их выполняет Ким,— уже не спорт, а искусство. Настолько вдохновенна и артистична она. И все-таки Нелли упала. Что происходило в ее душе в эти горькие минуты? Нелли об этом не рассказывает. Она не любит, чтобы жалели. И никто из девочек ее не жалел. Только у каждой было чувство, будто не «мама», а она упала. Такой дружной и сплоченной команда никогда еще не была. Говорят: каков капитан, таков и экипаж.

Нелли Ким.

Елена Наймушина.

Нелли многому научила подруг по команде. Прежде всего тому, что каждый в ответе за каждого и за всех.

В Англии Лену Наймушину называли девочкой, «которую все мамы хотели бы взять себе в дочки». Лена — младшая в команде. Но мера ответственности в командной борьбе была у нее не меньше, чем у капитана. Она в соревнованиях стартовала первой, и от ее оценок зависело настроение всей команды. Начала с опорного прыжка. Оценка — девять и шесть десятых балла. После вольных упражнений на табло появились цифры 9,95.

Каждое выступление кажется Лене праздником.

Иногда говорят: «Эти спортивные дети лишены детства». Но когда видишь Ленину улыбку, о ней такого не подумаешь. Она такая же, как все ребята. Любит собак и сластена. Умеет отказываться от удовольствия, потому что знает: соблазнится, и надо будет на тренировке бороться с лишним весом. Все в кино — она на тренировку, да еще с радостью.

Да и можно ли измерить детство количеством газировки и конфет?! Когда человек начинает взрослеть? Наверное, тогда, когда впервые понимает, что он в ответе за все, что от него зависит.

Л. Г. ИВАНОВА,
заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, чемпионка мира и Олимпийских игр.

Фотографии А. БОЧИНИНА.

КОММЕНТИРУЕТ НИКОЛАЙ ОЗЕРОВ

КТО СРАЗИТСЯ С ЧЕМПИОНОМ?

Вы играете в теннис? Если нет — вы многое потеряли. Теннис — красивая атлетическая игра. А еще она умная, тонкая, учит думать, мгновенно принимать решения.

Теннис я полюбил с детства. Однажды родители привели меня на спортивную площадку. Я с восторгом смотрел, как играют взрослые, и втайне завидовал им. Как только появлялась возможность, слезал с судейской вышки — моего наблюдательного поста — и стремглав мчался на корт. «Дядя, дай поиграть!» — упрашивал я уставшего игрока. А когда в моих руках оказывалась заветная ракетка, все вокруг переставало для меня существовать.

Если вы хоть раз возьмете в руки ракетку, то уже никогда не расстанетесь с ней, поверьте мне!

Теннис очень увлекает. Но научиться играть в него нелегко.

Новички часто недоумевают: «Что же тут сложного?» Их вводит в заблуждение кажущаяся легкость, рожденная мастерством и упорными тренировками. А попробуют сами сыграть хоть раз — и видят, что даже поймать мяч ракеткой не всегда удается.

Теннисист всегда в движении, он посылает мяч из самых разных положений. И, конечно, все время думает. Как в шахматах. Ему нужно понять тактику противника, разгадать его замысел. И все это делается прямо на корте, во время игры. Поэтому реакция должна быть молниеносной!

Только творческую, интересную игру любят зрители. Они становятся как бы участниками борьбы, вместе с теннисистом продумывают тактику игры, строят свои планы матча, дают ему оценку...

Нельзя без волнения следить за игрой заслуженного мастера спорта, многократного чемпиона СССР Александра Метревелли. Он умело чередует игру с задней линии и выходы к сетке. Зрители видят и точные обводные удары и стремительные удары с лета. У него замечательные подачи. Иногда на подаче выигрывает четыре очка. Отразить его мяч всегда трудно, но еще труднее разгадать его замысел ведения боя. Метревелли неожиданно для соперника подает в разные углы площадки. Он все время держит в напряжении, заставляет обороняться. Метревелли — выдающийся советский теннисист. Он многое сделал для развития тенниса в нашей стране. Победы на международных соревнованиях принесли ему известность и уважение. Но главное — заставили всех считаться с нашим теннисом, видеть в советских теннисистах достойных и серьезных противников. Ведь теннис требует очень большой самоотдачи! Не каждый способен на нее. Может быть, поэтому нам не хватает пока мастеров тенниса, талантливых игроков, которые могли бы достойно представить советский теннис на международных состязаниях.

Мне нравится игра Вадима Борисова. Именно он повторил через семь лет достижение Александра Метревелли: победил в трех разрядах на чемпионате Европы. В теннисе есть три вида соревнований — одиночный разряд, парный и смешанный. Каждый труден по-своему, и не всем они одинаково удаются.

Преимущество Вадима — в быстроте, силе удара, умении разыграть неожиданные комбинации. Он очень изобретателен. Настоящий художник в теннисе! Поражает его редкий удар слева: он держит ракетку двумя руками. Вадим играет артистично, красиво. Самые мощные удары выполняет без видимых усилий. Крученая свеча и его знаменитый удар слева — наиболее грозное оружие Борисова. Против него трудно устоять.

Может быть, кто-то из вас станет его достойным соперником?

БЕЗ ЭТОГО НЕ ПРОЖИВЕШЬ!

158-ю московскую школу называют спортивной, хотя это самая обычная десятилетка. Физкультуру здесь никто не считает предметом второстепенным. Каждый выпускник школы получает значок ГТО. И школу Спорткомитет СССР наградил Почетным знаком «Готов к труду и обороне СССР».

Почему здесь так любят спорт и за что его здесь любят?

Что рассказал директор

Не в каждой школе директор — учитель физкультуры. Светлана Павловна Чернова преподавала физкультуру много лет и всех — и ребят, и учителей, и своих собственных детей — сумела увлечь спортом, сделать своими единомышленниками. Стала учителем физкультуры дочь. И сын выбрал ту же профессию. Они убеждены, что на уроках физкультуры можно многому научиться.

— В спорте, по-моему,— сказала мне Светлана Павловна,— самая точная система оценок. На уроке алгебры учитель может сомневаться: тройку ставить ученику или четверку. А здесь...

Вот он, канат, висит — по-

пробуй залезь! И если четыре раза подтянулся, уже никто не скажет, что восемь. Каждый видит, на что способен сам, что могут другие.

Постепенно приходит умение правильно оценивать не только, скажем, физическую силу или ловкость, но и поступки, характер.

На физкультуре не подсмотришь в учебник, не спишешь задачку и подсказки не от кого ждать. Все зависит от тебя, твоего умения рассчитать свои силы. Это умение пригодится в жизни каждому.

И еще спорт учит всегда помнить о других, воспитывает чувство коллективизма. На соревнованиях по многоборью ГТО и рекорды чаще устанавливают, потому что свои интересы подчиняют интересам команды. Знаете, что значит для ребят победа школы? Ради этой победы порой себя приходится переделывать.

Был у нас такой случай. Перед началом ответственных соревнований я увидела одного мальчика курящим. Отстранили его от соревнований: спорт и курение несовместимы — это каждый знает. Видели бы вы, как он переживал, что не может вместе со всеми помочь школе. Теперь этот мальчик про сигареты и думать забыл!..

Так что с обыкновенного урока физкультуры в человеке многое начинается.

Что рассказал учитель физкультуры

— Урок физкультуры, — говорит Виктор Никитович Чернов, — как тренировка. Даже самый талантливый спортсмен, если долго не тренировался, на соревнованиях рекорда не поставит.

Вдумайся в слово «КОМПЛЕКС». Если ты носишь значок ГТО, значит, умеешь многое: прыгать, бегать, плавать, ходить на лыжах... И мы тогда говорим: ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Действительно, всесторонне. ГТО развивает у ребят и силу, и ловкость, и смекалку — все вместе, в комплексе.

Конечно, одному больше нравится футбол, другому — гимнастика, третьему — велосипед. А ГТО все виды спорта объединяет. Ребята и сами могут об этом рассказать.

Что рассказали ребята

Алеша Левин, как видно, человек неторопливый и рассудительный. Вот его мнение:

— По-моему, значение комплекса ГТО раскрывается в его названии. Готов к труду и обороне! Ну, а для того, ЧТОБЫ БЫТЬ ГОТОВЫМ, НАДО ГОТОВИТЬСЯ. У меня вот как было. Занимался музыкой, а на спорт времени не хватало. И вот чувствую, что на физкультуре

ничего не получается. Ребята на турнике спокойно подтягиваются, а я болтаюсь, как лапша. Стало обидно: как же так — они могут, а я нет? Стал тренироваться. И в день сдачи норм ГТО десять раз подтянулся.

— Понимаете, — вступил в разговор Алешин друг Миша Воронов. — Сдавали мы эти нормы с каким-то особым чувством. Его даже объяснить трудно. Азарт, сила воли — все тут проявилось. Нужно пройти дистанцию, как бы трудно ни было. Вот Паша Литвиненко. Бежал дистанцию кросса, упал. В кровь коленки разбил, а все равно до финиша дистанцию прошел и в норматив уложился.

— И у меня так было, — вспоминает Сережа Назаров. — Тоже на кроссе. Казалось, сил нет, а потом как будто второе дыхание открылось. Важно себя убедить, что сможешь. И получится! Так что ГТО — ЛУЧШАЯ ПРОВЕРКА: есть ли у тебя характер?

Конечно, для мальчиков ГТО особое значение имеет. Надо готовиться к службе в армии, к обороне страны. Недавно в школу пришло письмо от Игоря Королева. Он стал заправским моряком, учится в военно-морском училище, и закалка, полученная в школе, пригодилась.

А. КОЛБОВСКИЙ.

Рисунки Д. БАРАБАША.

С днем 8 Марта, прекрасным весенним праздником, поздравляют мам и бабушек дети разных стран!

Эти стихи пришли к нам из Чехословакии. Написаны они по-словацки, на русский язык их перевела Елена Гулыга.

Карол **КАРМАН**

Мамин праздник

Нынче утром я затемно встала
И в горницу нашу солнце впустила,
И братца качала и укрывала,
И к празднику мамы его нарядила.

Нынче утром за хлебом схожу я
И принесу сама молока,
Поздравлю я мамочку дорогую,
Пусть не забудет такого денька.

Геда **ВОЗАРОВА**

Благодарность

Наигралися мы в прятки,
И на веки сон ложится.
Скажет мама у кроватки:
«Доченька, пусть крепко спится».

А зато на мамин праздник
Я куплю цветочков разных.
Золотой куплю нарцисс —
Мама, мама, улыбнись!

Ян **НОГА**

Родные глаза

Глазки серы, кари, сини —
Все о дочке, все о сыне.
Если мама загрустит —
Черной мглою мир покрыт.
А если улыбнется —
Как проглянет солнце.

Либуша **ФРИЕДОВА**

Горлицы

Что я знаю, мамочка,
Милая моя:
Ты — большая горлица,
Маленькая — я.

Где же наше гнездышко?
Где стоит наш дом?
Я живу в том гнездышке
С мамою вдвоем.

Пусть снаружи знойно
Или снег с дождем,
Мне тепло и мягко
Под твоим крылом.

«МЫ С МАМОЙ ХОЗЯЙНИЧАЕМ» — *так назвала свою работу девятилетняя Маарика ОЛЕСК из эстонского города Вастселийна.*

Моей маме

Все фиалки мира
И луга с цветами,
Дали с голубями —
Всё отдам я маме.

Теплый запах хлеба,
Месяц май цветистый,
И глубины неба,
И салют искристый.

Вышивку на ткани
И овечек стадо —
Всё отдам я маме,
Всё, чему я рада.

Очи мамы — росы,
Я ношу их в сердце.
Очи мамы — звезды,
Чтобы всем согреться.

«БАБУШКА».
Рисунок Иосипа НАДЯ, тринадцатилетнего школьника из Венгрии.

«ЦВЕТЫ ДЛЯ МАМЫ».
Гравюра Сони БРЕНТСЕС из Германской Демократической Республики. Соне 9 лет.

Рассказ Иры БЫЧКОВОЙ, москвички, ученицы пятого класса спецшколы-интерната № 2.

Бывает так...

Бывает так, что придешь домой, а мама на работе. Становится скучно и неуютно, тебе не хватает чего-то. Но когда мама придет с работы, делается теплее от ее ласки и доброты.

Без материнской любви трудное становится еще труднее, веселое омрачается. Даже взрослому человеку очень нужна материнская любовь.

Все люди от мала до велика должны любить и уважать маму. С моей мамой я разделяю все радости и огорчения, свое горе и счастье. Когда я чем-нибудь обижу маму, мне становится не по себе. Если мама обидится, мне очень трудно смотреть ей в глаза.

Мама — мой друг, и ей надо помогать. О чем бы меня мама ни попросила, я всегда стараюсь выполнить ее просьбу.

Человеку нельзя забывать о том, что мама должна гордиться тобой, а не краснеть за сына или дочь.

Станислав РОМАНОВСКИЙ

БАШНЯ НАД КАМОЙ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Гостинцы

На исходе августа роса стала гуще и холоднее. Солнце вставало поздно из синих слоистых лесов за Камой, и вместе с ним проснулась Галя. Она лежала под одеялом, пока солнце в окне было сгустком тумана. Внутри его на ветру разгорались угольки. Гале думалось, что Старый Дедушка, зажмурившись, чтобы искры не попали в глаза, надувает щеки до румянца, до блеска и дует на угольки — раздувает в них жар.

Тихо-тихо, чтобы не разбудить отца, которого не слышно было в соседней комнате, Галя накинула на плечи байковое одеяло и вышла на крыльцо. Солнце слабо искрило, и было не ясно, хватит ли у него сил до полудня растопить росу, что, как инеем, побелила крыши и берега.

Хватит ли сил у солнышка?

Галя сбросила с себя одеяло и, пробивая след в седой траве, обжигая ноги о росу и колючие камушки, на едином дыхании добежала до Камы, подпрыгнула и с головой ушла в тяжелую воду.

Река сомкнулась над ней. Галя проплывала близко от галечного дна, дотрагивалась до него кончиками пальцев и слышала, как в ней толчками ходит сердце:

— Тук!.. Тук!.. Тук!..

В этом месте Галя знала каждый донный камушек, и такое знание было радостью.

Время от времени она выныривала, выпучив глаза и отфыркиваясь, набирала воздуха полную грудь и опять уходила на дно, пока течение не уносило ее к живунам — подводным родникам, которые толкались в лицо и руки и были настолько холодные, что и закаленному человеку терпеть их холод невмоготу.

Зато здесь, у свежей воды, любили держаться рыбы, и, плавая туда-сюда, они принимали Галю за свою сестру — за большую рыбу и не боялись ее. Благо у живунов была едва ли не самая глубокая на Каме зимовальная яма — котловина, что дала название деревне: Котловка. В яме с незапамятных времен держались рыбы, и им тут было привольно. Рыбы и живуны задевали Галю за бока, щекотали, и она, смеясь, выныривала и сквозь спутанные волосы, как сквозь водоросли, что-то кричала заспанному солнцу.

И опять уходила на дно. Она чувствовала себя родней рыбам, живунам, всей Каме и, вынырнув за воздухом, опять кричала солнцу что-то хорошее. Девочка все собиралась, да не могла выйти на берег. Теперь она знала, что не простудится никогда, потому что купается каждое утро, и, если отец разрешит, она будет купаться до ледостава. Только тогда она не побежит босиком к Каме, а пойдет к ней в полушубке и валенках.

Купаться, да не перекупаться!

Галя вышла на берег, выжала волосы и бегом, на этот раз не чувствуя ни холода, ни колотья камушков, примчалась домой.

Одеяла на крыльце не было. В избе роились голоса.

Кто это?

Она осторожно прошла в прихожую и услышала голос женщины:

— Парик продала.

Девочка хотела отступить в сени, но отец увидел ее и позвал:

— Галя, иди-ка сюда.

— Зачем?

— Гости у нас.

Отец взял ее за руку и, упирающуюся, вывел на средину горницы.

— Вот познакомьтесь, Екатерина Васильевна,— сказал отец.— Дочь моя — Галя.

Галя исподлобья взглянула на гостью. Это была мать Игорька, молочница из Новгорода, которая во дворе литейного цеха угощала ее молоком. С тех пор как они не виделись, молочница выкрасила волосы, и теперь они золотой короной лежали у нее на голове. А в ушах висели те же самые бирюзовые серьги.

«Екатерина III,— мысленно окрестила ее девочка.— Приехала к отцу свататься. Отнимать его у меня. А так все было хорошо!»

— Знакомьтесь,— повторил отец.— Не стесняйтесь. Тут все свои.

И, хотя они были уже знакомы, женщина подала Гале влажную руку и сказала:

— Большенькая ты стала!

— Тянется,— подтвердил отец.— Мне-то не так видно. А вот Екатерина Васильевна посмотрела со стороны и сразу увидела. Со стороны, говорят, виднее.

Галя рывком повернулась и выбежала в сени.

— Ты куда, доченька?— успел крикнуть отец.

В сенях, глотая слезы, Галя надела все сухое и услышала певучий голос бабушки Матрены:

— Здравствуй-ко, Галина! Гости у вас, никак?

— Гостья.

— Одна, без внучка?

— Без.

— Ты купаться, никак, бегала?

— Купаться.

— А я по логам ходила. Шапионов-то нынче сколько!

— Много?— незаметно вытирая слезы и улыбаясь бабушкиному слову, спросила Галя.

— Одни шапионы,— говорила бабушка Матрена уже в горнице, куда вслед за ней прошла и Галя.— Здравствуй-ко, Катерина! Давай-ко почеломкаемся.

Женщины — молодая и старая — троекратно расцеловались, и бабушка Матрена спросила:

— Что внучка-то не привезла?

— В садике он.

— Дак привезла бы из садика-то! У нас в Котловке разве плохо? Воздух чистый. Его скоро в банках будут продавать. В очередь. Я по грибы ходила. До хороших-то не дошла, что ли? Одни шапионы.

Из корзины она высыпала на стол горку шампиньонов и прибавила:

— Не глянутся они мне. Ох, и не глянутся! Почистим их, что ли, Катерина?

Женщины занялись грибами. А отец затопил подтопок деревом погибшей яблони, отчего по всему дому запахло антоновскими яблоками.

— Грибной год был, когда война на исход пошла,— рассказывала бабушка Матрена.— Грибнущий-разгрибнущий. Тут стрельба, там стрельба, а грибы растут. И все больше белые и подберезовики. Никакой примеси нет. Я работала санитаркой. Грибов набрала в обе руки и несу в госпиталь.

Бабушка Матрена подперла щеку ладонью, прикрыла глаза и пропела:

Ой, какая я была —
Лед колола и плыла.
Ой, какой залетка был —
Лед колол и рядом плыл.

— Лихо,— похвалил отец.— У меня дочка тоже в холодной воде любит купаться.

Галя спросила тихонько:

— Бабушка Матрена, правда вы лед кололи и в проруби купались? Моржевались?

Старая женщина ответила:

— Так в частушке поется.

Лицом показала на подоконник и сказала шепотом:

— Весть какая-то будет.

По подоконнику, стуча костяными лапками, ходил толстый, с одышкой голубь и на этот раз не ворковал басом, а зорко следил за котом Веденеем, который сразу проснулся на печи. Он потянулся, разминая кости, и только стал слезать с печи, как голубь улетел без заминки.

А кот Веденей еще раз потянулся и длинно зевнул, говоря всем своим видом:

— Чего это я нынче так рано встал? Ха-ха!

— Никакой вести нынче не должно быть,— рассудил отец.— Воскресенье. Все, кому надо, приехали. Катер, как и человек, по воскресеньям должен отдыхать.

— Чего я сижу-то?— спохватилась Екатерина Васильевна.— Самое главное забыла.

Она вынесла чемодан с застежкой «молния», открыла его, и из чемодана дохнуло привозным запахом.

Всем гостья дала по подарку: отцу — бритвенный прибор и алую бархотку; бабушке Матрене — носовой платок, вышитый татарским узором, да такой большой, что бабушка примерила его на плечи, пошевелила ими и сказала:

— Я тоже с пустом не езжу.

Гале гостья подала огромную, как книга, шоколадку в коричневой обертке, и на лице у девочки появилось то непередаваемое выражение, какое люди в любом возрасте вольно или невольно придают себе, когда вспоминают себя маленькими.

— Ну, вот,— сказал отец.— Всем сестрам по серьгам. Спасибо!

А Екатерина Васильевна выкладывала на стол банки с консервами, с вареньем домашнего производства, самодельные пироги и ватрушки, на что бабушка Матрена отозвалась с одобрением:

— Я тоже без гостинцев не езжу, Катерина, ты уж вся исхлопоталась. Садись-ка грибы отведай моего приносу. Вкусные какие грибочки! Да со сметаной.

После грибов, разливая чай по маминым чашкам с розами, Екатерина Васильевна спросила Галю:

— Ты как любишь: покрепче или послабее?

Галя с издевкой взялась за сердце и ответила:

— Послабей, послабей.

И увидела, что ее издевка тревогой отозвалась в глазах женщины.

— А я люблю покрепче да погорячей,— улыбалась бабушка Матрена, прихлебывая чай из блюдечка. Блюдечко она держала по-старинному, «по-купечески» — на всех пяти растопыренных пальцах, и дула на него, округлив губы, отчего чай в блюдечке подергивался рябью.

После чая Галя хотела незаметно оставить гостей, да Екатерина Васильевна окликнула ее:

— Галина...

Девочка остановилась.

— Ты меня извини, Галина,— сказала женщина.— Ты большая, а я тебе, как маленькой, шоколадку... Вот.

Она вынула серьги из ушей и виноватым, умоляющим движением вложила их в руки девочке. А глаза ее говорили:

— Не отказывайся. Пожалуйста!

Галя не успела опомниться, как отец и бабушка Матрена заговорили наперегонки:

— Ты не сейчас их наденешь.

— После десятилетки!

— На выпускной вечер.

— Тем более у тебя день рождения в августе!

— Я это знала,— повинилась Екатерина Васильевна.— Да сказать не смела, что ли? С днем рождения, Галина! Хоть он у тебя уж и прошел... Лучше совсем поздно, чем вообще никогда.

А Матрена Петровна с тихим восторгом смотрела на девочку, словно воочию видела выпускной вечер и Галю на нем, которой к тому времени исполнится семнадцать лет.

— Ой, Галя! Ой, Галя!— Она радостно качала головой в лад словам и приговаривала:— Ох, и пойдут тебе синие-то серьги к белому-то платью. Ох, и пойдут! Ох, дожить бы мне до выпускного-то вечеру и хоть одним глазком взглянуть на тебя. Доживу ли?

Общая радость передалась девочке. Она непроизвольно приложила руку к сердцу и сказала, глядя прямо в глаза Екатерине Васильевне:

— Ой, спасибо!..

После происшедшего все сели смотреть телевизор. По телевизору показывали море.

— Моя стихия,— сказал отец.

— Ох, Александр Николаевич, какой ты стихийный,— качала головой бабушка Матрена, а Екатерина Васильевна улыбалась и подтверждала:

— Стихийный он. Стихийный!

Взрослые переговаривались, глядя в телевизор, и девочка чувствовала, что они ведут этот разговор и для нее, чтобы и ей было весело. Она покорно улыбалась, а левую руку, в которой были серьги, покалывала судорога.

Галя потихоньку ушла в прихожую, достала круглое мамино зеркальце, поставила на подоконник и, прислушиваясь к голосам в передней, заглянула в него.

Из зеркальца на нее смотрело загорелое лицо с большими взволнованными глазами, выпуклым лбом и вьющимися после камской воды волосами.

Девочка приставила серьги к ушам и улыбнулась своему отражению. Отражение расплющило нос, в улыбке показало все тридцать два зуба, а глаза сделало такими маленькими, что разобрать их цвет было невозможно.

Гале стало грустно, и теперь она увидела, что в зеркале глаза и серьги похожи по цвету, только глаза — глаза, а серьги — камушки... Из зеркала на нее глядела маленькая принцесса, которой предстоит вырасти и танцевать на выпускном балу в белом платье и с этими серьгами.

Когда это будет?

Она попыталась прицепить серьги к ушам, но металлические застежки соскальзывали. Если бы в мочках ушей были проколоты дырочки, как у Екатерины Васильевны!.. Так за чем дело стало? Девочка достала катушку с нитками и иголкой и только устроилась перед зеркальцем, как вздрогнула от голоса бабушки Матрены.

— А я люблю покрепче да погорячей,— улыбалась бабушка Матрена, прихлебывая чай из блюдечка.

— Балуем мы нынче советскую-то молодежь!..

— Это про меня она, наверное, говорит,— подумала Галя.— Обо мне с отцом и гостьей спорит. Или не обо мне? В любую минуту они сюда могут зайти... Спросят: «Ты чего делаешь?» А я что?

Галя спрятала в платяной карман серьги, зеркальце, катушку и, прислушиваясь к голосам взрослых и потрескиванию телевизора, на цыпочках вышла в сени. С замиранием она поднялась по лестнице к потолку и откинула творило — деревянную крышку, что заслоняла вход на подволоку — от кота Веденея и иных непрошеных гостей.

На подволоке было тихо и темновато, и только через оконце-полумесяц падал столб света — весь в крутящихся пылинках. На шнурах висели лещи и золотились в потемках. Самые большие были с дощечками-распорками внутри, чтобы спины и стенки животов хорошенько провялились. Лещи расточали душноватый, чуть с тухлинкой, запах вяленой рыбы и тихо звенели, когда девочка, проходя к свету, нечаянно задевала за них головушкой.

На печной выступ она поставила зеркальце и горько вздохнула, оттого что вместо мамы у них в доме будет жить чужая женщина, что эта женщина пытается ее задобрить, а она...

Не раздумывая, девочка вонзила иглу в мочку уха. От боли Галя не закричала — сдержалась. Сквозь слезы, что сами собой вспухли на глазах, она увидела в зеркальце, как по уху и по щеке толсто ползет кровь.

— Что же я наделала-то!— ругала себя Галя.— До выпускного вечера еще далеко. А я ни с кем не посоветовалась и заторопилась.

Она зажала рану ладонью, вскочила на ноги и задела за веревку с рыбой. Лещи закачались и зазвенели, как золотые щиты. Свободной рукой Галя остановила веревку, спрятала в карман серьги, зеркальце, катушку с нитками и иголкой, прошла к выходу, закрыла за собой творило, вышла на улицу и спустилась к Каме.

Здесь на струе, где были живуны, бил жерех — хищная рыба, что любит воду чистую, проточную. Жерех дожидался, когда мальки соберутся в стайку, и хвостом, как кнутом, хлестал по воде. Брызги вместе с мальками летели во все стороны, и короткое эхо вторило удару. Оглушенных мальков жерех подбирал беззубым ртом, насыщался, да никак не мог насытиться.

Камской водой Галя промыла ухо, лицо, шею, заклеила рану сочным, без изъяна, листом подорожника и почувствовала, как он снимает боль.

— А может быть, оставить рану на виду, чтобы Екатерина Васильевна все видела и все поняла?— подумала Галя.— Да нет, не надо людей расстраивать. Чего теперь сделаешь?

Она подышала на мамино зеркальце, потер-

ла его о платье, бочком, так, чтобы не видеть заклеенное подорожником ухо, заглянула в зеркальную гладь. Оттуда на нее глянули огромные, омытые болью и радостью жить глаза, и в душе она улыбнулась им.

И они улыбнулись ей тоже.

Галя распрямилась.

У ее ног, сверкая и туманясь, бежала сильная, вольная река и звала в дальние страны.

— Кама! Камушка!— сказала ей Галя.— Реченька моя быстрая! Знаешь ли ты, о ком я думаю? Я хочу, чтобы дома было счастье. Больше пока я ничего не хочу и не попрошу у тебя. Я всегда постараюсь быть с тобой, и если когда-нибудь я уеду, то буду скучать без тебя и вернусь к тебе, милая моя, светлая! Сделай так, чтобы отец и Екатерина Васильевна были счастливы. Хочешь, я даже в мыслях не буду звать ее мачехой? Она до конца не заменит мою маму, но что делать, что делать? Я хочу, чтобы люди жили хорошо, Кама-Камушка! И когда мне будет грустно, я буду приходить к тебе, ясная моя, чистая!..

Бил жерех. Течение сносило и прибивало к берегу, к ногам девочки оглушенных мальков. Они лежали на боку и белели, как пена. Постепенно рыбки приходили в себя, поворачивались вверх спинками, шевелили хвостами и, осознав, кто они и где они, уходили в глубину.

Галя постояла на берегу, послушала удары рыбы и прошла в сад.

Яблоко согласия

Сад был общий для всей деревни, большой и заброшенный. Его никто не охранял да и особенно не беспокоил, и сад рос вольно. Ограда, черная от дождей и времени, обрушилась, и ежевика напополам с хмелем оплела ее. Здесь постоянно что-то шуршало, и шуршание это наводило страх даже на кота Веденея.

Некоторые яблони в саду умерли — от морозов или от старости. Подождав несколько лет и убедившись, что они не отойдут и не зацветут никогда, отец топил печь их алой древесиной, отчего и среди зимы в избе нежно пахло яблоками.

Многие же яблони были живые, и Галя знала каждую в лицо и называла по имени, а то и величала по имени-отчеству: Чаша, Ладонь Ивановна, Сороконожка, Осьминог Титович, Василиса Прекрасная, Принцесса, Принцесса на горошине, Петух, Бабушка Ионишна...

Галя шла среди яблонь по траве. В ней пробивались малые яблоньки — дети, внуки, а то и правнуки старых деревьев. Плодов на молоденьких яблоньках не было.

Да и когда они будут-то?

А вот на больших деревьях яблоки были. Их румянец — несмелый и диковатый — отсвечивал зеленью. Девочка попробовала одно яблоко на зубок и, сморщившись от горечи, бросила в траву.

Оттуда выскочил заяц-русак, посидел, рассматривая Галю то одним выпуклым оком, то другим, и, не торопясь, ускакал на длинных ногах, как на ходулях.

— Как ты меня напугал!— воскликнула девочка.— Да большой-то какой. С козочку.

На соседнюю яблоню опустилась стая светлогрудых дроздов. Теперь все дерево от вершины и до комля пело, щебетало, отливало птицами, словно пернатыми плодами. Сквозь них проглядывали красные яблоки. Эта яблоня — Бабушка Ионишна — была здоровой и благодарной, потому что за ней присматривала Галя, и приносила много плодов, налитых солнцем и медом по самый черешок, так что и черешок хотелось съесть вместе с мякотью.

Вдруг стая снялась с Бабушки Ионишны и, на миг закрыв небо перед девочкой, улетела в другой конец сада. Качались яблоневые ветви, и яблоки с подскоком падали на землю.

Она подобрала с земли большое бордовое яблоко, прижала к губам, но есть не стала, а пошла дальше, дыша таинственным медовым запахом, и яблоко, согреваясь от дыхания девочки, пахло ярче. Она остановилась, отняла его от губ и рассмотрела как следует. Яблоко было с ямочками на щеках! Галя посмотрела сквозь него на солнце и в глубине угадала семечки.

Когда это было-то? Да нынешней весной она отбила дрозденка у кота Веденея — голенького, пупырчатого, похожего на жабу. В птенце, заполняя все внутри, билось сердце, по незнанию еще не успевшее хорошенько испугаться. Дрозденка тогда она положила в гнездо, а кота Веденея в наказание заперла в чулан, но он, наверное, так ничего и не понял.

Галя вспомнила об этом случае, потому что семечки, просвечиваясь, вздрагивали внутри яблока, как сердце новорожденного птенца.

— Да нет,— сказала она себе.— Это пульс у меня такой.

Галя еще раз подняла яблоко к солнцу и в серёдке его увидела семена, окутанные золотым дымом.

— Их же сердечком зовут,— вспомнила девочка.— Правильно: сердечком...

И замерла.

В оконце среди листьев она увидела Ладонь Ивановну, которая мозолистыми ветвями оплела небо. Наверху, в развилке, трудился мальчик лет десяти — собирал яблоки в подол рубахи. Подол раздулся дальше некуда, а сборщику все было мало.

Как только рубаха терпит!

Долго-предолго мальчик спускался с яблони, хотя тут было невысоко, и яблоки, не помещаясь в подоле, падали вниз, отчего сборщик плодов вздрагивал и испуганно озирался. Наконец он оказался на земле и передохнул. Придерживая подол зубами и левой

Галя подобрала с земли большое бордовое яблоко, но есть не стала. Яблоко было с ямочками на щеках.

рукой, правой он подтянул штаны и спиной к девочке побежал прочь из сада.

Галя окликнула его:

— Погоди!..

От неожиданности он выпустил подол рубахи, и яблоки, как картошка, с грохотом просыпались на землю.

А мальчик мчался, не оборачиваясь, запнулся о корень, невидимый в траве, вскочил на ноги и, прихрамывая, заторопился к ограде.

Около корня девочка подобрала тюбетейку, которую тот обронил, и, размахивая ею, побежала за беглецом.

— Куда ты?— кричала она.— Подожди меня!.. Тюбетейку потерял!..

На бегу он потрогал голову, остановился, повернулся, заслонясь от солнца ладонью, долго смотрел на Галю. И, заправляя рубаху, сконфуженно пошел к девочке.

Она протянула ему тюбетейку, вышитую серебряными нитями, в узорах и крестах, и похвалила:

— Красивая у тебя тюбетейка, Галим.

Он недоверчиво взял ее из Галиных рук, надел на голову и сказал:

— Красивая, конечно.

Нахмурился и прибавил:

— Для тебя ношу.

— Галим,— Галя мягко взяла его за руку.— Пойдем, я тебе ведро яблок вынесу.

— Нет.— Он покачал головой.— Я не для этого сюда приехал.

И показал лицом на зеленый лужок.

— Узнаешь?

— Погоди.

Белая овца, расставив уши в стороны, как локаторы, из ложка смотрела на Галю. А рядом, точное подобие матери, стоял белый ягненок и тоже смотрел сюда.

— Белая Предводительница!— воскликнула Галя и, увлекая за собой Галима, побежала к ней. Татарчонок с неожиданной силой остановил девочку за руку.

— Меня машина ждет,— сказал он грустно и показал рукой на дорогу в поле. Там стоял красногрудый автомобиль на десяти колесах, такой же, какой отец привез на барже из Челнов.

— Одну минуточку,— умоляюще попросила Галя.

— Не могу.

— Где ты нашел Белую Предводительницу?

— На Чертовом Городище. Ягненка она родила в пещере. Они все время паслись у башни. Их не трогали. Думали, что хозяева за ними смотрят...

Красногрудый автомобиль дал длинный гудок.

— Тебя зовут!— сказала Галя, а Галим и бровью не повел.

— ...Я говорю Василию: «Друг! Давай их в

Котловку свезем и Галине отдадим». Он говорит: «Давай отдадим!» Я говорю: «Премируем Галину овцой и ягненком?» Он говорит: «Премируем, конечно!» Совхозная машина к вам пошла, я их и привез.

— А Василий?

— Домовничает.

— Не отпустили?..

Снова прогудела красногрудая машина — на этот раз громче и нетерпеливее. Галим хладнокровно посмотрел в сторону дороги и сказал:

— С сестренкой сидит. Давай руку. Прощаться надо.

— Спасибо...

— Не на чем.

Он побежал было к дороге, но Галя отчаянно крикнула ему вслед:

— Погоди!

Татарчонок остановился и спросил:

— Чего?..

Галя подбежала к нему и протянула яблоко:

— Хоть одно возьми!

Татарчонок взял его, потер о штаны, так что оно глянцево заблестело, и сказал про ямочки на щеках яблока:

— Улыбается... Я его Василию отвезу.

Спросил встревоженно:

— Чего у тебя с ухом-то?

— С этим?

— Ну.

— Пчела ужалила.

— Да-а-а... Уж ваши пчелы ужалят дак ужалят!

— А ваши?

Красногрудая машина загудела в третий раз. Из нее выскочил нестарый мужчина и что-то закричал по-татарски.

— Ругается.— Галим улыбнулся Гале, показав в улыбке широкие зубы.— Дедушка ругается. Ох, и ругается!

И побежал к дороге.

На полпути остановился, подбросил яблоко, поймал его.

— Еще, может, увидимся!— крикнул он девочке, добежал до машины не оборачиваясь и сел в кабину. Заревел мотор, красногрудая машина, окутываясь пылью, понеслась по дороге и пропала из глаз.

Кто-то дотронулся до пальцев девочки. Белая Предводительница и ягненок тыкались носами в Галины ладони, где недавно было яблоко, и его дух щекотал им ноздри.

— Милые вы мои!— сказала Галя и обняла за шею Белую Предводительницу. А потом взяла на руки ягненка. Он обдал ей лицо нежным дыханием и в знак особой признательности взял ухо девочки в мягкие губы и отпустил его. Она счастливо засмеялась и коснулась лицом его шелковистой шерсти.

— Милые вы мои!— повторила Галя и с ягненком на руках пошла в деревню.

Рядом бежала Белая Предводительница и поглядывала на Галю и на сына. В ее глазах, золоченных солнцем, жили приязнь, доверие и припоминание прародины — древних южных степей, где по весне зацветают тюльпаны, каких нет в наших краях, где песками струятся травы, а вода в редких колодцах солона и желанна, как жизнь.

КОНЕЦ.

К 70-летию со дня рождения Алексея Ивановича Мусатова, писателя, лауреата Государственной премии СССР

ДОБРЫЕ ЗЕРНА

А. И. Мусатов с юными читателями. Алексей Иванович любил встречаться с ребятами, говорить с ними о жизни и о книгах.

Впервые я увидела его лет двадцать пять назад в подмосковном лесу. Я ходила с корзинкой в руках, собирала грибы. Но попадались все разноцветные сыроежки: уже кто-то прошел здесь, виднелись свежие срезы корешков подберезовиков. Вышла к оврагу. На пеньке, освещенный солнцем, сидел мужчина в поношенном тренировочном костюме. Рядом стояла кошелка, полная грибов. Русая прядь волос козырьком топорщилась над его лбом. Он вертел в руках кривой березовый сук с наплывом посередине, насвистывая мотив: «Ревела буря, гром гремел...» Мужчина поднимал сук вверх, поворачивал туда-сюда, словно искал в нем что-то. Потом вынул из кармана складной нож, раскрыл его, примерился и стал отсекать сучки. Он весь ушел в работу, а я, заинтересованная, стояла и наблюдала.

Вот он откинул прядь волос со лба, поставил сук на раскрытую ладонь, и я увидела журавля. Птица стояла на одной ноге, поджав под себя другую, наплыв превратился в туловище, головка на длинной шее грациозно вытянулась вверх, журавль чуть раскрыл клюв, и я ждала, что он закурлычет. Но победный клич издал мужчина, я увидела его круглые, сияющие радостью глаза.

Я не могла сдержать возгласа восхищения.

Мужчина оглянулся, нахмурился, округлые глаза стали треугольными: он был явно недоволен, что кто-то подсмотрел его восторг.

— Я стала невольным свидетелем сотворения чуда,— сказала я, как бы извиняясь.— Вы художник?

— Нет,— отрезал он.

— Кто же вы?

— Так...— неопределенно пожал он плечами, пряча журавля за спину.— Если хотите — писатель... Мусатов.

— «Стожары»?

— Читали? — уже подобревшим голосом спросил он.

Кто же тогда не читал и не знает сейчас это лирическое, романтическое повествование о колхозных ребятах-селекционерах? Саня Коншаков стал таким же любимым героем наших ребят, как и Тимур Гайдара.

Алексей Иванович Мусатов, крестьянский сын, учитель сельской школы, рано потянулся к перу. Но все, созданное до войны, было лишь пробой сил. Затем война. Работа во фронтовых газетах.

Свою книгу «Стожары» он вынашивал долго. Он много ездил по стране как корреспондент, просиживал неделями в сельских школах, жил в колхозах, присматривался, примерялся — на что нацелить ребят, к чему они тянутся сами, искал тот волшебный колосок, зерна которого станут основой доброго урожая.

И как в том неказистом кривом суке с наплывом он сумел разглядеть журавля, так в сутолоке послевоенных будней он нашел образ Сани Коншакова и его сверстников, сумел оценить их дело и рассказать о нем. Почин коншаковцев стал делом многих колхозных школьников.

Почти полвека занимался литературным трудом Алексей Иванович Мусатов. Он был верен своему юному читателю и теме колхозной деревни. Он создал уникальную серию увлекательных книг о том, как преобразовывалась старая русская деревня в колхозную державу.

Алексей Иванович как участник Великой Отечественной войны не мог не сказать своего слова о ее героях. Его книге о жизненном и ратном подвиге пионервожатой Клавы Назаровой тоже суждена долгая жизнь.

Сейчас Алексею Ивановичу Мусатову было бы семьдесят лет. Четыре года назад тяжелая болезнь унесла его из жизни, но и в свой последний день он еще держал перо в руках, задумывал новую книгу. Скажем сердечное спасибо писателю за его большой и добрый талант и снова перечитаем его книги.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

„ТЕЛЕСКОП" В НЕДРА ПЛАНЕТЫ

В. ДРУЯНОВ

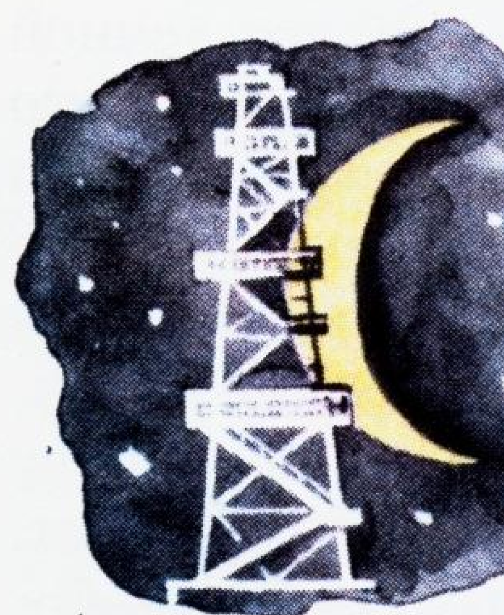
Каменный век, бронзовый, железный — так названы основные периоды в истории человечества. Жизнь людей во все времена во многом зависела от земных недр, от тех богатств, что сотни миллионов лет скрывала там природа...

Долгое время людям хватало запасов нефти, газа, руды, расположенных на поверхности земли или вблизи нее.

Сегодня положение резко изменилось.

Разведчики недр как бы «сняли», словно капустные листья, верхние пласты земли. Теперь близ поверхности почти не осталось неизвестных месторождений; надо двигаться вниз, осваивать новые глубины.

Окажется ли следующий «капустный лист» земного шара таким же богатым? Как узнать адреса новых кладовых? Богаты ли они? Эти вопросы волнуют геологов. Они хотели бы заглянуть глубоко в недра планеты, понять их строение, выяснить, где могут прятаться руды, нефть, газ...

ТРУДНЕЕ, ЧЕМ ДО ЛУНЫ

Оказалось, что легче проникнуть в космос, добраться до Луны и Марса, чем спуститься в подвалы родного дома — планеты Земля. И сейчас ученые действительно знают больше о грунте Луны, чем о земном глубинном веществе! Очень трудно проникнуть в подземные глубины... Геологи еще только мечтают о механическом кроте, на котором смогли бы путешествовать в недрах, подобно тому, как космонавты — за пределами Земли...

Издавна самым верным способом изучения земных недр было бурение. Миллионы скважин, словно булавочные уколы, пронизывают верхние пласты земной коры. В каждую спускается металлическое долото, которое вгрызается в земную твердь и выбуривает из нее гладкий каменный столбик, образец пород. Образец (геологи называют его «керн») поднимают на поверхность и, изучая его, узнают, чем богаты недра, как расположены пласты.

В наши дни геологам необходимо добираться до бо́льших глубин, чем прежде. Пока удалось проникнуть глубже десяти с половиной километров. Уже на таком удалении от поверхности бурить приходится в необычных условиях — давление резко возрастает (здесь оно в тысячи раз больше, чем наверху!), температура достигает 200—300°С. Нередко отказывает буровой инструмент, нагреваются и не выдерживают нагрузки бурильные трубы, стенки скважины становятся неустойчивыми.

Вот почему каждая глубокая, а тем более сверхглубокая скважина вызывает пристальный интерес ученых: это новый шаг в освоении подземного космоса, шаг, который дается людям с таким трудом...

Глубоких скважин сейчас пробурено немало. В Советском Союзе они расположены в Прикаспии и Закавказье, на Украине и Северном Кавказе...

ПОЧЕМУ КОЛЬСКИЙ?

Самой глубокой в мире скважиной стала Кольская, заложенная недалеко от города Заполярный. В прошлом году она прошла

отметку «10,5» километра, установив абсолютный мировой рекорд по глубине.

Почему именно здесь, на Кольском полуострове, выбрано место для сверхглубокой? Разумеется, это не случайно. Скважина находится в восточной части Балтийского щита. Так геологи называют обширное плоскогорье, сложенное из очень древних пород. В других районах земного шара породы этого почтенного возраста залегают на очень большой глубине. А здесь, на Кольском полуострове, древние породы сравнительно близки к земной поверхности.

Сверхглубокая сразу же вошла в пласты древних пород, и ученые получили возможность увидеть и исследовать образцы столь почтенного возраста. Был установлен их возраст — 2 миллиарда лет.

Еще глубже залегают граниты и гнейсы — самые древние породы на Земле, самые «седые». Они родились около трех миллиардов лет назад. Сквозь эти «седые» породы и проходит сейчас Кольская сверхглубокая скважина.

Ученые теперь хорошо знают строение земной коры в этом районе до глубины более десяти километров.

ПОДОБНО ТЕЛЕСКОПУ

Бурение таких скважин, как Кольская,— сложное и дорогое предприятие. Нужны мощные буровые установки, способные опустить на глубину, а потом поднять наверх колонну бурильных труб. Вес таких труб — сотни тонн, в несколько раз больше, чем при бурении обычных скважин. До сих пор создано немного таких мощных установок — меньше, чем пальцев на одной руке.

Специально для Кольской была спроектирована и построена единственная в мире буровая установка «Уралмаш-15000». Ее авторы — свердловские машиностроители.

Кольскую скважину начали бурить громадным долотом — почти метрового диаметра. После того как углубились на 40 метров, в скважину опустили сваренные металлические трубы. Промежуток между стенками скважины и трубами залили цементом. Появилась броня, защищающая скважину от разрушений и обвалов горных пород.

Теперь на глубину до пяти километров пошел бур меньшего диаметра, но очень прочный. Он стал высверливать в древних породах ту самую каменную колонку, которую так мечтали поднять на поверхность и увидеть своими глазами геологи. Куски керна регулярно поднимались наверх.

Неожиданно на расстоянии 1800 метров от поверхности началось разрушение стенок скважины, стало сказываться растущее давление.

Появилась опасность аварии, которая могла свести на нет все усилия буровиков. Решили оградить опасный участок, укрепить его стенки. Ствол скважины расширили до места аварии, сверху опустили еще одну защитную колонну. Пространство между ней и стенками скважины опять залили цементом. В сверхглубокой скважине появилась вторая оборонительная линия.

Теперь скважина действительно стала напоминать телескоп, погруженный в земную кору: в верхней части ствол ограждали трубы большого диаметра, далее шла колонна поуже, и еще ниже — совсем узкий «голый» ствол.

Если и на этом незащищенном участке произойдет что-то непредвиденное, буровики смогут опустить еще одну колонну труб мень-

Здесь, на заснеженных просторах Кольского полуострова, вырос настоящий завод — Кольская сверхглубокая скважина.

шего диаметра. Тогда появится очередное звено подземного телескопа.

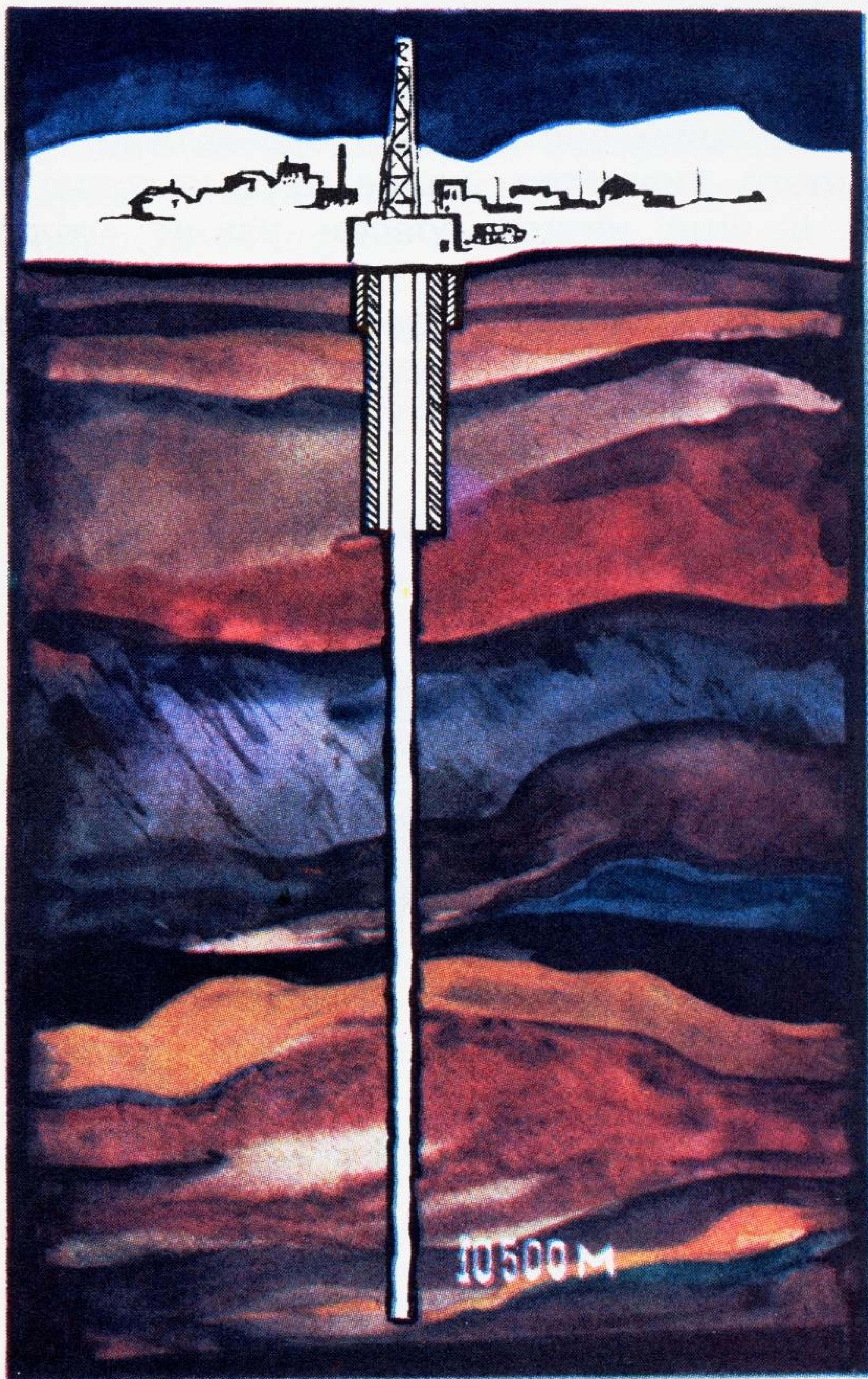
При бурении любой скважины важно еще, чтобы она не искривлялась. Косо залегающие пласты горных пород стремятся увести бур в сторону, направить ствол скважины вбок, затруднить бурение.

Особенно строго соблюдают вертикальность проходки на Кольской сверхглубокой. Проект предусматривал: каждый километр скважина «имеет право» отклониться в сторону не более чем на один градус. Очень жесткое условие! Соседние скважины меньшей глубины уже на первом километре давали крен в 20—30 градусов.

До глубины примерно 2000 метров за вертикальностью следили особые кольца, надетые на турбобур. Они упирались в стенки и не давали ему вильнуть в сторону. На бо́льших глубинах применили другой способ: в скважину спускали приборы, которые моментально улавливали намечающуюся кривизну и выводили скважину на прямую, вернее, вертикальную дорогу.

Многие технические приемы, механизмы и приборы были применены на Кольской скважине впервые. Они создавались в расчете на тяжелые условия больших глубин и оправдали себя. Вот почему скважину можно считать передовым исследовательским полигоном.

Примерно так устроена Кольская сверхглубокая. Ты видишь, где расположен бур и как прочно укреплены стены скважины.

ОТКРЫТИЯ СВЕРХГЛУБОКОЙ

До недавнего времени считалось, что древние породы, складывающие такие щиты, как Балтийский, мертвы, что здесь уже не происходят процессы, свойственные верхним пластам,— не проникают по трещинам и разломам вода и газы, не смещаются породы. Кольская скважина опровергла эти представления!

Раньше ученые предполагали, что, чем дальше в глубь земли, тем выше температура,— растет примерно на один градус каждые сто метров. Оказалось: эта величина может быть много больше! И сейчас там, где работает бур, температура достигает 190 градусов!

На больших глубинах была замечена циркуляция газов и минерализованных вод. Они двигались там по трещинам, участкам раздробленных пород. Это еще раз подтвердило, что и вдалеке от поверхности геологическая жизнь не замирает.

Кольская сверхглубокая скважина предоставила исследователям уникальные сведения о строении земной коры, о глубинных залежах полезных ископаемых. На поверхность поднимались образцы пород. Ни одного метра из десяти километров не было пропущено. В скважину опускались новейшие приборы, они определяли свойства тех пород, которые пронзила скважина. Более тридцати видов измерений проводилось на Кольской.

Итак, что же обнаружено?

На уровне четырех и шести километров и глубже скважина наткнулась на крупные трещины, отложения кварца, кальцита, руд некоторых металлов. Замечательная находка! И на такой глубине, оказывается, могут располагаться полезные ископаемые. Даже в семи километрах от поверхности обнаружили слю́ды и рудные минералы. Все это обнадеживает геологов: не бедны глубокие недра земли!

На глубине 1600—1800 метров найдены медно-никелевые руды, ранее неизвестные. Значит, и здесь возможны «слепые» рудные тела — залежи, не имеющие выхода на поверхность.

Кольская сверхглубокая скважина оказалась самым сильным «телескопом», направленным в земные глубины. Впервые удалось заглянуть так глубоко в недра и получить сведения об их строении.

Решено осмотреть подземный мир и в других областях страны. Это позволит уточнить наши знания о развитии планеты, расширит представление о тех глубинных процессах, которые создают месторождения полезных ископаемых.

Рисунки П. ПРОРОКОВА.

Из почты Пешкина

Вот какое письмо прислал нам **Валентин Полищук** из села Глубочица Житомирской области:

«Меня очень заинтересовало то, о чем рассказал в журнале № 9 за прошлый год Леня Якимов. В школе, где он учится, не ладится с шахматными делами. Мало любителей, не проводятся турниры «Белой ладьи».

И у нас было так. В школе тоже мало кто умел играть в шахматы, не видели в них ничего интересного. А я очень увлекался этой игрой и решил заинтересовать своих товарищей. Стал показывать ребятам красивые комбинации, задачи с остроумными решениями.

И лед растаял. А когда я стал играть в районных соревнованиях, то ребята заинтересовались шахматами еще больше. Теперь учитель физкультуры предложил мне тренировать новичков. Занимаюсь с учениками пятого класса. Учу их тому, что знаю сам. Теперь у нас в школе уже много шахматистов, много твоих друзей, Пешкин. Очень понравилась нам задача кемеровского школьника Саши Пономарева, которая была напечатана в журнале. Решается она ходом 1. Лh4!

Надеемся и мы научиться составлять задачи.

А тебе, Леня, я вот что хочу сказать. Не обязательно сразу создавать школьный шахматный клуб. Начни с небольшого. Пусть сначала в шахматной секции будет только несколько человек. Если будете привлекать других ребят, показывать им красоту шахмат, эта секция вырастет, и, конечно, будут у вас и турниры «Белая ладья». Так что успехов тебе».

Очень понравилось Пешкину это письмо. Верный совет дает Валентин Полищук. За активную пропаганду шахмат Пешкин наградил этого сельского школьника своей грамотой.

А теперь письмо московской школьницы **Светы Бондаревой.**

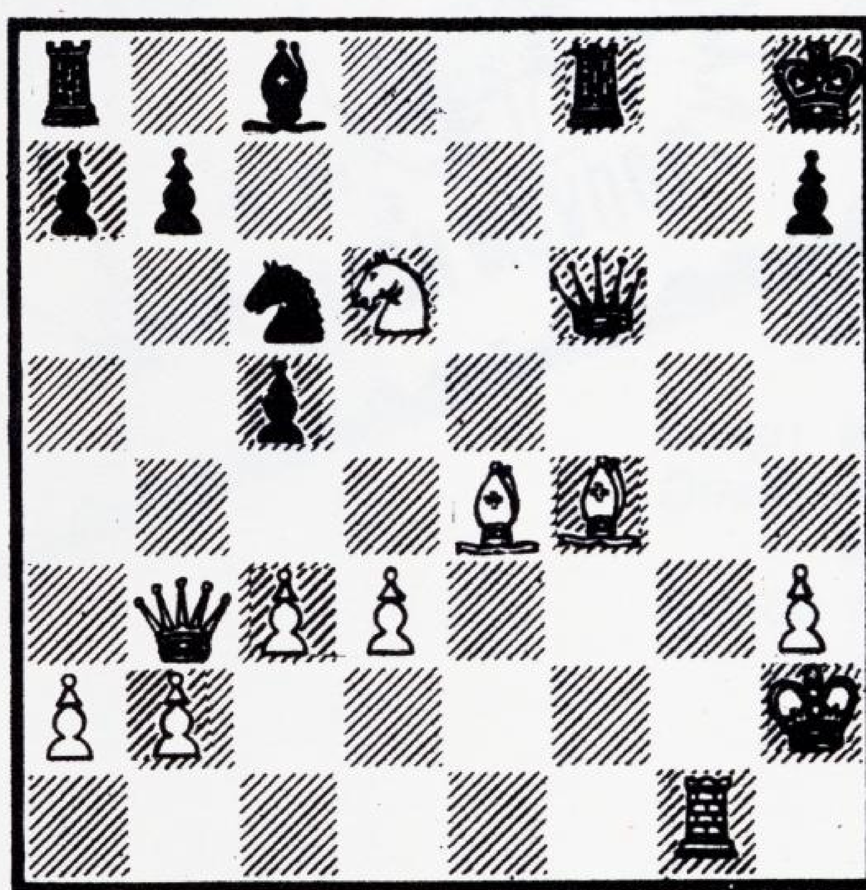
«Хочу научиться хорошо играть в шахматы,— пишет Света.— Но както робею участвовать в турнирах, у нас мало девочек увлекается шахматами, а мальчишки над нами посмеиваются».

Вот это неправильно. Те, кто играет, должны помогать новичкам так, как это делает Валентин Полищук. А тебе, Света, и твоим подругам не стоит бояться неудач. Они неизбежны у каждого в начале спортивного пути. Главное — верить в свои силы и не отступать. Вот отличный пример.

Только десять лет школьнице из маленького азербайджанского города Кахи Айнур Софиевой. Уже несколько лет Айнур играет в школьных турнирах, сначала проигрывала мальчикам, а теперь их побеждает.

А недавно Айнур приняла участие в первенстве города среди мужчин и неожиданно для всех завоевала звание чемпиона Кахи, выполнив норму первого спортивного разряда.

Когда в Азербайджан приезжала чемпионка мира Майя Чибурданидзе, она познакомилась с Айнур. После беседы с девочкой Майя сказала: «Самое приятное, что Айнур верит в свои силы». А теперь посмотрите, как играли юные шахматистки.

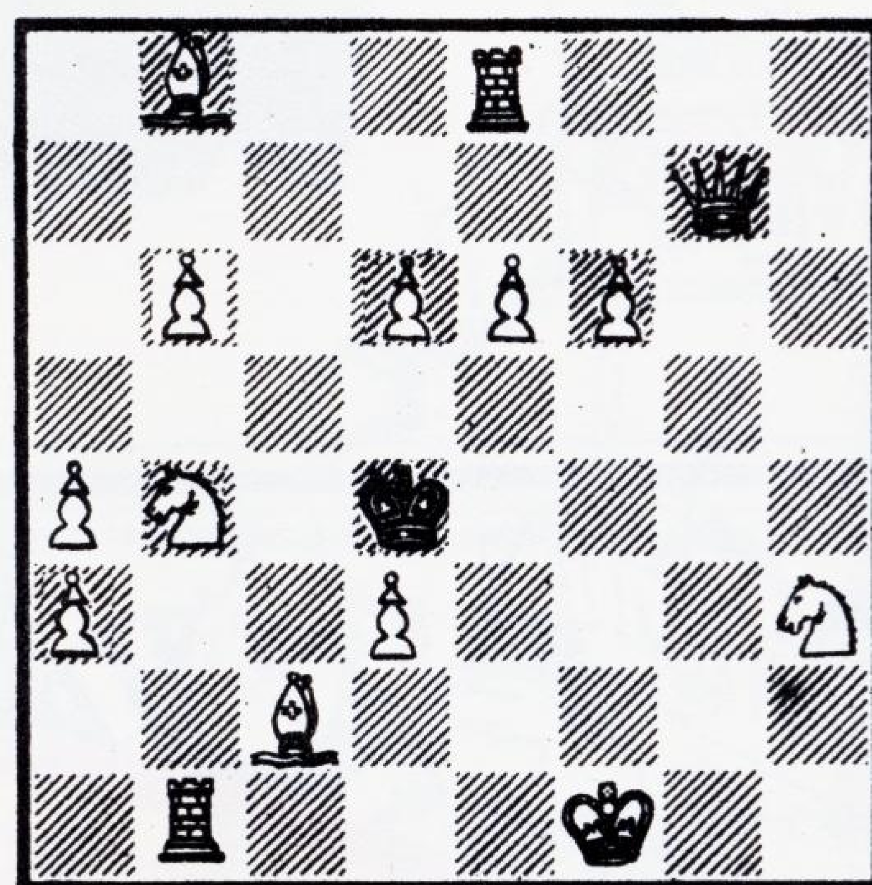
Это позиция из партии, в которой белыми играла Ира Жукова из Брянской области, а черными — Светлана Черникова из города Горького. Белые красиво провели атаку, и смелая игра Иры была отмечена специальной наградой. Советуем вам разобрать эту партию на занятиях школьной шахматной секции.

События развивались так:

22. Лg1—g8+! Лf8:g8 23. Kd6—f7+ Kph8—g7 24. Cf4—h6+ Фf6:h6 25. Kf7:h6 Лg8: f8 26. Kh6—f5+ Kpg7—f6 27. Kf5—d6 Cc8—e6 28. Фь3:ь7 Kc6—e5 29.Ce4:h7 Ла8—ь8 30. Kd6—e4 — мат.

Конкурс Пешкина

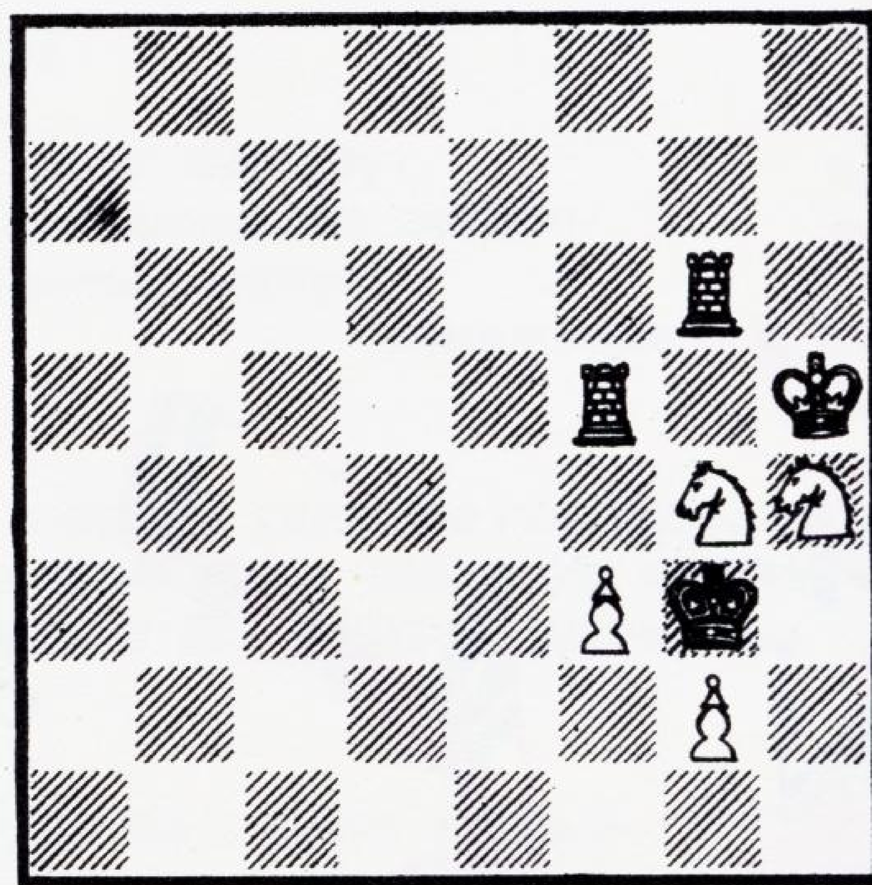
В свой конкурс Пешкин включил две смешные задачи. Все фигуры белых атакуют в них одинокого черного короля. Но он хитро скрывается от преследования, и все же...

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

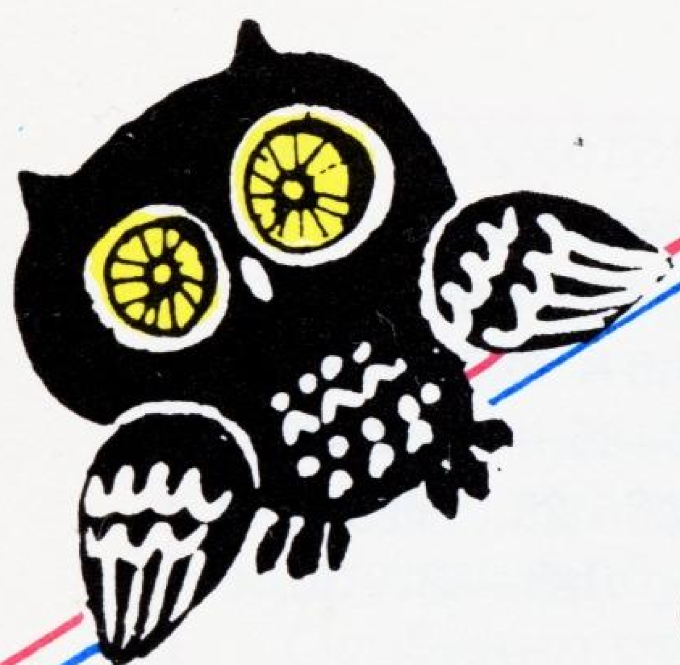
Многие ребята очень любят давать шахи королю противника, но часто бывает так, что шахи — это вовсе не лучшие ходы. И здесь шахов очень много, но к цели они вряд ли приведут.

В полное окружение попал король черных в следующей задаче, но добраться до него непросто.

Как надо играть белым, чтобы мат в три хода стал неизбежным?

Пешкин ждет ваших решений, ребята.

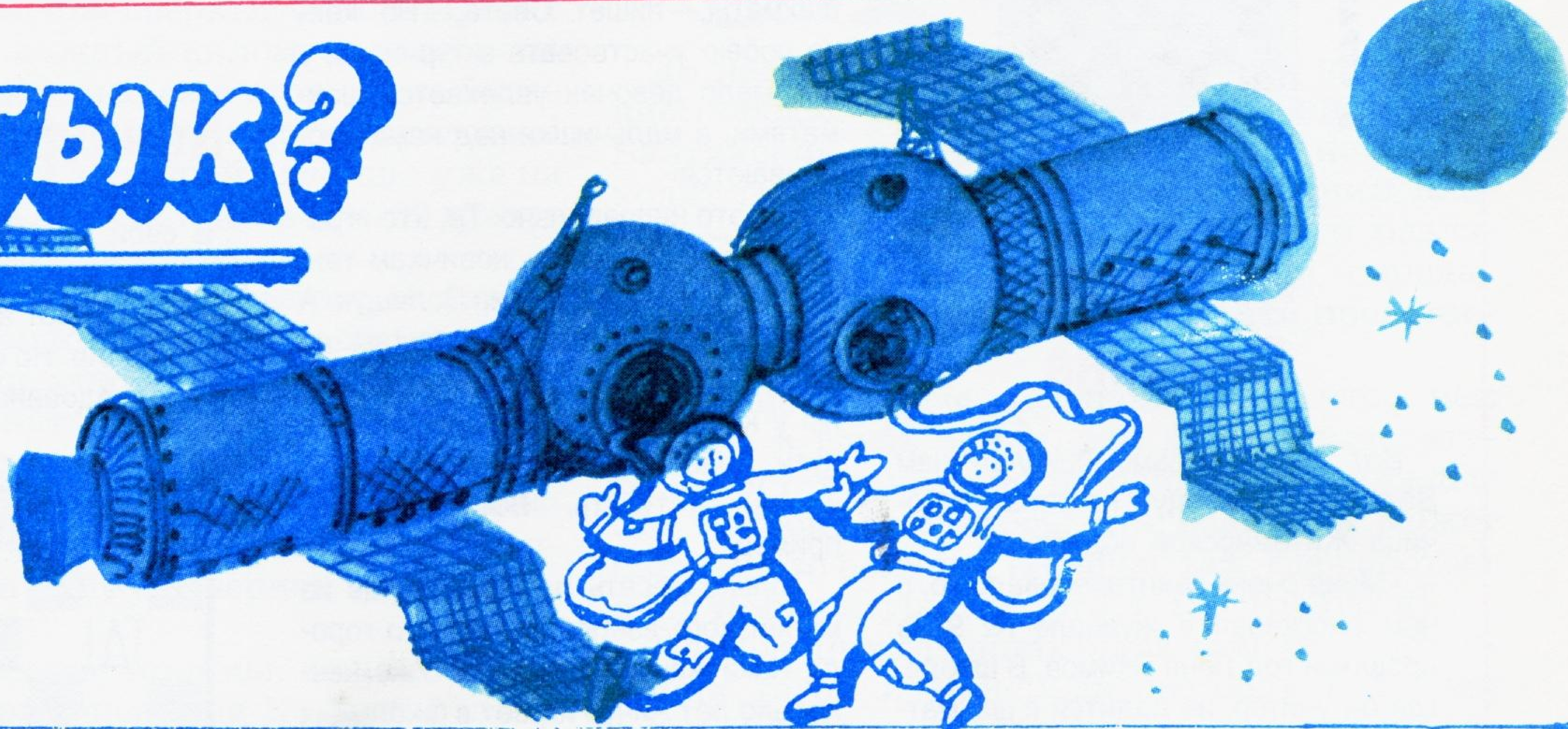

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Где стык?

Игры деда Буквоеда

ШАЙБУ!

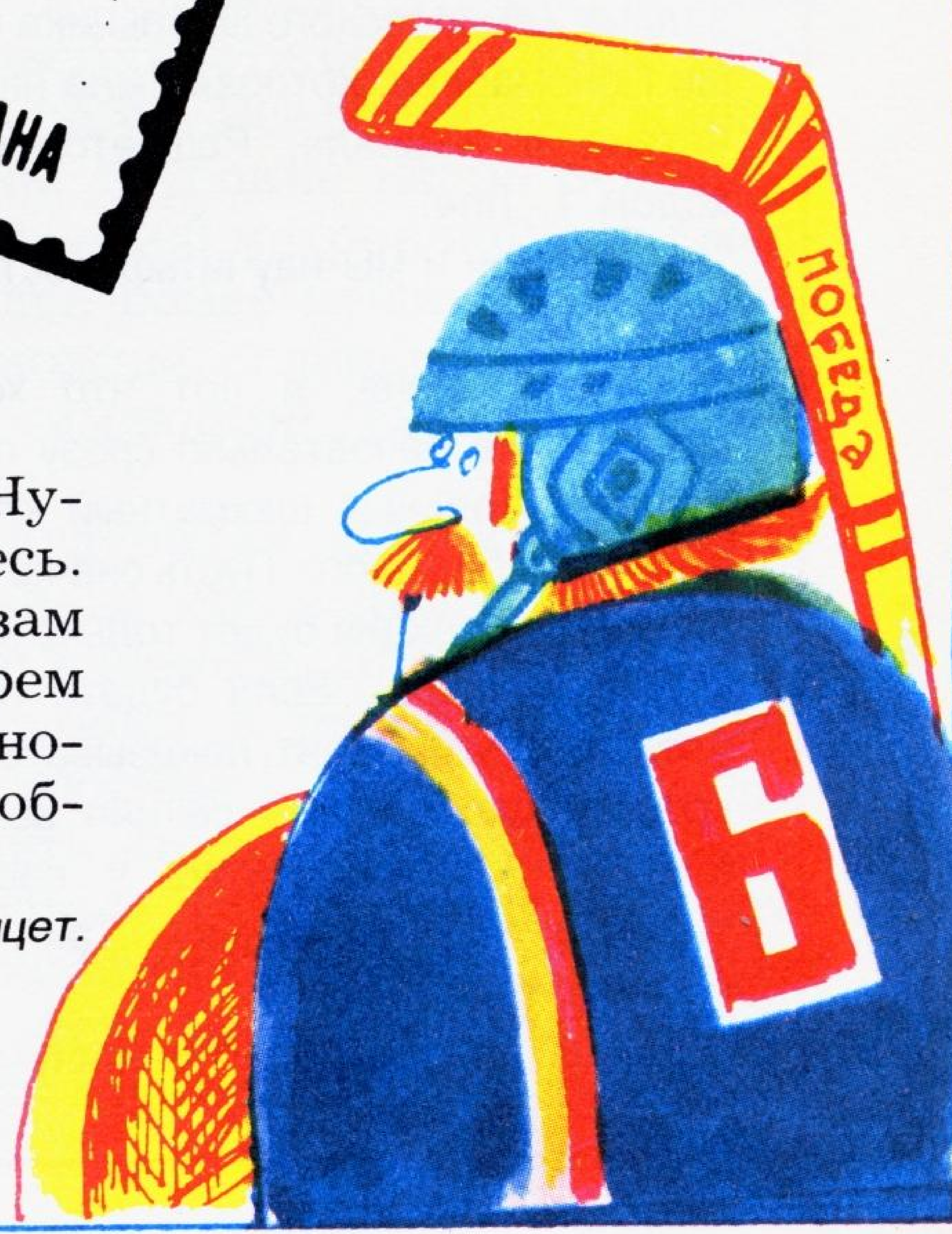

Игры Лупы и Пинцета

Нелегкое дело забрасывать шайбу! Нужен очень острый глаз! Потренируйтесь. Сколько маленьких кружочков вам удастся наложить на марку с вратарем так, чтобы все детали совпали в точности? Будет ли счет в вашу пользу? Сообщите нам, какой.

Лупа и Пинцет.

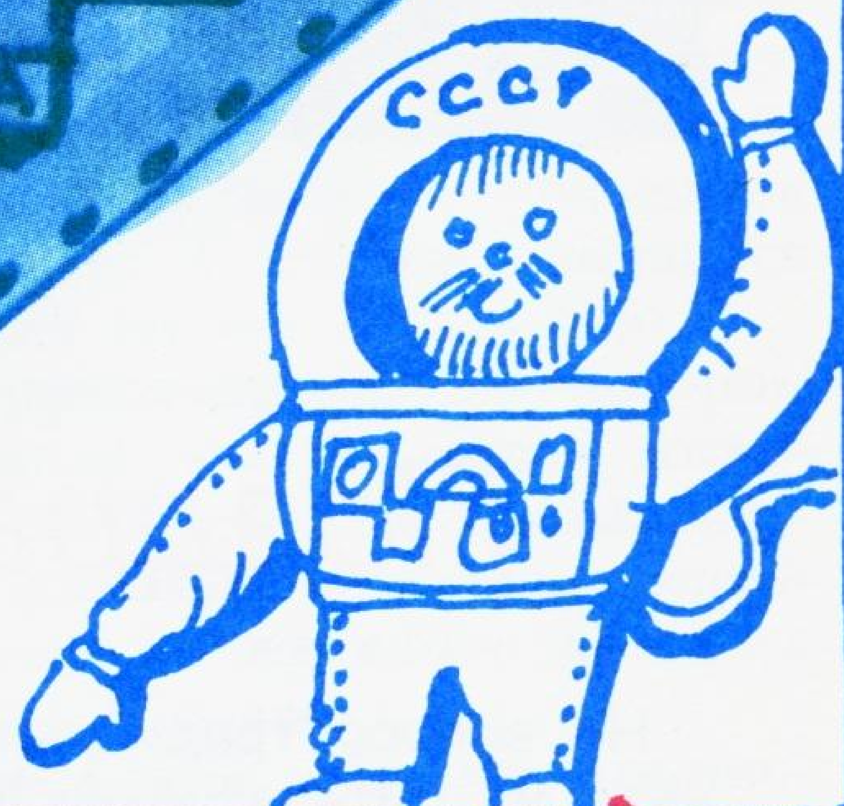
К задачам разным ты привык,
Но мне ужасно интересно,
Найти сумеешь ли — где СТЫК
Внутри моей игры словесной?

Чтобы найти, где СТЫК, постарайтесь вписать в свободные горизонтальные и вертикальные строчки слова:

арык	зыбь
овал	утес
елка	арба
трон	арка
рама	сено
сани	СТЫК
сбор	руль
рука	блин
утро	тара

Все слова должны переплестись и разместиться в двух ракетах так, чтобы на каждой четырехклеточной вертикали и горизонтали читалось какое-нибудь слово. «Утро» и «елка» уже стоят на своих местах, они помогут вам двигаться дальше.

Дед Буквоед.

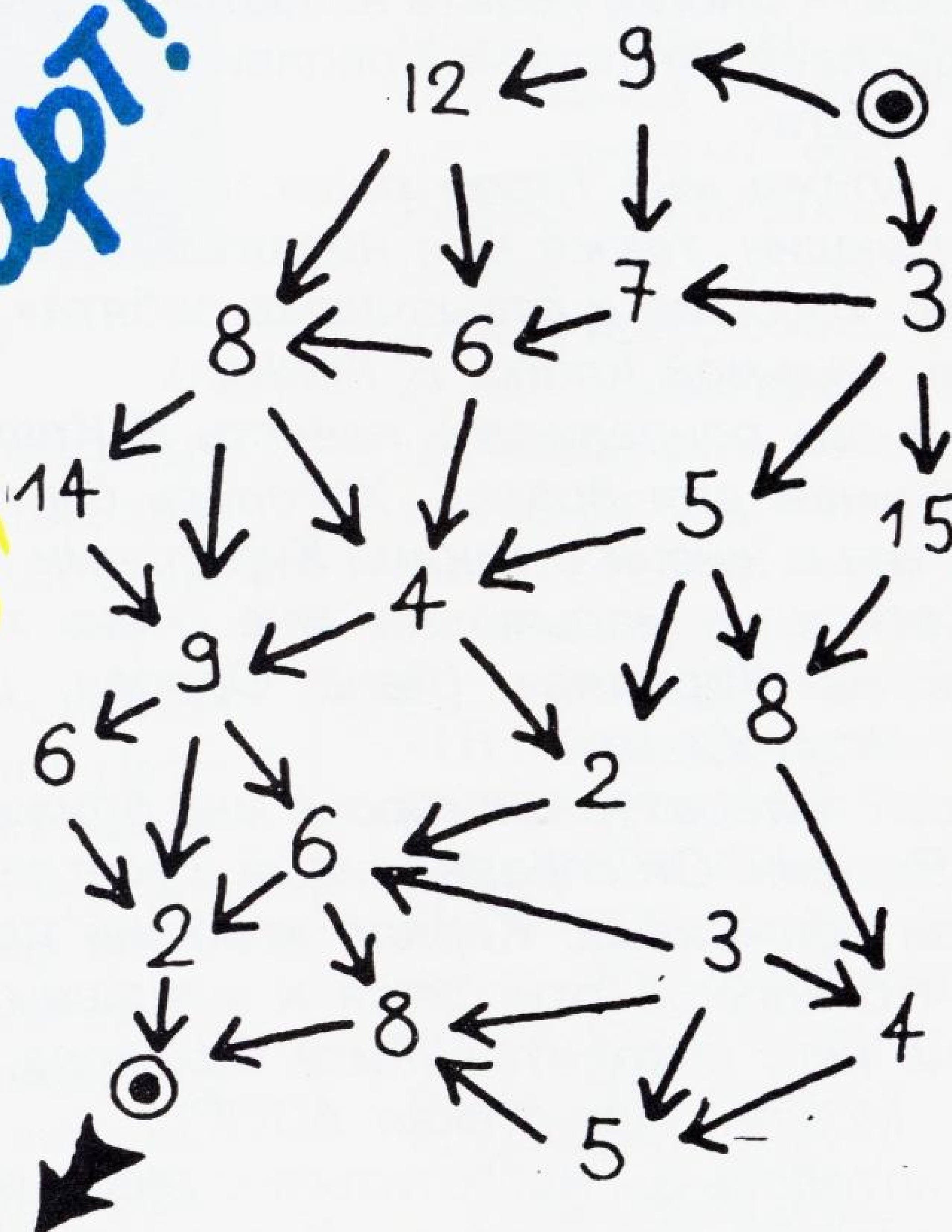
Ключи и замки

Капитан Перо ищет помощника

Три карандаша — зеленый, желтый и синий — похитили у резинок важные документы и спрятали их в своем лесном домике. Карандаши — народ недоверчивый. Они врезали в двери домика несколько замков. Ключи распределили между собой: если придет кто-нибудь один из них, он не сможет отпереть двери своими ключами, пока не придет второй или третий карандаш с ключами, которых нет у первого.

Резинки непременно хотят узнать, сколько же замков в дверях домика и как распределены ключи от них между карандашами. Я обещал им помочь разобраться в этом деле. Присоединяйтесь ко мне. Для начала давайте подумаем, какое наименьшее количество замков может быть. Обозначим их разными буквами, теми же буквами обозначим и ключи... Ну, а дальше... Жду ваших писем.

Все на старт! Приготовились! Внимание! На старт!

Старт и финиш!
Очень просим,
изучите свой маршрут.
Кросс продлится двадцать восемь
обязательных минут!

Живживка

Примечание: в ответе укажите последовательно подобранные вами числа. Их сумма должна быть равна 28. Желаем удачи!

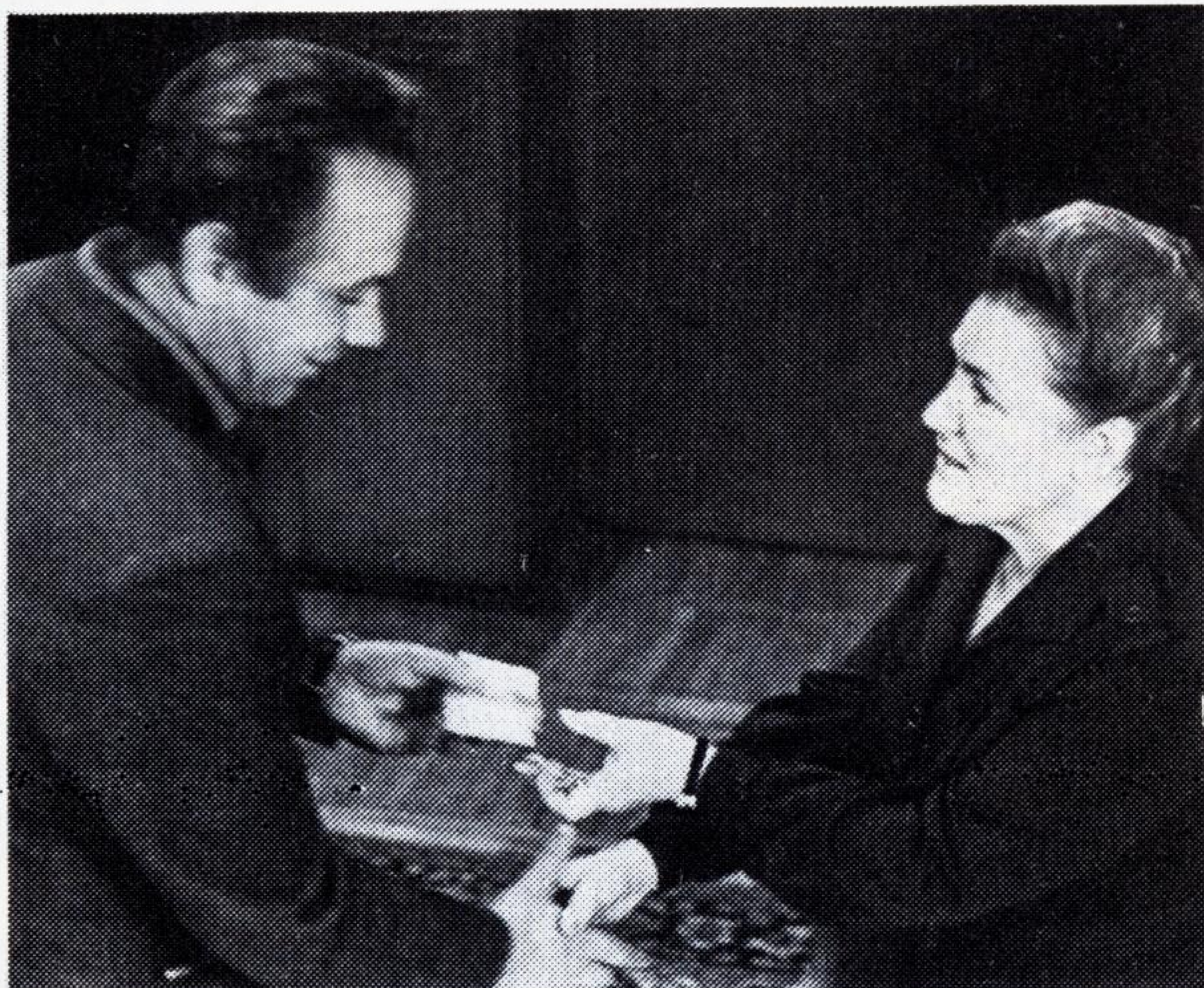
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Какого цвета Нд? Нд должен быть обязательно синего цвета!

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Учитесь видеть насквозь! На обратной стороне всех кубиков должно быть написано слово — КОРШУН.

Поздравляем!

На вопрос традиционной анкеты «Пионер-79» «Кто из литературных героев вам больше всего понравился?» многие ребята назвали героев повести Владислава Петровича Крапивина «Колыбельная для брата».

«Всех ближе мне герой повести В. Крапивина Кирилл Векшин, также мне нравятся его друзья. Это очень хорошие и отзывчивые ребята» (Женя Мурашов, седьмой класс, г. Абакан).

«Мне очень понравилась повесть В. Крапивина «Колыбельная для брата». Хотелось бы почаще встречаться в жизни с такими Кириллами Векшиными. Хотя я не мальчишка, мне очень хочется походить на Кирилла» (Лена Орлова, шестой класс, г. Улан-Удэ).

«Из всех литературных героев мне ближе всего Кирилл Векшин. Он справедливый и всегда заступается за обиженных. Кирилл хороший мальчик, потому что хорошо относится к младшим. Я бы хотела на него походить» (Рита Фахатова, пятый класс, г. Можга, Удмуртская АССР).

«Мне хотелось бы встретиться с героями повести Владислава Крапивина — Кириллом, Чирком, Женей, Митькой, так хочется перенять от них все хорошее. А Дыб у нас и своих хватает» (Иван Антонов, третий класс, г. Пермь).

Каждую новую повесть лауреата премии Ленинского комсомола В. Крапивина с нетерпением ждут юные читатели, спрашивают, будет ли продолжение «Колыбельной для брата», чем занимается отряд «Каравелла», которому в прошлом году исполнилось 15 лет.

В. П. Крапивин за свой большой литературный труд, работу с юнкоровским морским отрядом награжден значком Министерства просвещения РСФСР «Отличник народного просвещения». Недавно в редакции «Пионера» эту награду вручила писателю заместитель министра просвещения РСФСР Любовь Кузьминична Балясная. В. П. Крапивин дал обещание и дальше верно служить детской литературе и пионерской организации. Сейчас В. П. Крапивин работает над новой повестью для «Пионера».

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 31.12.80.
Подписано к печати 20.01.81. А 05016. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 720 000 экз. Изд. № 303. Заказ № 16.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Однажды в почте «Переменки» оказалось такое письмо: «Конечно, как и все ребята, мы с моим другом Сашей очень любим цирк. И особенно фокусы. Однажды в наш город приехал Игорь Кио. Мы решили обязательно узнать его секреты или хотя бы один. И как только Игорь Кио спросил, кто из зрителей хочет ему помочь, мы с Сашей выбежали на арену. Кио сказал, что он залезет в мешок, а мы этот мешок должны крепко завязать. Мы завязали его морским узлом. Потом мешок положили в сундук. Через секунду сундук открыли, а он... пустой. А Кио был уже среди зрителей. Потом мы его спросили: как ему удалось развязать наш узел? Кио засмеялся и сказал, что надо развивать мускулы. Мы развивали их два месяца, но так у нас ничего и не получилось...»

Корреспондент. Прочитав это письмо, я прежде всего спросила заслуженного артиста республики Игоря Кио, правда ли, что он всерьез занимается спортом?

Кио. Конечно, занимаюсь. Каждый цирковой артист всегда должен быть в отличной спортивной форме, иначе он просто не сможет работать на манеже. И это относится... не только к людям. Вот, например, со мной работает отличный артист — Михаил Топтыгин...

Корреспондент. Вы хотите сказать — медведь?

Кио. Да, настоящий лесной мишка. И знаете, стоит только моему Мише услышать по радио зарядку — он тут же начинает делать приседания. Артисту цирка иначе просто нельзя, а Миша — настоящий артист... Сам я в детстве долго не мог выбрать, кем стать — футболистом или артистом. Стал артистом, но спортом всегда занимался очень серьезно.

Корреспондент. Игорь Эмильевич, у вас уже огромный опыт выступлений. Кого из своих зрителей вы считаете самыми трудными?

Кио. Самые «трудные», конечно, ребята. Уж очень они упорно, настойчивее взрослых, пытаются разгадать мои «секреты». Помню, я как-то заметил мальчика лет девяти, который сидел в первом ряду и буквально ел меня глазами. Я чувствовал, как он следит за каждым моим движением. На пятом или шестом своем выступлении я не выдержал и спросил: «Ну как тебе не надоест каждый день смотреть одно и то же? Что ты хочешь узнать?» «Мне надо узнать только один фокус, — ответил он. — С роялем. Куда деваются ножки?..» А дело в том, что у меня есть такой номер: на арене стоит большой рояль, я выхожу, взмах рукой — и ножки у рояля исчезают... «Зачем тебе это?» — спрашиваю я. Он объясняет: «Меня заставляют дома играть на пианино. Вот если бы ножки у него исчезли, я мог бы стать футболистом или фокусником, а играть все равно не буду...»

Корреспондент. Ребята расшифровали ваш псевдоним так: КИО — Как Интересно Обманывать. А на самом деле, откуда взялось это загадочное имя — КИО?

Кио. Этот секрет я охотно раскрою. Однажды мой отец, тогда еще начинающий иллюзионист, возвращался с друзьями домой после представления. Одна из актрис, взглянув на световую рекламу кино, рассмеялась и воскликнула: «Смотрите: погасла одна буква, и получилось не «КИНО», а «КИО». А потом, взглянув на моего отца, серьезно спросила: «А почему бы вам, Эмиль, не выступить под именем КИО?» «Действительно, коротко и таинственно», — засмеялся мой отец... С тех пор и появился на свет артист Эмиль Кио...

Корреспондент. ...о котором говорили, что он может сотворить любые чудеса! Правда, когда я побывала на вашем концерте, мне то же самое хотелось сказать и о вас.

Кио. Самое забавное, что иногда так думают и обо мне! Не в шутку, как вы, а всерьез. Три года назад японское телевидение снимало обо мне фильм. Режиссер попросил меня сделать несколько трюков на улицах Токио. И предложил: «Вы в черном фраке выйдете на главную улицу, взмахнете рукой — и все машины исчезнут!» Я стал убеждать его, что такое задание мне не под силу, что это может только кино! Режиссер обиделся. «Ну, хорошо, — сказал я, чтобы свести все к шутке. — Я сделаю так, чтобы все машины исчезли. Но и вернуть их я уже никак не смогу. Кто тогда выплатит страховку владельцам машин?» Выплачивать страховку он категорически отказался.

Корреспондент. Давайте вспомним начало нашей беседы: почему у ребят, написавших письмо в «Переменку», никак не получался фокус с мешком и сундуком?

Кио. Если серьезно, то сам я работал над этим номером три года. В цирке ничего не получается легко. За каждым взмахом волшебной палочки и уверенными словами «Раз, два, три!» — месяцы раздумий, тренировок и кропотливой работы. Поэтому я желаю ребятам: пусть каждый их ответ у классной доски покажется учителю чудесным и легким. И чтобы никто не заметил, как много честной работы кроется за этой легкостью!

Беседу вела
Регина ДУБОВИЦКАЯ.

Будем мир беречь

Музыка Н. ПЕСКОВА.

Слова М. САДОВСКОГО.

Голоса пионерских костров,
Все, что с детства навек полюбили,
Мирный дом,
Мирный кров,
Пионер, будь готов
Защитить в непогоды любые!

Припев: *Сердце каждое дружбой зажечь —*
Всех людей на всей планете,
Чтоб дружили
Все на свете,
Это значит — мир беречь!
Будем дружбой мир беречь!
Будем мир беречь!

Путь к открытью далеких миров,
Радость встреч и мечты дорогие,
Ширь полей,
Шум ручьев,
Пионер, будь готов
Защитить в непогоды любые!

Припев.

Мы живем по примеру отцов,
Не нужны нам дороги простые.
Даль мечты,
Правду слов,
Пионер, будь готов
Защитить в непогоды любые!

Припев.

ИЗ КОМПОЗИЦИИ «МЫ НАЧИНАЕМ ЮНОСТИ ПОЛЕТ»

Размеренно. Четко

Го-ло-са пи-о-нер-ских кос-тров, все, что
с дет-ства на-век по-лю-би-ли, мир-ный дом, мир-ный кров, пи-о-
-нер, будь го-тов за-щи-тить в не-по-го-ды лю-бы-е!
Припев: Серд-це каж-до-е друж-бой за-жечь всех лю-дей на всей пла-
-не-те, чтоб дру-жи-ли все на све-те, э-то зна-чит — мир бе-
-речь! Бу-дем друж-бой мир бе-речь! Бу-дем
1.2. мир бе-речь! 3. мир бе-речь!

ISSN 0130—8009

Цена 25 коп. Индекс 70694.